МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

International Journal of Humanities and Natural Sciences

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ *гуманитарных и естественных наук*

№ 10-3 (49)

2020

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 10-3 (49), октябрь 2020 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Тогусаков О.А. – д-р филос. наук, профессор, член-корреспондент НАН (Киргизия)
Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)
Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, профессор РАО (Россия)
Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)
Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)
Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)
Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)
Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)
Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)
Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)
Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)
Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)
Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)
Ниценко В.С. – д-р экон. наук, доцент (Украина)
Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)
Датий А.В. – д-р мед. наук (Россия)
Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)

В Международном журнале гуманитарных и естественных наук публикуются результаты научных исследований фундаментального и прикладного характера в области физики, химии, биологии, экономики, философии, финансов, управления и других наук. К публикации принимаются статьи как уже состоявшихся ученых, так и начинающих (аспирантов, магистров, студентов).

Рабочий язык журнала русский и английский.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Редакция оставляет за собой право отклонить поданные на публикацию материалы научных исследований без объяснения причин.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:
E-mail: info@intjournal.ru
Сайт: http://intjournal.ru/
Телефон: +7-905-951-51-63
Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович
Учредитель и издатель: ООО «Капитал»
Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Юридические науки

Басова М.В. Причины возникновения социальной напряженности в населенных пунктах, расположенных в границах национальных парков, и принимаемые меры по ее снижению 6

Баширина Е.Н., Фирсова Н.В. Некоторые практические аспекты приобретения права собственности по давности владения 12

Беляева Г.С., Дыбов А.И. К вопросу о мерах противодействия коррупции в Российской Федерации 16

Беляева Г.С., Дыбов А.И. Нормативно-правовые основы противодействия коррупции в системе государственной службы 19

Богачев Д.В. Проблемы наименования сторон наследственного договора в гражданском законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран 22

Божко А.П. К вопросу о соотношении права и справедливости 26

Брылева К.М. Принципы правового регулирования трансплантологической деятельности в Российской Федерации 29

Булатских М.М., Шумских Д.В. Проблемы применения обеспечительных мер в гражданском процессе 35

Володин Т.М. Защита Министерством природных ресурсов и экологии Республики Хакасия конституционных прав граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду, обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности 38

Гатаулина Ю.А. Государственно-правовые механизмы управления этническим и религиозным конфликтами, их регулирование и разрешение 42

Горелов М.В., Касимова А.А. Устные объяснения административного истца в административном судопроизводстве 46

Горина А.В. Возможности нотариата в сфере внесудебной защите прав и законных интересов граждан и организаций 49

Горина А.В. Медиация в нотариальной деятельности 52

Гречухин А.И. Принцип состязательности гражданского судопроизводства России: исторический аспект и современная трактовка 55

Гумерова Л.Ш., Габдрахманова Р.А. Роль и значение административной ответственности в системе мер ответственности за нарушение рекламного законодательства 60

Гусарова Е.А. Место международного частного права в правовой системе Российской Федерации 65

Досумбетов Д.К. Сущность договора финансирования под уступку денежного требования 68

Дыдыгина Ю.Н. История становления и развития арбитражных судов в РФ _____ 71

Егорова Е.П. Влияние цифровых технологий на криминалистическое исследование подписи _____ 74

Егорова Е.П. Вопросы квалификации хищений электронных денежных средств_____ 77

Жапаркулова Н.Ж. Становление норм предпринимательского права в Кыргызской Республике_____ 81

Захарова А.В. Государственное и правовое регулирование рынка медицинских услуг в России_____ 84

Зорькина А.Ю., Николенко А.А. Институт представительства в гражданском процессе как средство гарантирования конституционных основ судопроизводства _____ 88

Калашникова Е.Б., Тимохина М.И. О преступленях и наказаниях через призму истории политических и правовых учений _____ 91

Калыбек кызы Замира Кыргызская Республика – как правовой инструмент защиты прав и свобод лиц с ограниченными физическими возможностями _____ 94

Калыбек кызы Замира Особенности реализации личных прав лиц с ограниченными возможностями здоровья _____ 98

Канунникова Е.А., Лошкарев А.В. Цифровизация юридической профессии: угрозы и возможности _____ 103

Каршиева Э.Р. Финансовая ответственность как разновидность юридической ответственности _____ 106

Коваленко М.А. Временная охрана промышленного образца: вопросы правового регулирования_____ 110

Королева Д.В. Условия применения застройщиком-банкротом иска о признании права собственности на возведенные объекты недвижимости _____ 113

Крякина Т.А., Хаснутдинов Р.Р. Некоторые проблемы применения специальных знаний при расследовании «компьютерных преступлений» в условиях цифровизации _____ 117

Лошкарев А.В., Божко А.П. Влияние цифровых технологий на отпимизацию производств по делам о несостоятельности (банкротстве) _____ 120

Лошкарев А.В., Дыдыгина Ю.Н. Вопросы цифровой среды доверия_____ 124

Лошкарев А.В., Крылова А.Е. Возмещение ущерба причиненного преступлением с использованием криптовалют _____ 127

Лошкарев А.В., Кузьмичева Ю.В. К вопросу об обращении взыскания на криптовалюту и электронные денежные средства _____ 131

Маликова А.Х., Гостева О.Н. История и методология правового регулирования труда на государственной службе в России_____ 135

Маликова А.Х., Кавкаева Ю.А. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем 143

Маликова А.Х., Мовсесян В.Э. Проблемы определения понятия «саморегулируемая организация» в российской юридической науке 146

Малякова А.А., Калашникова Е.Б. Электронный нотариат в России 150

Малякова А.А., Маликова А.Х. Отдельные проблемы юридической герменевтики 153

Малякова А.А., Черевиченко Т.С. К вопросу о проблемах сохранения правовой идентичности в условиях глобализации правовых систем 156

Меренкова В.А. К вопросу о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации уголовного проступка 159

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В ГРАНИЦАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ, И ПРИНИМАЕМЫЕ МЕРЫ ПО ЕЕ СНИЖЕНИЮ

М.В. Басова, *магистрант*
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
(Россия, г. Новосибирск)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11147

Аннотация. *В настоящей статье рассмотрена актуальная проблема, связанная с нарастанием социальных конфликтов по вопросу нахождения в границах особо охраняемых природных территорий, в частности на территориях национальных парков, населенных пунктов, включенных в их состав в разные годы и десятилетия. При этом ключевая причина возникновения конфликтов кроется в положениях действующего законодательства Российской Федерации, ущемляющих права и интересы граждан, проживающих на территориях национальных парков. Следует заметить, что за последние годы неоднократно на различных площадках обсуждались инициативы, предусматривающие внесение изменений в действующее законодательство Российской Федерации, в том числе в части исключения населенных пунктов из состава национальных парков и других особо охраняемых природных территорий. Однако на момент подготовки настоящей статьи работа по совершенствованию законодательства об особо охраняемых природных территориях не завершена, в связи с чем, вышеуказанная проблема сохраняет свою актуальность.*

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории, национальный парк, федеральная собственность, земельные участки, изъятые из оборота, национальный парк «Тункинский», нарушение земельного законодательства, административная ответственность, социальная напряженность, совершенствование природоохранного законодательства.*

Согласно положениям Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», особо охраняемыми природными территориями признаются участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны [1].

Особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) относятся к объектам общенационального достояния и, по данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, занимают порядка 13 % площади территории Российской Федерации, из которых особую категорию составляют национальные парки (в настоящее время насчитывается не менее 50 национальных парков) [2].

К примеру, в Тункинском районе Республики Бурятия Постановлением Совета Министров РСФСР от 27.05.1991 № 282 образован национальный парк «Тункинский» Министерства лесного хозяйства РСФСР общей площадью 1183662 га, в том числе с включением земель государственного лесного фонда, земель государственного запаса, земель колхозов и совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, земель населенных пунктов (3628 га), земель других землепользователей без изъятия их из хозяйственной эксплуатации [3]. Согласно Постановлению Совета Министров Бурятской ССР от 31.12.1991 № 353 национальный парк «Тункинский» создан в пределах границ всего Тункинского административного района Бурятской ССР (численность населения Тункинского района Республики Бурятия составляет более 22 тысяч граждан).

Правовой особенностью функционирования национальных парков является то, что, с одной стороны, действующим законодательством допускается и предполагается нахождение в их границах населенных пунктов, на территории которых осуществляется повседневная жизнедеятельность граждан. С другой стороны, права граждан, проживающих в таких населенных пунктах, значительно ограничены.

Так, земельные участки и природные ресурсы, расположенные в границах национальных парков, находятся в федеральной собственности и, согласно статье 27 Земельного кодекса Российской Федерации, фактически изъяты из оборота [4], а следовательно, земельные участки не могут передаваться в частную собственность (не подлежат приватизации), а также быть предметом сделок, предусмотренных гражданским законодательством. Аналогичные положения содержатся в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) и в Федеральном законе «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ [5].

В соответствии с положениями Федерального закона № 33-ФЗ на территориях национальных парков запрещается любая деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира, в том числе не допускается предоставление на территориях национальных парков земельных участков для ведения садоводства и огородничества, индивидуального гаражного и индивидуального жилищного строительства.

Как показывает практика, правовой статус земель национальных парков существенно ограничивает права граждан, проживающих в населенных пунктах, расположенных в границах национальных парков. Органы местного самоуправления лишены возможности в полной мере реализовывать планы (программы) социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных в границах указанных ООПТ, осуществлять мероприятия, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, в том числе на социальную защиту (поддержку), в связи с чем установленные запреты и ограничения провоцируют социальную напряженность и протесты населения. Таким образом, в текущее время в национальных парках сложилась своего рода тупиковая ситуация: законодательством об ООПТ не ставится вопрос об освобождении территорий национальных парков от сторонних землепользователей, признается возможность нахождения и развития населенных пунктов, однако не допускается оформление в этих целях земельных отношений.

Отсутствие возможности оформления земельных отношений в национальных парках имеет ряд отрицательных последствий:

1. Правообладатели объектов недвижимости не могут исполнить требования законодательства в части обязательного оформления земельных отношений, в связи с чем в адрес таких правообладателей регулярно поступают предписания надзорных органов с требованием уплатить штрафы.

Например, в рамках проведенного государственного земельного надзора на территории Тункинского района Республики Бурятия в адрес территориального органа Росимущества, на которого возложены полномочия по осуществлению контроля за управлением, распоряжением, использованием по назначению и сохранностью земельных участков, находящихся в федеральной собственности [6], ежемесячно поступают сообщения от Тункинского отдела Управления Росреестра по Республике Бурятия о нарушениях земельного законодательства, выразившихся в самовольном использовании федеральных земельных участков гражданами и юридическими лицами, без оформленных в установленном порядке правоустанавливающих и правоудостоверяющих документов. Так, за период с 1 января 2017 г. по 31 мая 2019 г. в адрес территориального органа Росимущества поступило 75 сообщений Управления Росреестра по Республике Бурятия, одно обращение Прокуратуры Тункинского района Республики Бурятия о нарушениях земельного законодательства, выразившихся в самовольном использова-

нии федеральных земельных участков 104 гражданами (под жилыми домами) и 14 юридическими лицами, в том числе под объектами социального значения (школы, детские сады, больницы), на территории Тункинского района Республики Бурятия. По итогам проведенных проверок виновные лица привлечены к административной ответственности в соответствии со статьями 7.1, 19.5 КоАП РФ. Необходимо отметить, что санкцией части 25 статьи 19.5 КоАП РФ установлен административный штраф в размере: на граждан – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификация на срок до трех лет; на юридических лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей [7].

2. Органы местного самоуправления не имеют возможности исполнять социальные обязательства перед местным населением. Так, строительство социальных объектов, в основном за счет средств федерального бюджета, невозможно без предоставления земельных участков.

3. В отсутствие возможности законного оформления земельных отношений земельные участки занимаются и застраиваются без оформления земельных отношений. В целях устранения нарушений земельного законодательства территориальным органом Росимущества зачастую в судебном порядке предпринимаются меры по защите прав Российской Федерации, подаются исковые заявления об истребовании имущества из чужого незаконного владения и о сносе самовольных построек.

4. Отсутствие оформленных земельных отношений препятствует реализации принципа платности использования земли, что, естественно, влияет на формирование доходной части государственного бюджета.

Таким образом, существует замкнутый круг проблем, который провоцирует рост социальной напряженности, главными признаками которой является агрессия большей части населения, недовольство существующим положением дел в сфере земельных отношений, недоверие к властям.

В целях исключения правовых причин, порождающих конфликты с населением, проживающим в границах национальных парков, назрела необходимость внесения изменений в природоохранное, земельное и иное законодательство Российской Федерации

Так, учитывая необходимость социально-экономического развития населенных пунктов, расположенных в границах национальных парков, в ноябре 2019 г. прошли парламентские слушания в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации на тему: «О мерах по обеспечению прав граждан, проживающих в населенных пунктах, расположенных в границах национальных парков» [8]. По итогам данного мероприятия заинтересованными федеральными органами власти в ходе ряда совещаний и рабочих встреч прорабатывался вопрос о внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон № 33-ФЗ, предусматривающих снятие ряда ограничений на оборот земельных участков в границах населенных пунктов, расположенных в национальных парках. Также рассматривалась возможность изменения границ национальных парков за счет включения в состав национального парка других земель (земель лесного фонда, водных объектов и т. д.) и исключения земельных участков, расположенных в фактических границах поселений, при условии, что данное исключение не влечет за собой угрозу для сохранения природных ландшафтов и биологического разнообразия, и при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы документов (материалов), обосновывающих такое изменение, с учетом результатов публичных слушаний. Необходимо отметить, что, по мнению Росимущества, в отдельных случаях корректировка внешних границ ООПТ может снять только некоторые противоречия, но не разрешит полностью сложившуюся ситуацию и сопряжена с множеством недостатков, а именно:

– многие национальные парки имеют в том числе и международное значение, в связи с чем изменение их границ требует согласования с ЮНЕСКО;

– проведение работ по изменению границ даже одного национального парка требует значительных временных и финансовых затрат;

– исключение населенных пунктов из границ национальных парков не может считаться окончательным решением проблемы: развитие населенных пунктов приведет к необходимости дальнейшей корректировки границ особо охраняемых природных территорий, потенциально – каждые несколько лет.

Росимущество полагает, что единственным системным решением проблемных вопросов, связанных с ведением хозяйственной деятельности в национальных парках, является внесение изменений в действующее законодательство, предполагающих сохранение населенных пунктов и иных территорий хозяйственного назначения в национальных парках.

В текущее время мероприятия по совершенствованию законодательства об ООПТ продолжаются, предложения проходят согласования с заинтересованными органами государственной власти.

Хотелось бы отметить, что для разрешения ситуации, сложившейся в муниципальном образовании «Тункинский район» Республики Бурятия в сфере земельных и имущественных отношений, Правительством Республики Бурятия подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Постановление Совета Министров РСФСР от 27.05.1991 №282 «О создании государственного природного национального парка «Тункинский» Министерства лесного хозяйства РСФСР в Бурятской ССР», которым предусмотрено исключение из национального парка «Тункинский» земель населенных пунктов и земель сельскохозяйственного назначения и включение иной площади из территории земель лесного фонда. Проект нормативного правового акта и обоснование предлагаемых изменений находятся на согласовании в Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

В целях снятия социальной напряженности Администрация муниципального образования «Тункинский район» Республики Бурятия обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с административным исковым заявлением о признании недействующим пункта 28 Положения о национальных природных парках Российской Федерации (со дня его принятия), утвержденного Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 10 августа 1993 г. № 769, ссылаясь на то, что в соответствии с действующими нормами федерального законодательства в границах национальных парков допускается наличие земельных участков иных пользователей и собственников, что нарушает ее право на законное владение, пользование и распоряжение земельными участками, занятыми муниципальными объектами, исходя из основного принципа земельного законодательства о единстве судьбы земельных участков и находящейся на них недвижимости. Однако по результатам рассмотрения административного дела от 13.01.2020 № АКПИ19-837 об оспаривании нормативного правового акта Верховным Судом Российской Федерации принято решение об отказе в удовлетворении заявленных требований, так как оспариваемый нормативный правовой акт признан соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу [9]. Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации решение Верховного Суда Российской Федерации оставлено без изменения.

С учетом изложенного мы видим, что органы государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации плотно взаимодействуют между собой в целях выработки эффективных мер, направленных на снижение социальной напряженности среди населения, проживающего на территории национальных парков. Будем надеяться, что решение, позволяющее обеспечить права граждан и способствующее социально-экономическому развитию поселений, расположенных в границах национальных парков, будет принято в ближайшее время.

Библиографический список

1. Об особо охраняемых природных территориях: федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 12. Ст. 1024.

2. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/activity/oopt/ (дата обращения: 08.09.2020).

3. О создании государственного природного национального парка «Тункинский» Министерства лесного хозяйства РСФСР в Бурятской ССР: постановление Совета Министров РСФСР от 27 мая 1991 г. № 282. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tunkapark.ru/about/history (дата обращения: 08.09.2020).

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 28 сентября 2001 г.: в редакции Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

5. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21 декабря 2001 № 178-ФЗ [ред. от 2 августа 2019 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. Ст. 251.

6. О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом: постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 432 [ред. от 12 февраля 2020 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 23. Ст. 2721.

7. Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 20 декабря 2001 г.: в редакции Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

8. Стенограмма парламентских слушаний на тему «О мерах по обеспечению прав граждан, проживающих в населенных пунктах, расположенных в границах национальных парков» от 20.11.2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/Hi3kzTclZYAwoqe2WaufTok9rAvMao0k.pdf (дата обращения: 08.09.2020).

9. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 13.01.2020 № АКПИ19-837 «Об отказе в удовлетворении административного искового заявления о признании недействующим пункта 28 Положения о национальных природных парках Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 10.08.1993 N 769». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

CAUSES OF SOCIAL TENSION IN LOCATIONS LOCATED IN THE BORDERS OF NATIONAL PARKS AND MEASURES TAKEN TO REDUCE IT

M.V. Basova, *Graduate Student*
Siberian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The article deals with the urgent problem of the rise of social conflicts over the status of the settlements included in the territory of special protected natural areas, in particular, national parks, in different years and decades. The key reason for the emergence of conflicts lies in the provisions of the current Russian legislation, which infringe on the rights and interests of citizens living in the territories of national parks.*

It should be noted that in recent years, initiatives that provide for amendments to the current legislation of the Russian Federation, including the secession of settlements from the national parks and other specially protected natural areas have been repeatedly discussed at multiple levels. However, the efforts aimed at improving the legislation on special protected natural areas has not been completed, and therefore the considered problem remains relevant today.

Keywords: *special protected natural areas, national park; federal property; withdrawn from commerce; Tunkinsky national park; violation of land legislation; civil liability; social strain; improvement of environmental regulation system.*

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПО ДАВНОСТИ ВЛАДЕНИЯ

Е.Н. Баширина, *канд. полит. наук, доцент*
Н.В. Фирсова, *канд. юрид. наук, доцент*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11148

Аннотация. *В статье анализируется институт приобретательной давности, который принято считать одним из старейших комплексов правовых норм, которые известны человечеству еще со времён римского права. Их существование обусловлено необходимостью защиты имущественных прав участников гражданского оборота.*

В современном российском законодательстве институт приобретательной давности нашел свое законодательное закрепление относительно недавно. Так, нормативное регулирование приобретения права собственности на основании давностного владения осуществлялось посредством положений советского гражданского права. Указанные положения устанавливали возможность граждан и юридических лиц, не являющихся собственником имущества, приобрести право собственности на это имущество в случае, если они открыто и добросовестно владеют как собственник недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет, а иным имуществом – не менее пяти лет.

Ключевые слова: *собственность; способы приобретения права собственности; владение; приобретательная давность; добросовестность; открытость; непрерывность.*

В настоящее время институт приобретательной давности можно рассмотреть в двух аспектах.

В широком смысле приобретательная давность понимается в тех случаях, когда речь идёт о фактическом состоянии владельца имущества в течение определённого периода времени, которое в свою очередь обеспечивается защитой со стороны права и влечёт при определённых обстоятельствах возникновение права собственности у владельца на эту вещь [1, с. 31]. Такое понимание позволяет рассмотреть приобретательную давность не только как способ возникновения права собственности, но и как средство защиты владения.

В узком смысле под приобретательной давностью понимается сложный фактический состав, иными словами, юридический факт, который и приводит к возникновению права собственности у владельца имущества [2, с. 103].

Таким образом, институт приобретательной давности может рассматриваться как способ приобретения права собственности, а также как институт, определяющий фактическое состояние владельца имущества, которое он занимает по отношению ко всем остальным участникам гражданского оборота [3, с. 129].

Однако не все авторы склоняются к мнению о широком и узком понимании приобретательной давности.

Легальное определение института приобретательной давности закреплено в статье 234 Гражданского кодекса РФ [4], нормы которой гласят, что лицо – гражданин или юридическое лицо – не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество.

Исходя из определения, установленного законодательством, следует, что право собственности по приобретательной давности распространяется на недвижимое и движимое имущество [5, с. 130]. Легального определения данных терминов не закреплено, законодатель лишь устанавливает перечень вещей, которые являются недвижимыми, указывая, что все остальное

следует относить к движимому имуществу. Отсутствие четких критериев разграничения движимого и недвижимого имущества создает проблемы на практике, особенно это касается специфических объектов, например, таких как затонувшее имущество, передвижной дом [6, с. 262].

Следовательно, для правильного применения правил приобретательной давности в отношении недвижимых вещей необходимо установить четкое разграничение указанных понятий.

Содержание статьи 130 Гражданского кодекса РФ позволяет выделить следующие объекты недвижимости:

1) земельные участки и участки недр;

2) объекты, которые прочно связаны с землей и перемещение которых влечет несоразмерный ущерб их прямому назначению (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и др.);

3) объекты, которые по своей физической природе являются движимыми, но законодатель отнес их к недвижимости (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты);

4) иные вещи, отнесенные к недвижимости, законом.

В соответствии с ч. 2 ст. 1.2 Закона «О недрах» участки недр не могут быть предметом купли продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме [7]. Следовательно, участки недр не могут быть обращены в собственность по приобретательной давности.

В силу давности могут быть приобретены земельные участки, которые находятся либо в собственности физических или юридических лиц, либо бесхозяйные земельные участки. Однако существует презумпция государственной собственности на землю, в соответствии с которой природные ресурсы, в том числе и земельные участки, которые не принадлежат на праве собственности гражданам, организациям, органам местного самоуправления, являются государственной собственностью.

Земельные участки, находящиеся в публичной собственности, могут приобретаться только в порядке, регламентированном земельным законодательством. Но в свою очередь предусмотренный Земельным кодексом РФ [8] исчерпывающий перечень оснований не содержит такого основания как приобретательная давность.

Сложившаяся судебная практика является подтверждением невозможности приобретения по давности владения земельных участков, находящихся в публичной собственности. Так, Решение Арбитражного суда Курской области от 26 апреля 2016 года по делу № А35-10651/2015 отклонило доводы истца [9]. Истец обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о признании права собственности на земельный участок из земель населенных пунктов. Суд ссылался на отсутствие документов, подтверждающих возникновение права собственности на земельный участок, указав, что земельным законодательством не предусмотрено приобретение прав на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, в порядке ст. 234 ГК РФ, а именно в силу приобретательной давности.

Следовательно, суд исключает возможность приобретения права собственности на земельный участок, находящийся в публичной собственности, по основанию, не предусмотренному земельным законодательством [10, с. 50; 11, с. 320; 12, с. 531; 13, с. 16].

Как видим, приобретательная давность распространяется только на земельные участки, находящиеся в частной собственности. По мнению Д.А. Тоточенко, существуют три способа приобретения таких участков по давности владения [14, с. 34]. Во-первых, если договор, по которому приобретался земельный участок, был ненадлежащим образом оформлен, но собственник участка долгое время (более 15 лет) владел и пользовался им добросовестно, открыто и непрерывно. Во-вторых, в случае перехода земельного участка по наследству, наследник фактически пользовался участком, но не оформил его в соответствии с законом. В-третьих, если лицо владело и пользовалось земельным участком при отсутствии какого-либо договорного основания и в соответствии с установленными условиями приобретательной давности.

Обратимся к судебной практике. Так, П. обратилась в суд к администрации г. Красноярска с исковым заявлением, в котором просит признать за ней право собственности на земельный участок в силу приобретательной давности. В обоснование исковых требований она указала, что один из участников садового товарищества продал ей земельный участок, однако договор купли-продажи надлежащим образом оформлен не был, так как продавец умер. Истец более 20 лет добросовестно, открыто и непрерывно владела земельным участком как своим собственным, оплачивала членские и целевые взносы. Суд требования П. удовлетворил [15].

Таким образом, при неопределенности правовых норм, судебная практика показывает, что государство находится в более привилегированном положении по сравнению с частными собственниками, поскольку последние могут утратить свое право на земельный участок в случае приобретения его по давности владения. Однако такой подход, на наш взгляд, противоречит ч. 2 ст. 8 Конституции РФ [16], которая провозглашает равенство всех форм собственности, а также равную их защиту.

Итак, в связи с отсутствием, как в гражданском, так и в земельном законодательстве, нормы права, устанавливающей запрет или ограничения на применение института приобретательной давности к земельным участкам, находящимся в публичной собственности, можно говорить о возможности приобретения земельных участков по давности владения независимо от того, кому они принадлежат.

Библиографический список

1. Прудников Е.В. Приобретательная давность как основание возникновения права на имущество // Право.by. – 2018. – № 3 (53). – С. 31.

2. Мишина С.В. Приобретательная давность как основание возникновения права собственности // Крымский Академический вестник. – 2018. – № 6. – С. 103.

3. Баширина Е.Н., Фирсова Н.В. Упрощенный порядок регистрации объектов недвижимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 7-2 (46). – С. 129-131.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

5. Баширина Е.Н., Фирсова Н.В. Признание права собственности на объект незавершенного строительства в виде квартиры в многоквартирном жилом доме // Евразийский юридический журнал. – 2015. – №2 (81). – С. 130-131.

6. Аблятипова Н.А. Бесхозяйные недвижимые вещи: проблемы определения и правового регулирования // Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 262.

7. Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (с посл. изм. и доп. от 4 ноября 2019 г. № 355-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 2.10.2020).

8. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

9. Решение Арбитражного суда Курской области от 26 апреля 2016 г. № А35-10651/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// sudact.ru/arbitral/doc/9/ (дата обращения: 11.10.2020).

10. Баширина Е.Н. Гражданско-правовой режим земельных участков // Актуальные вопросы университетской науки. Сборник научных трудов. – Уфа, 2016. – С. 50-55.

11. Баширина Е.Н., Фирсова Н.В. Проблемы признания права собственности на объекты незавершенного строительства // Актуальные вопросы университетской науки. Сборник научных трудов. – Уфа, 2016. – С. 320-325.

12. Баширина Е.Н., Фирсова Н.В. Прекращение права общей долевой собственности на незначительную долю в праве собственности на жилое помещение: проблемы практики // Доклады Башкирского университета. – 2017. – Т. 2. № 3. – С. 531-534.

13. Богомолова Н.А, Фирсова Н.В. Условия приобретения права собственности по давности фактического владения // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 56-9. – С. 16-19.

14. Тоточенко Д. А. О признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – №8 (191). – С. 34.

15. Решение Ленинского районного суда г. Красноярска от 14 февраля 2018 г. №2-125/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 12.10.2020).

16. Конституция РФ 12.12.1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.10.2020).

SOME PRACTICAL ASPECTS OF ACQUISITION OF OWNERSHIP RIGHT BY DURATION OF OWNERSHIP

E.N. Bashirina, *Candidate of Political Sciences, Associate Professor*
N.V. Firsova, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *The article analyzes the institution of acquisitive prescription, which is considered to be one of the oldest complexes of legal norms that have been known to mankind since the time of Roman law. Their existence is due to the need to protect the property rights of participants in civil turnover.*

In modern Russian legislation, the institution of acquisitive prescription found its legislative consolidation relatively recently. Thus, the normative regulation of the acquisition of property rights on the basis of prescription ownership was carried out through the provisions of Soviet civil law. These provisions established the possibility of citizens and legal entities who are not the owner of property to acquire ownership of this property if they openly and in good faith have owned real estate as an owner for fifteen years, and other property for at least five years.

Keywords: *property; methods of acquiring ownership; ownership; acquisitive prescription; conscientiousness; openness; continuity.*

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г.С. Беляева, *д-р юрид. наук, профессор*
А.И. Дыбов, *магистрант*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия, г. Белгород)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11149

Аннотация. *В данной статьей рассматриваются меры по противодействию коррупции в Российской Федерации. Авторами систематизируются источники правового регулирования противодействия коррупции в нашем государстве; отмечается роль Прокуратуры и правовых актов Верховного Суда РФ в системе антикоррупционных мер. Особое внимание уделяется необходимости соблюдения баланса интересов органов государственной власти и институтов гражданского общества.*

Ключевые слова: *коррупция, меры по противодействию коррупции, правоохранительные органы, институты гражданского общества; антикоррупционное законодательство.*

В Российской Федерации правовое регулирование противодействия коррупции осуществляется системой нормативно-правовых актов различной юридической силы и территории действия – международными и внутригосударственными. В числе таких правовых актов могут быть названы: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [1], Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2], Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3], Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [4], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24 декабря 2019 г. № 36) [5] и другие.

Кроме того, как указано в вышеназванном Постановлении Верховного Суда РФ, «в целях уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений. Среди них наиболее распространенным и опасным является взяточничество. Оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие» [5]. Такая обеспокоенность Пленума Верховного Суда обусловлена неудовлетворительным состоянием борьбы с коррупцией.

23 октября 2020 года состоялось 7-е заседание Региональной сети правоохранительных и антикоррупционных органов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в рамках которого рассматривались вопросы противодей-

ствия отмыванию преступных доходов, практические аспекты возврата преступных активов из иностранных юрисдикций, а также проблемы международного сотрудничества по уголовным делам о взяточничестве и пути их преодоления. Особое внимание его участников было направлено на укрепление сотрудничества различных правоохранительных органов во внутригосударственном и международном противодействии коррупции [6].

И, несмотря на предпринимаемые меры, коррупция в нашей стране и в международном масштабе продолжает представлять реальную угрозу разрушению национальных интересов, поскольку она фактически препятствует их реализации и посягает на личные, экономические, социальные, политические и т.д. права и свободы граждан.

В частности, Н.И. Клюковская более 15 лет назад отмечала, что «коррупция в современной России приобрела, в силу чрезвычайной распространенности, характер, угрожающий национальной безопасности. Она препятствует проведению социально-экономического реформирования, дискредитируя не только государственные институты в глазах населения, но и российскую государственность перед мировым сообществом. Предпринимаемые меры по противодействию коррупции носят, как правило, фрагментарный характер, приобретают вид периодически проводимых кампаний, обусловленных зачастую политико-конъюнктурными соображениями; осуществляется борьба с отдельными коррупционерами, а не с коррупцией» [7]. И, к сожалению, данная тенденция продолжает сохраняться.

Как итог, деятельность по противодействию коррупции в силу глобального характера рассматриваемого явления должна осуществляться на всех уровнях публичной (государственной и муниципальной) власти при непосредственном участии институтов гражданского общества. Ситуация усугубляется и тем, что институты гражданского общества в России пока развиты крайне слабо, а его структуры (общественные фонды, политические партии, некоторые СМИ) уже криминализированы и коррумпированы не меньше, чем государственные институты и, при этом, автономны и разрознены; реально противостоять (имеется в виду, конечно же, позитивное противостояние) властным структурам они не могут [8].

Для выхода из сложившегося положения необходимы определенные и конкретные меры и поиск той силы, которая могла бы, по своим объективным характеристикам, обеспечить и защитить права, свободы и интересы граждан. В свою очередь, сближение власти и граждан выступает одновременно и как показатель, и как условие эффективности данной политики. Отсюда нетрудно вывести и условие эффективности функционирования механизма противодействия коррупции.

Вместе с тем, в предупреждении и пресечении коррупции центральное место должно отводиться законодательству. Говоря о современном российском антикоррупционном законодательстве, большинство авторов сходится во мнении, что в целом оно отвечает существующим международным стандартам в этой области, является гибким и восприимчивым к новым вызовам и угрозам [9, 10, 11]. Вместе с тем, необходимо отметить потребность в дальнейшей комплексной разработке нормативно-правовых основ противодействия коррупции, как на доктринальном, так и на практическом уровнях, в частности, в направлении разработки новой Национальной антикоррупционной стратегии.

Библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорк 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 13 июля 2020 г. № 208-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 24 апреля 2020 г. № 143-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

4. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2010. №16. Ст. 1875.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24 декабря 2019 г. № 36) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – №8.

6. Представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации приняли участие в 7-м пленарном заседании Региональной сети правоохранительных и антикоррупционных органов АТЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/search/?search=противодействие+коррупции (дата обращения: 24.10.2020 г.)

7. Клюковская И.Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики. – Ставрополь, 2004. – 256 с.

8. Бидова Б.Б. Антикоррупционный мониторинг в государственной политике противодействия коррупции в России // Молодой ученый. – 2015. – №21 (101). – С. 573-575.

9. Хабриева Т.Я. Актуальные проблемы укрепления правопорядка и противодействия коррупции в условиях евразийской интеграции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – №4. – С. 13-15.

10. Туранин В.Ю. Юридический жаргон современного российского законодательства: причины использования и пути устранения // Российская юстиция. – 2008. – №6. – С. 27-30.

11. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы осуществления и возможности их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – №1 (20). – С. 94-99.

ON ANTI-CORRUPTION MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION

G.S. Belyaeva, *Doctor of Legal Sciences, Professor*
A.I. Dybov, *Graduate Student*
Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)

Abstract. *This article discusses anti-corruption measures in the Russian Federation. The authors systematize the sources of legal regulation of anti-corruption in our state; Notes the role of the Prosecutor's Office and the legal acts of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of anti-corruption measures. Particular attention is paid to the need to balance the interests of public authorities and civil society institutions.*

Keywords: *corruption, anti-corruption measures, law enforcement agencies, civil society institutions; anti-corruption legislation.*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Г.С. Беляева, *д-р юрид. наук, профессор*
А.И. Дыбов, *магистрант*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия, г. Белгород)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11150

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу нормативно-правовых основ противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы. В частности, авторами констатируется, что система противодействия коррупции в Российской Федерации включает в себя значительно число нормативно-правовых актов, различных, как по юридической силе, так и территории действия. Отмечается, что в силу того, что сама коррупция есть системное социальное явление, противодействие ей тоже должно носить системный, комплексный и эффективно-организованный характер, что возможно путем создания и реализации национальной антикоррупционной стратегии, которая должна содержать такие базовые элементы, как основные принципы противодействия коррупции, соответствующий механизм, включающих правовые и организационно-правовые средства, гарантии, критерии эффективности данной деятельности и т.д.*

Ключевые слова: *коррупция, противодействие коррупции, государственная гражданская служба, антикоррупционная стратегия, правовая политика.*

Противодействие коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современный период развития российского государства выступает одной из важнейших задач государственного управления. Образно говоря, коррупцию можно сравнить со злокачественной опухолью, которая изнутри разъедает всю систему государственной власти и управления, уничтожая моральные и нравственные устои общества и механизм государства в целом. В этой связи для успешной борьбы с коррупцией как явлением необходимо не только пресекать преступления коррупционной направленности и привлекать виновных лиц к уголовной ответственности, но и предупреждать их проявление, выявлять причины и условия, способствующие коррупционному поведению государственных и муниципальных служащих.

Следует сказать, что в Российской Федерации имеется необходимая организационно-правовая основа для противодействия коррупции, представленная международно-правовыми актами и национальным законодательством, отвечающим международным нормам и принципам. Вот, что в этой связи закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 06 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24 декабря 2019 г. № 36): «Международное сообщество, стремясь выработать эффективные меры по предупреждению и искоренению коррупции, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций (например, Конвенция против коррупции), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок Организации экономического сотрудничества и развития и др. В этих документах отмечается, что коррупция превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает все страны. Этим обусловлено исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней» [1].

Первым нормативно-правовым актом, ознаменовавшим кампанию по противодействию коррупции в России, стал Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» [2]. В то же время

первый опыт подобного правового регулирования сложно признать вполне удавшимся, ибо в анализируемом подзаконном акте отсутствовал четкий механизм противодействия коррупции в виде соответствующих правовых норм, институтов и организационной основы, что повлекло за собой лишь увеличение динамики проявления коррупции на практике.

В целях создания данного механизма в декабре 2003 года РФ подписала и в марте 2006 года ратифицировала Конвенцию Организации Объединенных наций против коррупции [3], а следом за ней был принят первый специальный закон, посвященный противодействию коррупции (далее: Закон о противодействии коррупции) [4]. В Законе о противодействии коррупции содержится глоссарий, в котором дается определение таких ключевых понятий, как «коррупция», «противодействие коррупции» и т.д. Согласно Закону, коррупция понимается в двух основных значениях: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [4]. В то же время, несмотря на наличие данного легального определения коррупции, данное понятие вызывает в юридической науке значительные дискуссии, которые трудно свести к «общему знаменателю» [5].

Однако, поскольку анализ подходов к определению понятия «коррупции» является предметом отдельного исследования, продолжим начатый нами анализ нормативно-правовой базы противодействия коррупции в Российской Федерации и подчеркнем, что данная деятельность в силу глобального характера рассматриваемого явления должна осуществляться на всех уровнях публичной (государственной и муниципальной) власти при непосредственном участии институтов гражданского общества.

В силу того, что сама коррупция есть системное социальное явление, противодействие ей тоже должно носить системный, комплексный и эффективно-организованный характер, что возможно только путем создания и реализации национальной антикоррупционной стратегии, которая должна содержать такие базовые элементы, как основные принципы противодействия коррупции, соответствующий механизм, включающий правовые и организационно-правовые средства, гарантии, критерии эффективности данной деятельности и т.д. [6]. Во исполнение антикоррупционной стратегии, рассчитанной в среднем на 5 лет [7], должны издаваться распорядительные документы – планы реализации стратегии, включающие конкретные мероприятия, сроки их проведения, ответственные лица, финансовое и материально-техническое обеспечение, сферы реализации и т.д. Подобная Стратегия, обеспеченная соответствующими планами ее реализации, призвана стать прочной и необходимой базой противодействия коррупции в государстве.

В Российской Федерации действует Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [8]. Однако, как представляется, данный документ нуждается в значительной актуализации, в том числе в связи с изменениями, как в общественной жизни, так и законодательстве.

Более того, в силу значительного количества нормативно-правовых актов антикоррупционного характера, необходима систематизация соответствующей нормативно-правовой базы, что, несомненно, должно привести к совершенствованию правового регулирования и государственного управления во всех сферах общественных отношений.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24 декабря 2019 г. № 36) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.
2. Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» (утратил силу) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 923.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорк 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
5. Малеванова Ю.В. К вопросу о разграничении отдельных видов коррупционного поведения государственных гражданских служащих // Российский следователь. – 2018. – №6. – С. 55-56.
6. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы осуществления и возможности их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – №1 (20). – С. 94-99.
7. The National Anti-Corruption Strategy in the Republic of Serbia for the Period 2013-2018. Pursuant to Article 8. Para. 1 of the Law on the National Assembly // Official Gazette of the RS. N 9/10.
8. Указ Президента РФ от 13.04.2010 N 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

REGULATORY FRAMEWORK FOR COMBATING CORRUPTION IN THE PUBLIC SERVICE

G.S. Belyaeva, *Doctor of Legal Sciences, Professor*
A.I. Dybov, *Graduate Student*
Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)

Abstract. *This article is devoted to the analysis of the regulatory and legal framework for combating corruption in the public civil service system. In particular, the authors state that the anti-corruption system in the Russian Federation includes a significant number of regulatory legal acts, various, both in legal force and in the territory of the action. It is noted that due to the fact that corruption itself is a systemic social phenomenon, counteraction to it should also be systemic, complex and effectively organized, which is possible by creating and implementing a national anti-corruption strategy, which should contain such basic elements as the basic principles of anti-corruption, an appropriate mechanism, including legal and organizational means, guarantees, criteria for the effectiveness of this activity, etc.*

Keywords: *corruption, anti-corruption, civil service, anti-corruption strategy, legal policy.*

ПРОБЛЕМЫ НАИМЕНОВАНИЯ СТОРОН НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д.В. Богачев, *студент*
Научный руководитель: *А.В. Минаев, канд. юрид. наук, доцент*
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11151

Аннотация. *Рассмотрены положения гражданского законодательства РФ и зарубежных стран о наследственном договоре на предмет наличия или отсутствия наименования сторон наследственного договора и сделаны предположения о причинах наличия данного пробела в Гражданском кодексе РФ. Предложены способы приведения к единому стандарту наименования сторон наследственного договора (договора о наследовании).*

Ключевые слова: *закон, право, государство, наследственный договор, стороны договора, отказоприниматель, отчуждатель, приобретатель.*

Согласно п. 4 ст. 35 Конституции РФ в России гарантируется право наследования независимо от основания возникновения данного правомочия [1]. До 01 июня 2019 года статья 1111 ГК РФ упоминала только два основания наследования: завещание и закон, но с 01 июня 2019 года перечень оснований наследования был дополнен наследственным договором, который несмотря на небольшое количество судебной практики в РФ, создало много проблем в его применении, обсуждаемых среди ученых-правоведов [2].

Одной из таких проблем является наименование сторон договора. Так, согласно статье 1140.1 ГК РФ под наследственным договором понимается «договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор)» [3]. Однако, указанное определение договора не является идеальным с точки зрения права и способно создать проблемы при заключении подобного договора.

Но стоит отметить, что РФ не является первой страной закрепившей нормы о наследственном договоре в НПА, до этого они были зафиксированы в законодательных актах о наследовании разработанных и принятых в Австрии, Швейцарии, Украине, Эстонии и многих других стран. Так, например, Гражданский Кодекс Украины, содержит в ст. 1302 указанного акта, следующее понятие наследственного договора: «По наследственному договору одна сторона (приобретатель) обязуется выполнять распоряжения другой стороны (отчуждателя) и в случае его смерти приобретает право собственности на имущество отчуждателя» [4]. Указанное определение в отличии от данного в ст. 1140.1 ГК РФ содержит указание на наименование сторон договора(приобретатель и отчуждатель).

Стоит отметить, что наименования сторон наследственного договора, аналогичные тем, которые закреплены в определении наследственного договора, данном в статье 1302 ГК Украины были закреплены и в законопроекте о введении наследственного договора в ГК РФ, что следует из экспертного заключения № 295719-6 от 24.11.2014 г. в котором сказано, что «Несмотря на отдельные различия в правовом регулировании отношений по наследственному договору, общим для этих стран является то, что наследственный договор заключается не между отчуждателем и приобретателем (как предполагает законопроект), а именно между наследодателем и наследником или между несколькими наследодателями» [4] Однако несмотря на

это введение в нормы ГК РФ в качестве сторон наследственного договора отчуждателя и приобретателя было отклонено и предложена замена наименования сторон на наследника и наследодателя для того, чтобы зафиксировать особенный статус сторон, отличающийся от статуса сторон в ГК Украины. Также в качестве причины, подтверждающей отказ в применении наименований отчуждателя и приобретателя можно обоснованно принять, то, что данное заключение на законопроект о введении наследственного договора было сделано в то время, когда Крым, входивший ранее в состав Украины, стал субъектом Российской Федерации, о чем был принят Федеральный Конституционный Закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [5], но, несмотря на это, согласно ст. 6 указанного закона в тот момент, когда приняли заключение Республика Крым, хотя и находилась в составе РФ, но применялось до 01.01. 2015 года законодательство Украины в связи с переходным периодом, поэтому внесение изменений, связанных с введением наследственного договора в гражданское законодательство РФ и рецепция сторон наследственного договора, закрепленных в Гражданском Кодексе Украины в Гражданский Кодекс РФ привела бы к коллизии актов.

Однако в окончательном варианте законопроекта в статью 1140.1 ГК так и не было внесено изменение относительно наименования сторон (наследник и наследодатель). Также стоит отметить, что в ГК Украины при раскрытии понятия отчуждатель используется правовая конструкция иное лицо, что также создает проблемы толкования статуса данной стороны, так как перечень лиц, которые легально могут быть приобретателями остался открытым [6].

Кроме того, есть примеры стран, где вторая сторона называется не отчуждатель. Так, согласно ст. 1941 Германского гражданского уложения «Наследником (наследником по договору) или отказопринимателем могут быть назначены как противная по договору сторона, так и третье лицо» [7], то есть здесь уже используется в качестве второй стороны не наследник или отчуждатель, а отказоприниматель.

Однако, в разделе, посвященном наследственному договору не упоминается в качестве стороны отказоприниматель и только в ст. 2275 раскрывается подробно, кто может быть наследодателем по договору о наследовании. Также стоит отметить, что в качестве наименования наследника могут использоваться и иные варианты наименования сторон, чем те, которые рассмотрены ранее. Так, в законе о наследовании в Эстонии для обозначения наследника также использован термин отказополучатель, указанный в п. 2 ст. 96 указанного закона [8]. Исходя из этого возникает коллизия между Германским гражданским уложением и законом Эстонии о наследовании.

В Латвии в отличии от Эстонии, Германии и России законодатель пошёл по иному пути наименования сторон договора о наследовании. Так, согласно ст. 639 Гражданского закона Латвийской Республики обе стороны договора именуются контрагенты [9]. Однако, так в теории гражданского права называют сторону любого договора исходя из этого возникает проблема разграничения данного договора с любым другим.

Таким образом, в результате проведенного анализа приходим к выводу о необходимости определения единого наименования сторон наследственного договора (договора о наследовании). В связи с этим предлагаем изложить часть 1 ст. 1140.1 ГК РФ следующим образом «Договор, по которому одна сторона(отчуждатель) определяет порядок перехода прав на имущество в случае своей смерти другой стороне(приобретателю).

Также предлагаем нормативно определить в отдельной норме ст. 1140.1 ГК РФ, кто может быть сторонами, а кто участниками данного договора с целью разграничения правовых статусов данных субъектов наследственного договора. Как представляется указанные изменения позволят

снизить количество обращений в суд, связанных с нарушениями прав сторон, возникающими в процессе заключения наследственного договора, которые можно отметить в судебной практике зарубежных стран, которая несмотря на её большее количество, чем в РФ, не позволяет на данный момент решить всех проблем, связанных с определением единого наименования сторон наследственного договора.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г.: в ред. Законов Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – №15. Ст. 1691. – С. 3651-3682.

2. Гражданский кодекс Рос. Федерации Часть третья от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: [принят Государственной Думой 1 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 14 нояб. 2001 г.: введ. Федер. законом от 26 нояб. 2001 г. № 147-ФЗ]: в ред. Федер. закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Рос.газ. – 2001. – 28 нояб; 2019 – 18 март.

3. Гражданский Кодекс Украины от 16 янв. 2003 г.: в редакции Закона Украины от 21 июля 2020 г. № 819-IX // Голос Украины. – 2003. – № 45.

4. О внесении изменений в раздел V части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 295719-6 от 24 нояб. 2014 г. № 136-3/2014 Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Фед. конст. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ: [принят Государственной Думой 20 марта 2014 г.: одобрен Советом Федерации 21 марта 2014 г.]: в ред. Федер. конст. закона от 31 июля 2020 г. № 3-ФКЗ // Рос.газ. – 1994. – 23 июля; 2020. – 31 июля

6. Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII-XIX. – С. 1-715.

7. О наследовании в Эстонии: Закон Республики Эстония от 17 янв. 2008 г.: принят 17 янв. 2008 г.: в ред. RT I. – 2010. – 38. – 231 // RT I. – 2008. – 7, 52; RT I. – 2010. – 38. – 231.

8. Гражданский закон Латвийской Республики от 28 января 1937 г. // научн. ред. А.Н. Жильцов, А. И. Муранов; перевод с латвийского О. Тюсина. – М.: Статут. – Международное частное право: Иностранное законодательство, 2000. – С. 393-395.

PROBLEMS OF NAMING THE PARTIES TO AN INHERITANCE CONTRACT IN THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

D.**V. Bogachev,** *Student*
Supervisor: *A.V. Minaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Khakass State University named after N.F. Katanova
(Abstract, Abakan)

Abstract. *The article considers the provisions of the civil legislation of the Russian Federation and foreign countries on the inheritance agreement for the presence or absence of the names of the parties to the inheritance agreement and makes assumptions about the reasons for this gap in the Civil Code of the Russian Federation. The ways of bringing to a single standard the names of the parties to the inheritance agreement (inheritance agreement) are proposed.*

Keywords: *law, law, state, inheritance contract, parties to the contract, renouncer, alienator, acquirer.*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

А.П. Божко, *магистрант*
Научный руководитель: *Т.С. Черевиченко, канд. юрид. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11152

Аннотация. *Работа посвящена исследованию вопроса соотношения категорий права и справедливости. Проанализированы мнения ученых и исследователей на определения указанных понятий, их сущности. Дискурс о соотношении права и справедливости на протяжении многих лет ведется среди ученых как философов, так и юристов. Многочисленные мнения о взаимосвязи рассматриваемых понятий подвергались изменениям с течением времени, в связи с развитием общества в целом. Делается вывод о том, что указанные категории не являются тождественными, не охватывают друг другу полностью, однако существование одного без другого невозможно.*

Ключевые слова: *право, справедливость, формализованность, принцип талиона.*

Вопрос о соотношении права и справедливости остается дискуссионным на протяжении всего существования общества. В связи с постоянным развитием последнего мнения ученых, юристов, граждан меняются, что представляется логичным. Уровень информатизации общества на сегодняшний день напрямую влияет на представления людей о справедливости в существующем правовом пространстве. Стоит отметить, что законодательство не всегда поспевает за развитием общественных отношений, как следствие – несоответствие представлений людей о праве и справедливости действующим правовым нормам. Ярким примером обсуждения в обществе теоретического вопроса о соотношении права и справедливости на протяжении последних нескольких лет является предложение о введении прогрессирующей шкале налогообложения. Напомним, что в России действует единая ставка НДФЛ для всех видов дохода, кроме выигрышей с лотерей, пари и азартных игр. При введении прогрессирующей шкалы налогообложения ставка НДФЛ будет зависеть от уровня доходов облагаемого налогом лица. Кроме того, предметом обсуждения и дискуссий остается извечный вопрос об отмене моратория на смертную казнь в нашей стране, сторонники противоположных друг другу мнений, имея свой взгляд на соотношение права и справедливости, аргументируют свою точку зрения. Таким образом, актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнения, а также имеет практическое применение.

Необходимо отметить, что само слово «справедливость» произошло от слова «право», в латинском языке «yustitia» (правосудие, справедливость) – от «jus» (право). В русском языке однокоренными словами являются: «правда», «право», «справедливость».

В начале работы было отмечено, что взгляды на соотношение права и справедливости изменялись в связи с уровнем развития общества. К примеру, знаменитый принцип талиона, который означает наказание эквивалентное причиненному ущербу, известен древним народам, и в быту выражается как «око за око, зуб за зуб». Древние философы придерживались именно такое линии идеи о соотношение данных понятий. Цицирон в своем трактате «О законах» писал: «Кара да соответствует преступлению! – дабы каждый нес наказание в соответствии со своим проступком: чтобы самоуправство каралось утратой гражданских прав, алчность – пеней, искательство почетных должностей – дурной славой [10, с. 148]». Аристотель считал, что «справедливость есть равное, но только для равных [1]». В Новое время Томас Гоббс заложил основу либеральной концепции справедливости, которая в

дальнейшем получила свое развитие в работах Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта. Данная модель явилась основой концепции справедливости с приоритетом прав индивида, идеями общественного договора, минимального государства и секулярного общества [6, с. 5]. В.С. Соловьев, рассуждая о справедливости, отмечал, что она представляет собой осмысленное выражение интуитивно ощущаемого чувства милосердия, которое завещано христианской заповедью любви к ближнему [4, с. 241-242]. В нравственном значении В.С. Соловьев определял справедливость как самоограничение своих притязаний в пользу чужих прав [8, с. 10].

Б.Н. Чичерин глубоко изучал тему справедливости. Он считал, что воздающая справедливость, которая основана на принципе воздаяния «каждому того, что ему подобает», – есть высшая справедливость; справедливость – правда, справедливость может быть юридической (правда) и нравственной [9, с. 160, 165].

В.В. Лазарев определяет право как «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласования свободных воль в их взаимоотношениях друг с другом [3, с. 74]». В.С. Нерсесянц отмечает, что право в повседневном обиходе – это совокупность правил справедливого назначения, благодаря которым права и обязанности граждан обретают определенность и становятся приемлемыми [7, с. 35]. С.С. Алексеев убежден, что основным постулатом, который определяет сам феномен права, считается воплощение в правовой материи, во всех его подразделениях требований справедливости [2, с. 149].

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что испокон веков право и справедливость были два взаимосвязанных понятия. Однако критерий справедливости в праве всегда имеет субъективный характер. Важно понимать, что именно законодатель и граждане вкладывают в понятие «справедливость», поскольку только после осознания данного термина, справедливость получает свое отражение в действующем законодательстве. Очевидным является то, что справедливость того или иного нормативно-правового акта может быть оценена каждым человеком посвоему. Привести к единому мнению и взгляду здесь всех субъектов правоотношений не представляется возможным. Однако необходимо, что правовые нормы соответствовали ожиданию большинства о справедливости того или иного нормативно-правового акта, т.е. критерий справедливости в праве имел объективный характер.

Проблема установления справедливого правового регулирования значима. Имея много общего право и справедливость все же не являются тождественными понятиями, так как право не всегда справедливо, а справедливость не ограничивается правовой сферой. Для того, чтобы справедливость являлась критерием оценки права необходима формализованность данной категории, что не представляется возможным, поскольку она относительна и субъективна. А.И. Покровский отмечал, что справедливость представляет собой величайшую проблему и фикцию, которая будет прикрытием для субъективного политического или морального мнения судьи [5, с. 103].

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. III, V, 8 // Аристотель. Политика. Афинская полития. – М.: Мысль, 1997.
2. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1995. – 320 с.
3. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. – М., 2001. – 520 с.
4. Прибыткова Е.А. Нравственно измерение права в трактовке Вл. Соловьева // Материалы международной научной конференции «Нравственные основы теории государства и права» / отв. ред. О.В. Мартышкин. – М.: МГЮА, 2005. – С. 241-242.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2003.

6. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография. – М.: Изд-во Моск. гуманит. университета, 2011. – С. 5.
7. Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов. – М., 2005. – 656 с.
8. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. / под ред. В.Ф. Асмуса. – М., 1989. Т. 2. – С. 10.
9. Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998.
10. Цицерон. Диалог. О государстве. О законах. – М., 1966.

ON THE QUESTION OF RELATIONSHIP OF LAW AND JUSTICE

A.P. Bozhko, *Graduate Student*
Supervisor: *T.S. Cherevichenko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The work is devoted to the study of the correlation between the categories of law and justice. The opinions of scientists and researchers on the definition of these concepts, their essence are analyzed. For many years, the discourse on the relationship between law and justice has been conducted among scientists, both philosophers and lawyers. Numerous opinions about the relationship of the concepts under consideration have undergone changes over time, in connection with the development of society as a whole. It is concluded that these categories are not identical, do not cover each other completely, but the existence of one without the other is impossible.*

Keywords: *law, justice, formalization, talion principle.*

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПЛАНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.М. Брылева, *магистрант*
Научный руководитель: *Г.Н. Шевченко, д-р юрид. наук, профессор*
Дальневосточный федеральный университет
(Россия, п. Аякс)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11153

Аннотация. *Данная статья посвящена комплексному анализу регламентации основополагающих принципов правового регулирования трансплантологической деятельности – как общих, присущих всем направлениям медицинской деятельности, так и специфических, действующих исключительно в области трансплантации органов и (или) тканей человека. Автор подвергает критическому осмыслению их закрепление в нормативной правовой базе Российской Федерации, исследует проблемные аспекты действующей редакции данных норм, выделяет факторы, препятствующие активному развитию отечественной трансплантологии.*

Ключевые слова: *трансплантология, принципы правового регулирования, органы и ткани человека, донор, реципиент.*

В конце прошлого столетия клиническая медицина вышла на качественно новый уровень своего развития. Трансплантология стала методом лечения, позволившим излечивать считавшиеся ранее неизлечимыми заболевания, породила принципиально новые общественные отношения. На первых порах развития трансплантологии никакого правового регулирования данной отрасли медицинской деятельности не существовало, врачи руководствовались нравственными убеждениями, моральными установками, общими принципами осуществления медицинской практики. Несмотря на активное развитие данной отрасли, на появление законодательной базы, регулирующей существующие общественные отношения, трансплантологическая деятельность и по сей день сопряжена со множеством правовых и морально-этических вопросов, при решении которых медикам приходится обращаться к истокам правового регулирования – принципам трансплантологической деятельности.

В рамках данной статьи нам представляется необходимым подробно проанализировать основополагающие начала трансплантологической деятельности, исследовать их отражение в правовом пространстве Российской Федерации.

Действующий в России Закон о трансплантации [1] не содержит никакой специальной статьи, в которой были бы перечислены все принципы, заложенные в основу правового регулирования отношений, составляющих его предмет, что, на наш взгляд, является существенным упущением, так как данные принципы приходится выискивать в целом ряде законодательных актов.

Говоря о доктринальных подходах к определению принципов правового регулирования трансплантологической деятельности необходимо принимать во внимание как общие принципы, распространяющиеся на все направления деятельности медицины, так и на специфические, действующие исключительно в области трансплантации органов и (или) тканей человека.

К первой группе мы можем отнести принципы допустимого вреда, уважения и соблюдения прав пациента, а также принцип коллегиальности. Это базовые принципы, на которых строится вся медицинская деятельность и рассматривать их мы будем именно в контексте деятельности по пересадке органов и (или) тканей человека. Ко второй же группе, группе специфических, присущих исключительно трансплантологии принципов, принято относить

принцип соблюдения очередности согласно «листу ожидания», принцип декоммерциализации трансплантологии и принцип интеграции в международные трансплантологические сообщества.

Итак, говоря об общих принципах, распространяющихся на все направления деятельности медицины, необходимо отметить такой основополагающий принцип, как принцип допустимого вреда, который нашёл своё закрепление в отечественном законодательстве в статье 1 Закона РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Также в подкрепление этого принципа существует статья 13 этого же федерального закона, предусматривающая, что «у живого донора может быть изъят для трансплантации парный орган, часть органа или ткань, отсутствие которых не влечет за собой необратимого расстройства здоровья».

В ходе анализа принципа допустимого вреда мы можем выделить два аспекта:

1) соблюдение приоритета интересов донора;

2) определение критериев допустимости трансплантации в отношении реципиента.

В трансплантологической области, особенно в той её сфере, которая касается трансплантации от живого донора, не представляется возможным абсолютизация основополагающего принципа медицинской деятельности «не навреди» – пересадка органов и (или) тканей всегда сопряжена с риском и определенными негативными последствиями. Организму живого донора в любом случае причиняется вред, фактически лечение реципиента осуществляется за счет сознательного ухудшения состояния здоровья другого, абсолютно здорового человека, что влияет не только на физическое состояние донора, но и на психологическое, являясь поводом для причинения психологической травмы. Поэтому одной из первостепенных задач медицинских работников является минимизация причиняемого донору вреда, выявление допустимого, разумного соотношения риска и пользы от производимой операции, при котором лечение, направленное на пользу реципиенту, не должно вредить донору в равной или же большей степени.

Что же касается аспекта критериев допустимости трансплантации по отношению к реципиенту, то здесь первоначально нужно ориентироваться на состояние здоровья самого пациента. Трансплантация должна быть допустима только тогда, когда она является единственно возможным, безальтернативным методом лечения больного. Критерии определения пределов допустимости трансплантации по отношению к реципиентам в своё время предложил И.И. Горелик – он предлагал использовать в качестве таковых принципы пропорциональности целей («чем больше значение поставленной цели, тем выше степень допускаемого риска») и минимального риска («неудача лечения, даже случайная, не должна угрожать пациенту более, чем его болезнь») [2]. В совокупности все вышеперечисленные положения являются содержанием принципа допустимого вреда. Таким образом, можно сказать, что доктринальный принцип допустимого вреда является законодательно закрепленным.

Относительно принципа уважения и соблюдения прав пациента можно сказать, что он берет своё начало от основных прав пациента – например, таких закрепленных Конституцией РФ [3] прав, как право на жизнь (ст. 20), право на личную неприкосновенность (ст. 22), исключающее принудительное воздействие на человека, под которым ряд исследователей подразумевают «воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле» [4], право на получение квалифицированной медицинской помощи (ст. 41), а также прав, предусмотренных федеральными законами: право на получение полной, достоверной и компетентной информации по вопросам своего заболевания [5, ст. 22], право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну (ст. 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»:), недопущение разглашения сведений о доноре и реципиенте (ст. 14 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека»). Также законодательством предусмотрен механизм правовой защиты при разглашении сведений о

проведенной операции. Так, Кодекс об административных правонарушениях содержит ст. 13.14 о разглашении информации с ограниченным доступом, а Уголовный кодекс РФ – ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни). Закон N 4180-1 предусматривает ответственность медицинской организации за вред, нанесенный здоровью реципиента, связанный с нарушением условий и порядка изъятия органов и (или) тканей либо условий и порядка трансплантации в виде имущественного возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью реципиента, в рамках гражданского законодательства. Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем заявить о том, что принцип уважения и соблюдения прав пациента подкрепляется целым рядом статей различных нормативных правовых актов: Конституцией РФ, ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека», следовательно, воплощен в законодательстве Российской Федерации.

Принцип коллегиальности при принятии решений заключается в том, что наиболее сложные вопросы, связанные с процедурой установления диагноза, способов лечения, особенно сложных методик лечения, должны решаться консилиумом врачей. В Российской Федерации данный принцип закреплен в статье 48 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также косвенно в статье 5 Закона РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Исходя из совокупности всего вышеперечисленного, мы приходим к закономерному выводу о том, что общие принципы, распространяющиеся на все области медицины, в том числе и на трансплантологическую деятельность, в том или ином виде представлены в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Теперь же перейдем к рассмотрению специфических, присущих исключительно трансплантологии принципов.

Принцип соблюдения очередности Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не закреплен. В данном нормативном правовом акте отсутствует даже косвенное упоминание о подобном принципе. Однако же нельзя сказать, что данный принцип вообще не учитывается в отечественной правовой действительности – так, например, о нём вскользь говорится в распоряжении Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга от 11 августа 2014 года № 672-р [6]. Существуют Национальные клинические рекомендации по формированию и ведению листа ожидания трансплантации трупного органа, а так же алгоритму подбора оптимальной пары донор-реципиент, утвержденные решением Координационного Совета общероссийской общественной организации трансплантологов «Российское трансплантологическое общество» от 15 декабря 2015 года [7], где также упоминается принцип соблюдения очередности, но это просто рекомендации, не имеющие юридической силы.

Разбирая принцип соблюдения очередности по «листу ожидания» представляется необходимым заострить внимание на том, что же из себя представляет данный «лист ожидания». Так, «лист ожидания» является ничем иным, как списком пациентов, которым необходима пересадка того или иного органа с указанием особенностей состояния его здоровья. При появлении донорского органа его биологические данные сравниваются с биологическими параметрами пациентов, находящихся в листе ожидания, впоследствии чего данный орган достается тому, кому он наиболее подходим по критериям совместимости. С медицинской точки зрения данный принцип является вполне справедливым и целесообразным, так как способствует снижению вероятности отторжения донорского органа. На практике данный принцип подкрепляется также критериями ургентности реципиента (критического состояния здоровья – для таких пациентов операция должна быть безотлагательной), очередность постановки на учёт – в случае, если два пациента, находящихся в критическом состоянии и при этом обладающих примерно равнозначной иммунологической совместимостью пары донор-

реципиент, претендуют на один и тот же донорский орган, то предпочтение отдается тому пациенту, который был поставлен на учет ранее. Принцип соблюдения очередности согласно «листу ожидания» является гарантом равенства пациентов вне зависимости от их социального положения, уровня дохода и прочих критериев. Видится необходимым особо подчеркнуть, что такой принцип предусмотрен проектом федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» [8], что является несомненным достоинством данного законопроекта. Таким образом, мы можем говорить о том, что на данный момент должного нормативного закрепления принцип соблюдения очередности по «листу ожидания» удостоен не был, что, на наш взгляд, является существенной недоработкой законодательства.

Принцип декоммерциализации пересадок органов и (или) тканей нашёл своё отражение в статье 15 Закона РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», где прямо закрепляется недопустимость продажи органов и (или) тканей человека, а также статьей 1 этого же самого закона, в которой прописано, что «органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Данный принцип предполагает строгий запрет возмездного характера отношений при трансплантации органов и (или) тканей, направлен на обеспечение равенства, также особо подчеркивает гуманистические начала донорства, определяя его как добровольное самопожертвование ради спасения жизни другого человека, носящее бескорыстный характер.

В преамбуле Закона РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (нормативное содержание которой большинством правоведов не признается) говорится о том, что трансплантация должна осуществляться в соответствии с «гуманными принципами, провозглашенными международным сообществом, при этом интересы человека должны превалировать над интересами общества или науки». Принцип интеграции в международные трансплантологические сообщества направлен на обеспечение гармоничного взаимодействия национальной и международной систем донорства в целях развития здравоохранения, медицинской науки и техники, фармации для сохранения, восстановления и улучшения здоровья населения. Во исполнение данного принципа Российской Федерацией заключен целый ряд соглашений с другими странами, например Межправительственное Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в области охраны здоровья населения (Минск, 26 июня 1992 г.) [9], Соглашение о международной системе по сотрудничеству в области трансплантации почек «Интертрансплант» [10] и другие. Также о влиянии международно-правовой составляющей упоминается в статье 7 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», гласящей, что «если международным договором, в котором участвует Российская Федерация, установлены иные правила, то действуют правила международного договора». Данное положение подводит нас к мысли о теоретической возможности международного сотрудничества в области трансплантологии.

Российская Федерация, к сожалению, не входит в число стран-лидеров по проведению операций по пересадке тканей и (или) органов. Для наглядности, за один только 2019 год в мире, согласно данным GODT (Global Observatory on Donation and Transplantation) [11], было произведено 143828 операций по трансплантации, из которых на долю Российской Федерации приходится всего 2429 операций. Неутешительная статистика приводится также и в международном регистре донорства и трансплантации органов (International Registry in Organ Donation and Transplantation) [12] – так, проанализировав отчет от июня 2020 года, мы можем умозаключить, что Российская Федерация занимает отнюдь не лидирующие позиции в области трансплантологии.

Согласно мнению директора национального медицинского исследовательского центра трансплантологии и искусствен-

ных органов имени академика В.И. Шумакова Сергея Готье «трудности развития системы донорства и трансплантации органов можно объяснить низкой информированностью населения, потребностью в подготовленных специалистах, а также отсутствием единой государственной системы координации донорства и трансплантации» [13, с. 9]. Необходимость совершенствования законодательной базы и приведения её в соответствие с международными стандартами относительно организационных вопросов проведения трансплантации органов и (или) тканей в РФ также отмечают А.В. Мартынов и М.Д. Прилуков [14], а также ряд других исследователей.

Так, к числу факторов, препятствующих активному развитию трансплантологии в РФ, можно отнести: несовершенство правовой базы, острую нехватку донорского материала, суеверный страх населения перед данной областью медицинской деятельности, продиктованный, в первую очередь, отсутствием должного информирования населения, невыработанной системой пропаганды донорства.

Исходя из всего вышеперечисленного, становится очевидно, что в Российской Федерации уже давно назрела объективная необходимость изменения имеющегося правового регулирования трансплантологии, принятия нового нормативного правового акта, регулирующего отношения в данной области, который положил бы конец всем недочетам и разночтениям, поскольку, на данный момент, мы наблюдаем явное несоответствие прописанных норм правовой действительности, отсутствие научно-обоснованной пропаганды донорства и, как следствие, низкий уровень развития данного перспективного метода лечения в отечественной медицине.

Библиографический список

1. Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 14.01.1993, N 2, ст. 62.

2. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. // Советское государство и право. – 1968. – № 9. – С. 88-93.

3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

4. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Проблемы реализации конституционного права человека на отказ от трансплантации его органов и тканей: конституционно-правовое исследование // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – №1. – С. 32-37.

5. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, N 48, ст. 6724.

6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/537961856.

7. Формирование и ведение листа ожидания трансплантации трупного органа. Алгоритм подбора оптимальной пары донор – реципиент. Национальные клинические рекомендации. 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://transpl.ru/files/rto/raspred-donor-organov.pdf.

8. Проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» // Подготовлен Минздравом России 23.12.2019).

9. Бюллетень международных договоров. – 1993. – №6.

10. Соглашение о международной системе по сотрудничеству в области трансплантации почек «Интертрансплант» (вместе с Перечнем организаций – участников «Интертрансплант», Правилами обеспечения срочной перевозки контейнера с донорской почкой человека авиатранспортом) (заключено в г. Москве 11.12.1980) // Сборник международных договоров СССР. – М., 1982. Вып. XXXVI. – С. 313-318.

11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.transplant-observatory.org/.

12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.irodat.org/?p=publications.

13. Щастный А.Т., Михневич Е.В. Достижения и проблемы трансплантологии на современном этапе // Вестник ВГМУ. – 2018. – Т. 17. №5. – С. 7-16.

14. Мартынов А.В., Правовые и организационные вопросы трансплантационного туризма в современной системе здравоохранения: российский и международный опыт / А.В. Мартынов, М.Д. Прилуков // Мед. Право. – 2014. – № 4. – С. 38-44.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF TRANSPLANT ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

K.M. Bryleva, *Graduate Student*
Supervisor: *G.N. Shevchenko, Doctor of Legal Sciences, Professor*
Far Eastern Federal University
(Russia, Ajax)

Abstract. *This article is devoted to a comprehensive analysis of the regulation of the fundamental principles of legal regulation of transplantological activity – both General, inherent in all areas of medical activity, and specific, operating exclusively in the field of transplantation of human organs and (or) tissues. The author critically examines their consolidation in the regulatory legal framework of the Russian Federation, examines the problematic aspects of the current version of these norms, and identifies factors that hinder the active development of Russian transplantology.*

Keyword: *transplantology, principles of legal regulation, human organs and tissues, donor, recipient.*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

М.М. Булатских, *студент*
Д.В. Шумских, *студент*
Научный руководитель: *Г.А. Могилевский, канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Новосибирск)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11154

Аннотация. *В статье излагаются основные проблемы, возникающие при применении обеспечительных мер в рамах гражданского судопроизводства. Особое внимание авторами уделяется отсутствию законодательно закрепленных оснований для их принятия. Рассматриваются правовые принципы и основы, способствующие обеспечению защиты прав и интересов сторон. Предлагаются пути ликвидации законодательных пробелов, регулирующих исследуемый правовой институт.*

Ключевые слова: *обеспечительные меры, основания для обеспечения иска, заявление истца, исполнение решения суда, соразмерность мер.*

Рассматривая проблематику правового регулирования гражданско-процессуального института обеспечения иска, следует обратиться к главе 13 ГПК РФ [1]. Содержание данной главы нельзя назвать обширным, но важно отметить, что указанный институт пользуется достаточно частым применением, однако, несмотря на законодательное закрепление исследуемого правового института, как меры безопасности и дополнительной страховки пострадавшей стороны, необходимо выделить ряд практических проблем.

Первая и важнейшая из них заключается в отсутствии нормативно закрепленного определения обеспечительной меры, применяемой в рамках гражданского судопроизводства. Что ставит правоприменителя в затруднительное положение, поскольку ему приходится применять данную защитную меру посредством толкования на свое усмотрение, путем обращения к научным трудам, а также к материалам судебной практики. Обеспечительные меры являются важнейшим гарантом сохранности спорного имущества в целях исполнения решения суда, а также одним из способов защиты и восстановления нарушенных прав пострадавшей стороны. Исследуемые меры призваны обеспечить порядок гражданского судопроизводства в случаях, когда одна из сторон спора пытается обойти закон и намеренно не исполняет принятые на себя обязательства, в частности, скрывает имущество или уклоняется иным образом [3].

Следующий правоприменительный пробел заключается в основаниях применения обеспечительных мер, а точнее в их отсутствии. Ст. 139 ГПК РФ предусматривает, что «обеспечение иска допускается во всяком положении дела, если непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда». Данная формулировка воспринимается весьма неоднозначно, ведь законодатель не раскрыл перечень обстоятельств, а иначе оснований для обеспечения иска, входящий в круг «всякого положения дела». Весьма абстрактный способ изложения оснований позволяет рассматривать достаточно широкий круг обстоятельств, способствующий принятию мер по обеспечению исковых требований. В данном случае суд самостоятельно оценивает, в какой степени требуемая обеспечительная мера связана с предметом иска, соразмерна заявленным требованиям и каким образом поспособствует фактическому и полному исполнению решения суда [2]. Исследуемое обстоятельство также указывает на то, что в рамках заявления о принятии обеспечительных мер не определен круг доказательств, которые подтверждали бы предмет и соразмерность требований, а также невоз-

можность исполнения решения суда при непринятии указанного средства защиты. Действующее законодательство при этом не установило специальных правил допустимости средств доказывания, а значит, косвенно указывает на применение общих положений о доказательствах (ст. 55 ГПК РФ). Таким образом, доказательствами заявленных требований о применении меры обеспечения иска будут любые сведения о фактах, которые подтверждают возможную в будущем затруднительность исполнения решения суда, а значит истец, вправе приводить любые фактические данные, свидетельствующие о возможной недобросовестности ответчика. Также нельзя не отметить, что органы суда в ряде случаев указывают на то, что обеспечительные меры выступают ускоренным средством защиты, а значит, не требуют представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора. Обязательным является представление заявителем доказательств наличия оспоренного или нарушенного права, а также его нарушения [5].

Особая сложность возникает при составлении заявления, ведь действующая редакция не содержит соответствующей нормы, содержащей требования о структуре заявления, перечне необходимых документов, прилагаемых в указанному заявлению и т.д. Ведь их отсутствие или неполнота препятствует принятию решения о применении обеспечительных мер, что опять же указывает на законодательный пробел, а именно, на отсутствие регламентации действий суда при обнаружении данного обстоятельства [4].

Нельзя не отметить действующее противоречие, соблюдение баланса интересов сторон и одновременное их ущемление в силу ст. 144 ГПК РФ, ведь принятое по заявлению истца, например, поданному в день обращения с иском, обеспечение иска, в том числе при наличии оснований для оставления иска без рассмотрения или прекращения производства по делу, будет сохранять свое действие вплоть до вступления в законную силу определения об отмене обеспечения иска.

Резюмировав изложенное, следует отметить, что проблематика института обеспечительных мер, в первую очередь обусловлена отсутствием их легального определения. Считаем целесообразным дополнить действующую редакцию ГПК РФ понятием обеспечительных мер, например, в следующем варианте: Обеспечительные меры – совокупность действий, способствующих реализации решения суда в случае удовлетворения исковых требований, необходимость в которых возникает вследствие недобросовестного поведения ответчика, а также в случае, когда их отсутствие повлечет невозможность исполнения судебного акта по не зависящим от ответчика причинам.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. ст. 4532.

2. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня года № 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.09.2020).

3. Обзор судебной практики по вопросам применения обеспечительных мер в гражданском процессе. – [Электронный ресурс]. — URL: http://docs.cntd.ru/ (дата обращения: 29.09.2020).

4. Антонов В.А. Актуальные вопросы применения отдельных обеспечительных мер в гражданском и арбитражном процессах / В.А. Антонов, М.С. Трофимова // Юридическое образование и наука. – 2019. – №10. – С. 21-27.

5. Гарцева Т.А. Особенности применения мер по обеспечению иска в гражданско-процессуальном праве / Т.А. Гарцева, Е.М. Палюткина // Актуальные проблемы управления, экономики и права: научные подходы студентов и аспирантов. Право и экономика сборник научных работ. – Владимир, 2018. – С. 35-39.

PROBLEMS OF ENSURING MEASURES IN THE CIVIL PROCESS

M.M. Bulatskikh, *Student*
D.V. Shumskikh, *Student*
Supervisor: *G.A. Mogilevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Siberian State Transport University
(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The article outlines the main problems arising from the application of interim measures in the framework of civil proceedings. The authors pay special attention to the absence of legislatively fixed grounds for their adoption. The article considers the legal principles and frameworks contributing to the protection of the rights and interests of the parties. The ways of eliminating legislative gaps regulating the investigated legal institution are proposed.*

Keywords: *interim measures, grounds for securing a claim, plaintiff's statement, execution of the decision, proportionality of measures.*

ЗАЩИТА МИНИСТЕРСТВОМ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т.М. Володин, *студент*
Научный руководитель: *А.В. Минаев*, *канд. юрид. наук, доцент*
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11155

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение примера выявления Министерством природных ресурсов и экологии Республики Хакасия (далее – Минприроды Хакасии) мест несанкционированного размещения отходов, способа их ликвидации путем внесудебного обязания органа местного самоуправления ликвидировать места несанкционированного размещения отходов, а также путем обращения в судебные органы в целях обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности граждан.

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, Конституционные права граждан, государственный надзор, охрана окружающей среды, несанкционированное размещение отходов, исполнительный орган, орган местного самоуправления, Минприроды Хакасии.*

Благоприятной окружающей средой называется окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Источником данного термина является Федеральный закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее по тексту: Закон об охране окружающей среды, Закон №7 ФЗ). Под благополучной окружающей средой понимается, в том числе, и отсутствие несанкционированных мест отходов [1].

Согласно постановлению Правительства Республики Хакасия от 25 июня 2013 года № 346 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Республики Хакасия» (с изменениями и дополнениями), Минприроды Хакасии на основании и во исполнение действующего законодательства Российской Федерации и Республики Хакасия осуществляет полномочия в области охраны окружающей среды, в том числе осуществление регионального государственного экологического надзора при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, за исключением деятельности с использованием объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору [2].

В рамках мероприятий охраны окружающей среды, воспроизводства и использования природных ресурсов в Республике Хакасия, Минприроды Хакасии вправе заключать государственные контракты со специализированными организациями в целях выявления и предоставления отчета по проведению инвентаризации мест несанкционированного размещения отходов, в том числе бесхозяйных в границах населенных пунктов.

По результатам проведения вышеуказанного отчета Минприроды Хакасии стало известно о размещении десяти несанкционированных мест отходов в границах одного из муниципального образования в Республике Хакасия (далее – Муниципальное образование) общей площадью 24,37 га, о чем Муниципальное образование незамедлительно проинформировано, с указанием месторасположения несанк-

ционированных отходов и сроков их ликвидации.

Муниципальным образованием своими силами и за счет собственных средств в указанные сроки устранено три места несанкционированного места отходов общей площадью общей площадью 6,14 га.

Во исполнения Конституционных прав граждан, предусмотренных статьей 42 Конституции Российской Федерации, Минприроды Хакасии обратилось с суд и исковым заявлением о ликвидации оставшихся местах несанкционированного размещения отходов общей площадью 18,23 га по следующим законным основаниям.

В силу статьи 12 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно [3].

Статьей 3 Закона №7-ФЗ определено, что хозяйственная и иная деятельность органов местного самоуправления должна осуществляться на основе принципов соблюдения права человека на благоприятную окружающую среду, ответственности за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях [1].

Частью 1 статьи 7 Закона №7-ФЗ и пунктом 18 части 1 статьи 14 Федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» установлено, что к вопросам местного значения городских, сельских поселений относится организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора [4].

Согласно части 1 статьи 35 Закона №7-ФЗ при размещении объектов должно быть обеспечено выполнение требований в области охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности с учетом ближайших и отдаленных экологических, экономических, демографических, нравственных последствий эксплуатации указанных объектов и соблюдением приоритета сохранения благоприятной окружающей среды [1].

Статьями 51, 52 Закона №7-ФЗ установлено, что отходы производства и потребления подлежат сбору, обезвреживанию, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для окружающей среды; запрещается сброс отходов производства и потребления в поверхностные и подземные водные объекты, на водосборные площади, в недра и на почву; в целях охраны условий жизнедеятельности человека, среды обитания растений, животных и других организмов вокруг объектов хозяйственной и иной деятельности, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, создаются санитарно-защитные зоны, лесопарковые зоны и иные зоны с ограниченным режимом природопользования [1].

Нормами статей 4 и 22 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее - Закон № 52-ФЗ) установлено, что отходы производства и потребления подлежат сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению, условия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания и которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [5].

Согласно части 2 статьи 2 Закона № 52-ФЗ, органы местного самоуправления обеспечивают соблюдение требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения за счет собственных средств [5].

В соответствии с нормами, установленными статьей 13 Земельного кодекса Российской Федерации, в целях охраны земель собственники земельных участков, землепользователи, обязаны проводить мероприятия по сохранению почв и их плодородия, защите земель от захламления отходами производства и потребления, ликвидации последствий загрязнения, рекультивации нарушенных земель, восстановлению плодородия почв, своевременному вовлечению земель в оборот.

Требования к содержанию территорий населенных мест содержатся в Санитарных правилах и нормах СанПин 42-128-4690-88 «Санитарные правила содержания

территорий населенных мест», утвержденных Минздравом СССР 05.08.1988 № 4690-88.

В соответствии с данными Правилами, система санитарной очистки и уборки территорий населенных мест должна предусматривать рациональный сбор, быстрое удаление, надежное обезвреживание и экономически целесообразную утилизацию бытовых отходов.

Согласно пункту 3.2 санитарно-эпидемиологических правил и нормативов «Гигиенические требования к размещению и обезвреживанию отходов производства и потребления. СанПиН 2.1.7.1322-03», введенных в действие Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30.04.2003 № 80, временное складирование отходов производства и потребления допускается только на открытых, специально оборудованных для этого площадках.

В соответствии с пунктом 2 статьи 21 Закона № 52-ФЗ, содержание территорий городских и сельских поселений, промышленных площадок должно отвечать санитарным правилам.

Пункт 1 статьи 22 Закона № 52-ФЗ предусматривает, что отходы производства и потребления подлежат сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания и которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [5]. Аналогичная норма содержится и в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (статья 51).

Согласно части 14 статьи 15 Закона № 131-ФЗ к вопросам местного значения муниципального района относиться: участие в организации деятельности по сбору (в том числе раздельному сбору), транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов.

Аналогичные полномочия закреплены в части 2 статьи 8 Закона № 89-ФЗ, в соответствии с которой: к полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов в области обращения с отходами относится участие в организации деятельности по сбору (в том числе раздельному сбору), транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов на территориях соответствующих районов. Органы местного самоуправления муниципального района осуществляют полномочия в области обращения с отходами, предусмотренные пунктом 1 настоящей статьи, на территориях сельских поселений, если иное не установлено законом субъекта Российской Федерации, а также на межселенной территории [4].

Минприроды Хакасии в судебном заседании просило суд установить срок для выполнения ликвидации мест несанкционированного размещения отходов ответчиком в течение шести месяцев со дня вынесения решения суда.

На основании приведенных норм законодательства, суд удовлетворил исковое заявление Министерства природных ресурсов и экологии Республики Хакасия [6].

Однако, относительно требования истца об установлении срока для исполнения возложенной обязанности на ответчика, суд установил срок в два года и шесть месяцев в виду следующего обстоятельства.

Согласно утвержденной муниципальной программы «Экологическая безопасность» в Муниципальном образовании, количество финансовых средств, предусмотренных для ликвидации несанкционированных свалок и рекультивацию земельных участков, суд счел недостаточным шестимесячный срок для исполнения решения суда.

Таким образом, Министерство природных ресурсов и экологии Республики Хакасия, отстояло защиту законных прав и интересов граждан Российской Федерации на благополучную окружающую среду, в досудебном и судебной порядке.

Минприроды Хакасии также принято во внимание финансовое положение Муниципального образования, решение суда не обжаловано.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».
2. Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии Республики Хакасия, утвержденное постановлением Правительства Республики Хакасия от 25 июня 2013 года № 346.
3. Чепунов О.И. Об эффективности судебной власти Современное право. – 2009. – №5. – С. 79.
4. Чепунов О.И., Минаев А.В. К вопросу об эффективности власти // Вестник Тувинского государственного университета. №1 Социальные и гуманитарные науки. – 2017. – №1 (32). – С. 135-142.
5. Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая от 18 дек. 2006 г. №230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2006 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ: в ред. Федер. закона от 3 авг. 2018 г. № 339-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обр. 29.10.2020г.)

PROTECTION BY THE MINISTRY OF NATURAL RESOURCES AND ECOLOGY OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO A FAVORABLE ENVIRONMENT, ENSURING A FAVORABLE ENVIRONMENT AND ECOLOGICAL SAFETY

T.M. Volodin, *Student*
Supervisor: *A.V. Minaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Khakass State University named after N.F. Katanova
(Russia, Abakan)

Abstract. *The purpose of this article is to consider an example of the identification by the Ministry of Natural Resources and Environment of the Republic of Khakassia (hereinafter referred to as the Ministry of Natural Resources of Khakassia) places of unauthorized waste disposal, a method for their liquidation through an extrajudicial obligation of a local government to eliminate places of unauthorized waste disposal, as well as by applying to judicial authorities in order favorable environment and ecological safety of citizens.*

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, Constitutional rights of citizens, state supervision, environmental protection, unauthorized disposal of waste, executive body, local government, Ministry of Natural Resources of Khakassia.*

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМ И РЕЛИГИОЗНЫМ КОНФЛИКТАМИ, ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ

Ю.А. Гатаулина, *студент*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11156

Аннотация. *Тема государственно-правовых механизмов в управлении этническими и религиозными конфликтами достаточно актуальна, так как в настоящее время на территории разных стран, в том числе и России, вспыхивают новые очаги религиозных и этнических конфликтов. В данной статье рассмотрены вопросы применения государственно-правовых механизмов в регулировании и управлении этническими и религиозными конфликтами в стране, а именно государственно-правовой механизм урегулирования межнациональных конфликтов на территории государства основанный на законодательстве и формировании культурных организаций, которые способствуют сохранению и развитию традиций, культур и взаимоотношений между народами РФ, рассматривается концептуализация национальной политики, деятельность органов законодательной власти в области решения вопросов, касающихся этнических и религиозных конфликтов.*

Ключевые слова: *конфликт, этнический конфликт, религиозный конфликт, государственно-правовые механизмы, методы, сущность.*

Государственное регулирование этнических и религиозных конфликтов – это целенаправленная деятельность законодательных органов власти, которая направлена на снижение и предотвращение межрасовых и религиозных конфликтов внутри государства.

От того насколько эффективны действия законодательных органов власти в урегулировании общенациональных вопросов в области снижения религиозных, межнациональных, этнических конфликтов, зависит безопасность населения и целостность государства.

Этнические и религиозные конфликты носят разрушающий характер и могут затронуть как территорию отдельного региона, так и общее пространство государства, данные конфликты касаются внутренних уставов и взаимоотношений, выстроенных в обществе.

Государство, в лице уполномоченных органов законодательной власти, выступает регулятором этнических и религиозных конфликтов. Деятельность органов законодательной власти в области решения вопросов, касающихся этнических и религиозных конфликтов, направлены на своевременное реагирование и снижение разногласий между народами государства, а также на создание межкультурного диалога.

Урегулирование этнических и религиозных конфликтов требует нахождение новых, современных и всесторонних методов, которые удовлетворят интересам конфликтующих сторон.

Для достижения баланса урегулирования этнических и религиозных конфликтов, необходимо соблюдать следующие условия:

– во-первых, стороны конфликта должны признать наличие конфликтной ситуации, тем самым каждая сторона признает свои права на существование. Урегулирование конфликта возможно в случае соблюдения прав всех сторон конфликтной ситуации.

– во-вторых, в решении конфликта необходимо выявить степень организованности, с целью достижения договоренности между сторонами и выполнения условий договора.

– в-третьих, должны быть установлены определенные правила игры, при соблюдении которых возможен переговорный процесс. Данные правила устанавливают равенство возможностей всех сторон кон-

фликта и обеспечивают баланс в урегулировании взаимоотношений [2].

Россия является многонациональной страной, в которой проживают различные народы и этносы, имеющие собственные традиции, религию и культуру.

Без эффективной нормативно-правовой базы в регулировании общественных отношений, невозможно выстроить режим правового государства.

В России в основе нормативно-правовой базы, регулирующей правовые взаимоотношения общества, в том числе регулирующей этнические и религиозные конфликты, заложены следующие нормативно-правовые акты:

– Конституция РФ, в которой закреплены гражданские права населения, проживающего на территории государства. Исходя из основ Конституции РФ, стоит отметить, что данный документ закрепляет недопустимость дискриминации общества по национальному и расовому признаку;

– договоры, заключенные между Российской Федерацией и республиками, которые входят в состав государства;

– федеральное законодательство, в котором содержатся права и гарантии коренных и малочисленных народов, проживающих на территории государства;

– специальное законодательство о национально-культурной автономии [3].

На региональных уровнях, органами государственной власти проводятся мероприятия направленные на регулирование этнических конфликтов и общественных отношений. С целью эффективного правового регулирования на региональных уровнях разрабатываются стратегические и программные документы.

Вопросы профилактики конфликтов на территории Российской Федерации также нашли свое отражение в миграционной политике. Так, на сегодняшний день разработано миграционное законодательство, состоящее из законодательных и правовых актов, регулирующих отношения в среде мигрантов, проживающих на территории РФ. Данное законодательство является важнейшим механизмом в урегулировании вопросов межнациональных и расовых конфликтов.

Особое значение имеют нормативно-правовые акты, закрепляющие права и гарантии беженцев и переселенцев, а также законодательные акты регулирующие въезд/выезд и проживание иностранных лиц на территории страны. Примерами указанных актов служат: федеральный закон «О беженцах» №117 ФЗ от 21.07.1998 г., федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ» от 04.12.2007 г., федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» № 114 ФЗ от 15.08.1996 г. и пр. [4]

К механизмам профилактики межнациональных и религиозных конфликтов, также относится концептуализация государственной политики.

В настоящее время на территории Российской Федерации действует Концепция государственной национальной политики РФ, которая утверждена в Указе Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909, в которой отражены проблемы взаимоотношений общества, а также рассмотрены концептуальные пути решения.

Целью данного документа является:

– распространение на территории всего государства идей духовного единства и дружбы народов, населяющих территорию РФ, культивирование отечественного патриотизма и распространение знаний об истории и традициях народов РФ;

– сохранение культурного единства и исторического наследия на территории РФ, а также развитие национальной самобытности разных народов РФ;

– обеспечение условий для взаимосвязи между культурами и традициями среди народов, а также сохранения языков народов России.

Кроме правового законодательства, в качестве механизма регулирования этнических и религиозных конфликтов существует национально-культурная автономия, которая является формой самоопределения народов, и направлена на самовыражение прав и свобод малочисленных народов и этносов, населяющих территорию России. Целью национально-культурной

автономии служит сохранение культурного наследия народов России [2].

Граждане РФ, в рамках национально-культурной автономии имеют возможность реализовать свои права:

– организовывать ассоциации, не противоречащие законодательству РФ и способствующие сохранению и развитию культуры народов и различных групп, проживающих и организованных на территории РФ;

– получать поддержку со стороны законодательных органов власти в решении межнациональных и религиозных конфликтов;

– принимать участие в образовании учреждений культуры и иных учреждений, деятельность которых направлена на развитие традиций народов государства.

Основная задача органов государственной власти в урегулировании межнациональных конфликтов на территории государства заключается в создании наиболее эффективной нормативно-правовой базы, регулирующей действия, права и гарантии народов России.

Органы законодательной власти обязаны обеспечить духовное единство народа, и грамотно принимать решения в области проблем, существующих в культурных и национальных общностях.

В современном государстве значимую роль должны играть и создаваемые институты общественных советов, которые действуют под руководством органов государственной власти.

В Российской Федерации на сегодняшний день действует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, созданный при Президенте РФ, а также Экспертно-консультативный совет Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений, который создан при правительстве РФ.

В регионах РФ также создаются консультативные советы по решениям проблем межэтнических и религиозных отношений. Данные советы направлены на взаимодействие народов РФ с национально-культурными организациями.

Организованные общественные советы по урегулированию межэтнических взаимоотношений являются одним из наиболее эффективных механизмов в профилактике этнических и религиозных конфликтов, деятельность общественных советов направлена на своевременное информирование органов государственной власти о возникающих межнациональных конфликтах на территории государства или региона, кроме этого общественные советы разрабатывают рекомендации в области профилактики межнациональных конфликтов.

Таким образом, сегодня на территории России выстроен эффективный государственно-правовой механизм, направленный на урегулирование этнических и религиозных конфликтов. Государственно-правовой механизм урегулирования межнациональных конфликтов на территории государства основан на законодательстве и формировании культурных организаций, которые способствуют сохранению и развитию традиций, культур и взаимоотношений между народами РФ.

Социально-экономическое развитие государства во многом зависит от успешно выстроенной системы урегулирования конфликтов, которая направлена на поиск компромиссов конфликтующих сторон. Одним из лучших способов регулирования межнациональных конфликтов это совместная деятельность всех органов власти, направленная на установление толерантных отношений внутри государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации с поправками 2020 // Консультант Плюс

2. Аминов И.Р. Этнополитические конфликты в условиях поликультурной среды: от «арабской весны» до североатлантического миграционного кризиса // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 19. №2. – С. 666-670.

3. Аминов И.Р. Правовая культура наследия как условия эффективного осуществления местного самоуправления // Вестник Башкирского университета. – 2015. – №6. – С. 3.

4. Гуськов А.Я., Алексеев С.В., Говядкин И.Е. Конфликтология. Учеб. пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2016. – 176 с.

STATE LEGAL MECHANISMS FOR GOVERNING ETHNIC AND RELIGIOUS CONFLICTS, THEIR REGULATION AND RESOLUTION

Yu.A. Gataulina, *Student*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *The topic of state-legal mechanisms in the management of ethnic and religious conflicts is quite relevant, since at present, new centers of religious and ethnic conflicts are flaring up on the territory of different countries, including Russia. This article examines the application of state legal mechanisms in the regulation and management of ethnic and religious conflicts in the country, namely the state legal mechanism for resolving interethnic conflicts on the territory of the state based on legislation and the formation of cultural organizations that contribute to the preservation and development of traditions, cultures and relations between the peoples of the Russian Federation, the conceptualization of national policy, the activities of legislative bodies in the field of resolving issues related to ethnic and religious conflicts are considered.*

Keywords: *conflict, ethnic conflict, religious conflict, state-legal mechanisms, methods, essence.*

УСТНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ИСТЦА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

М.В. Горелов, *канд. юрид. наук, доцент*
А.А. Касимова, *магистрант*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11157

Аннотация. *Автор в статье рассматривает сложности в реализации своих процессуальных прав административным истцом. Исследуются случаи, когда административный истец не имеет высшего юридического образования. Обозначаются несовершенства Кодекса об административном судопроизводстве РФ. Рассматриваются проблемы дачи устных объяснений административным истцом в случаях оспаривания нормативных правовых актов в Верховных судах РФ и судах субъектов РФ. Выявляется зависимость административного истца от представителя.*

Ключевые слова: *административный истец, административное судопроизводство, процессуальные права административного истца, представитель административного истца, устные объяснения административного истца.*

Согласно статье 159 Кодекса об административном судопроизводстве РФ (КАС РФ), суд заслушивает объяснения административного истца, а также его представителей. Лица, участвующие в деле, их представители могут задавать друг другу вопросы. Суд может задавать вопросы лицам, участвующим в деле, их представителям в любой момент дачи ими объяснений [1]. Таким образом, административное судопроизводство, на первый взгляд, кажется похожим на гражданское. Можно толковать статью таким образом, что устные объяснения административного истца в административном судопроизводстве допустимы всегда. Однако все не так просто, как кажется. Принятый КАС РФ содержит ряд противоречий и коллизий.

Согласно части 9 статьи 208 КАС РФ, в случае оспаривания нормативных правовых актов в Верховных судах и приравненных к ним судам, граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования – ведут дела через представителей. А представители, согласно статье 55 КАС РФ обязаны иметь высшее юридическое образование. Конечно, в данном случае логично считать, что гражданин может подать иск в суд лично, но если он не приложит документы, подтверждающие наличие у него высшего юридического образования, либо заявление о ведении дела представителем с его документами о высшем юридическом образовании, то иск будет возвращен истцу обратно.

Стоит отметить, что часть 5 статьи 45 КАС РФ вообще не содержит норм о том, вправе ли лицо, участвующее в деле, лично совершать какие-либо процессуальные действия. Справедливо считать, что даже если участие представителя в конкретном административном судопроизводстве обязательно, сам истец вправе давать устные объяснения по делу, знакомиться с материалами дела [2, с. 42]. Ведь только так будет реализовано конституционное право на судебную защиту.

Однако стоит напомнить о судебном заседании, где оспаривался нормативно-правовой акт в Верховном Суде Республики Башкортостан. На заявленное в суде ходатайство административного истца лично защищать свои права и законные интересы, суд указал, что на судебном заседании в Верховном Суде административный истец является только «не говорящим зрителем» и не может, согласно КАС РФ, пользоваться правом дачи устных объяснений в суде. Более того, суд указал, что представитель административного истца, не вправе уточнять обстоятельства

дела, которыми располагает административный истец при даче объяснений в судебном заседании [3].

Таким образом, согласимся с мнением С.Л. Дегтярева и М.В. Горелова, что после принятия КАС РФ по факту произошло ограничение процессуальных прав административного истца, а именно права дачи устных объяснений в суде. Проигнорированы особенности участия административного истца в механизме реализации основополагающих принципов гражданского и административного судопроизводства [4, с. 47].

Представляя интересы своего доверителя, представитель участвует в судебном заседании, дает соответствующие объяснения. Таким образом, пояснения по делу фактически дает не сам административный истец. А из этого следует, что нормы, установленные статьей 59 КАС РФ где регламентируется, что в качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, следовало бы дополнить фразой «или их представителей».

Стоит сделать вывод, что установленное ч. 9 ст. 208 КАС РФ требование является нарушением права гражданина на судебную защиту, закрепленное в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ и ч. 1 ст. 4 КАС РФ. Гражданин, не соответствующий требованиям, установленным в законе, не имеет возможности реализовать свое конституционное право на защиту своих прав в суде. Такого рода ограничение противоречит принципам административного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 КАС РФ, а именно принципам равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон при активной роли суда. Гражданину необходимо предоставить право на личное участие в рассмотрении своего дела.

Таким образом, сам истец в делах об оспаривании нормативно-правовых актов, указанных в части 9 статьи 208 КАС РФ участвовать без высшего юридического образования фактически не может и реализация его прав будет напрямую связана с финансовыми возможностями. Услуги представителя-юриста по представлению интересов истца в суде стоят недешево и доступны не каждому гражданину.

Необходимо сделать вывод, что право гражданина без высшего юридического образования на ведение административных дел по оспариванию нормативно-правовых актов в Верховных Судах через представителя в силу положений КАС РФ становится обязанностью. Гражданин-истец как лицо, участвующее в деле, фактически не обладает какими-либо правами ни в судебном заседании, ни в процессе вообще, не может давать устные объяснения. В силу чего такой гражданин, переходит в категорию слушателя, но не становится участником рассмотрения дела. Стоит пересмотреть нормы КАС РФ и предоставить право дачи устных объяснений административному истцу и в тех случаях, когда его интересы представляет юрист.

Стоит также предоставить равные возможности гражданам по оспариванию нормативно-правовых актов в суде. Для граждан-истцов, не имеющих высшее юридическое образование, следует на законодательном уровне обеспечить бесплатное предоставление представителя-юриста. Только так можно будет обеспечить равный доступ гражданам к судебной защите своих прав, которые не будут зависеть от их финансовых возможностей.

Библиографический список

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. №21-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 267-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.10.2020).

2. Ионова Д.Ю. Некоторые особенности законодательного регулирования процессуального положения лиц, участвующих в деле, по кодексу административного судопроизводства РФ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – №3 (31). – С. 41-46.

3. Решение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 3га-341/2019-М-1566/2018. «Об оспаривании нормативно-правовых актов органов государственной власти... оспаривание нормативно-правовых актов иных органов государственной власти

субъекта РФ» от 10 апреля 2019 г. // Официальный интернет-портал судебных и нормативных актов РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudact.ru/ (дата обращения: 11.10.2020).

4. Дегтярев С.Л., Горелов М.В. «Зритель» или «Административный истец» при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами в порядке Кодекса Административного Судопроизводства Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – №4. – С. 46-48.

ORAL EXPLANATIONS OF THE ADMINISTRATIVE PLAINTIFF IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

M.V. Gorelov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
A.A. Kasimova, *Graduate Student*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *The author considers the difficulties in the implementation of their procedural rights by an administrative plaintiff. We study cases where the administrative plaintiff does not have a higher legal education. Imperfections of the code of administrative procedure of the Russian Federation are indicated. The problems of giving oral explanations by an administrative plaintiff in cases of challenging normative legal acts in the Supreme courts of the Russian Federation and the courts of constituent entities of the Russian Federation are considered. The dependence of the administrative plaintiff on the representative is revealed.*

Keywords: *administrative plaintiff, administrative proceedings, procedural rights of the administrative plaintiff, representative of the administrative plaintiff, oral explanations of the administrative plaintiff.*

ВОЗМОЖНОСТИ НОТАРИАТА В СФЕРЕ ВНЕСУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ

А.В. Горина, *студент*
Научный руководитель: *И.Г. Галикеева, канд. юрид. наук, доцент*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11158

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности нотариата во внесудебном механизме защите прав и интересов граждан и организаций в современной России. Все изложенное базируется на раскрытии терминологии, отраженной в актуальных редакциях соответсвующих нормативно-правовых актов. В статье рассмотрены основы нотариата в России, возможности его функционирования, направления совершенствования нотариальной деятельности. Дается оценка потенциалу нотариата при наделении нотариуса дополнительными полномочиями в области бесспорной юрисдикции. Приведены рекомендации по направлению изменения законодательства, которые, по мнению автора, улучшат ситуацию с нотариатом в целом.*

Ключевые слова: *нотариат, нотариус, внесудебная защита, медиативное соглашение.*

Нотариат является неотделимой частью правовой системы Российской Федерации, который непрерывно идет в развитие и отражает в свойственной ему манере социально-экономические реалии нашего общества. Основной задачей нотариата является обеспечение защиты прав и интересов граждан и организаций.

Права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью в Российской Федерации, а их защита – это обязанность государства. При этом Конституцией Российской Федерации гарантирована государственная (внесудебная) и судебная защита прав и свобод каждого человека. Помимо защиты прав судебными органами Российской Федерации, существуют способы внесудебной защиты, где ведущую роль занимает нотариат. Согласно ч. 1 ст. 1 «Основ законодательства о нотариате» (далее – «Основы»), нотариат «призван обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ, конституциями республик в составе Российской Федерации, Основами законодательства о нотариате защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации». Нотариус выступает субъектом оказания юридической помощи. В соответствии со ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» нотариусы оказывают на безвозмездной основе консультирование по юридическим вопросам граждан, обратившимся за совершением нотариальных действий. Кроме того в некоторых субъектах Российской Федерации при нотариальных палатах открыты центры оказания бесплатной юридической помощи [1, с. 11]. Оказывая помощь такого рода, нотариус снижает риск возникновения спора между гражданами, который в дальнейшем может переместить их участников на поле судебного разбирательства.

Стоит заметить, что нотариат занимает далеко не последнюю роль в сфере судебной защите прав и интересов граждан и организаций, «нотариат и суд находятся в тесной связи», что столь тонко было подмечено Е.А. Борисова [8, с. 111-133]. И вполне в компетенцию нотариуса можно вверить дополнительные полномочия в области бесспорной юрисдикции, а также оказывать содействия гражданам и организациям при реализации их права на судебную защиту. Стоит отметить, что по этому поводу думает Д.Я. Малешин, который, в обеспечении снижения нагрузки на

судей и тем самым ускорению гражданского процесса, предложил нотариату:

1) расширить практику использования исполнительной надписи нотариуса в качестве исполнительного документа для обращения взыскания, что поможет не прибегать к судебной защите;

2) перераспределение компетенции в особом производстве с передачей отдельных дел нотариусу [4, с. 68-69].

Ну и как говорилось выше о том, что нотариат не стоит на месте, и в отношении исполнительной надписи, в случае, когда кредитору необходимо взыскать сумму долга, ему не потребуется терять время в Федеральной службе судебных приставов. На этот случай предусмотрена процедура электронного взаимодействия нотариуса с судебными приставами, который в электронном виде передаст все необходимые документы.

И.П. Политова и В.В. Ралько в качестве одной из важнейших составляющих правозащитных форм деятельности нотариата выделяли предоставление нотариусам «возможности для выбора нотариусом того источника права (нормативный правовой акт, судебный прецедент), который применительно к конкретным общественным отношениям обеспечивает максимальные гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, являющегося субъектом этих отношений» [5, с. 76-80, 6, с. 2-46]. Некоторые авторы, рассуждая о внесудебной защите прав граждан, указывают на выполнение нотариусами функций медиаторов при разрешении правовых споров, поскольку они «ограждают физических и юридических лиц от бюрократических процедур современной судебной системы» [2, с. 170-175], несмотря на то, что законом прямо не предусмотрена возможность нотариусов выступать в качестве посредников, регуляторов при совершении сделки. Стоит согласиться с авторами, так как нотариусы действительно разъясняют какие юридические последствия придется понести гражданам, совершая те или иные действия с их стороны, при этом вырисовывается истинная картина их намерений.

С 25 октября 2019 года согласно ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. От 26.07.2019) медиативное соглашение удостоверенное нотариально будет иметь силу исполнительного документа. Таким образом, сторонам нет необходимости обращаться в суд или третейский суд для принудительного исполнения данного соглашения. При всем потенциале новых законоположений нельзя не обратить внимание на недостаточную их проработку с позиций правоприменения. Одной достаточно серьезной проблемой видится участие в процедуре медиации непрофессионального медиатора, что не дает никаких гарантий в обеспечении эффективной защите прав граждан и организаций во внесудебном порядке [3, с. 30-38]. Таким образом, существует потребность в ограничении круга посредников, принимающих участие при нотариальном удостоверении этого вида договора.

Очевидно, что расширение компетенции нотариуса на сферу судопроизводства по гражданским делам будет иметь положительное значение как для его участников, так и для всего судопроизводства в целом.

Если говорить о том, что может ли заменить нотариус судей в гражданском обороте. Конечно же нет. Но тем самым нельзя приуменьшать их возможности. Нотариат способен существенно облегчить работу судов. У нотариата отведена своя особая роль в развитии гражданского общества, а также в защите прав и законных интересов граждан и организаций.

Библиографический список

1. Виноградова П.А. Правовое регулирование полномочий нотариусов как участников государственной системы бесплатной юридической помощи // Нотариус. – 2013. – №6. – С. 11.
2. Гура Г. М. Участие в альтернативном разрешении правовых конфликтов – новое направление в деятельности органов нотариата // Территория науки. – 2015. – №2. – С. 170-175.
3. Захарьящева И.Ю., Ермаков А.Н. О новых возможностях нотариата в сфере судебной и внесудебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций // Нотариальный вестник. – 2020. – №04-05. – С. 30-38.
4. Малешин Д.Я. Содействие нотариата судебной реформе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. Вып. 1. – С. 68-69.
5. Политова И.П. Роль нотариата в определении соответствия воли и волеизъявления граждан в Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – №9. – С. 76-80.
6. Ралько В. В. Сущность и содержание правовой деятельности нотариата в современных правовых системах и семьях // Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – №6. – С. 2-46.
7. Синцов Г.В. Об особенностях удостоверения подлинности документов, представляемых для совершения нотариального действия // Нотариус. – 2015. – №6. – С. 38-40.
8. Суд и нотариат / Нотариат и суд в России: 150 лет вместе // Под ред. Е.А. Борисовой. – М., 2016. – С. 111-133.

POSSIBILITIES OF A NOTARY IN THE SPHERE OF EXTRAJUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF CITIZENS AND ORGANIZATIONS

A.V. Gorina, *Student*
Supervisor: *I.G. Galikeeva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *The article discusses the possibilities of notaries in an out-of-court mechanism for protecting the rights and interests of citizens and organizations in modern Russia. All of the above is based on the disclosure of the terminology reflected in the current editions of the relevant regulatory legal acts. The article discusses the basics of notaries in Russia, the possibilities of its functioning, directions of improving notarial activities. The assessment of the potential of the notary is given when giving the notary additional powers in the field of undisputed jurisdiction. Recommendations are given on the direction of changing legislation, which, according to the author, will improve the situation with the notary as a whole.*

Keywords: *notary, notary, out-of-court protection, mediation agreement.*

МЕДИАЦИЯ В НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Горина, *студент*
Научный руководитель: *И.Г. Галикеева, канд. юрид. наук, доцент*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11159

Аннотация. *В настоящей статье анализируется роль нотариата в развитии мирного урегулирования споров между сторонами, путем использования процедуры медиации. Перспектива данной процедуры в снижении нагрузки на суды, а также побуждение развития мирного урегулирования конфликтов в различных сферах жизнедеятельности российского общества. Нотариальное удостоверение медиативного соглашения без преувеличения способствует повышению значимости нотариальной деятельности как механизма превентивного правосудия, отвечающего современным потребностям общества.*

Ключевые слова: *нотариат, нотариус, медиатор, медиативное соглашение.*

В урегулировании конфликта между сторонами в цивилизованном обществе во все времена, почти всегда, участвовало третье лицо, целью которого являлось примирить стороны, вне зависимости от содержания спора и его моральной составляющей.

Таким образом, следует оценить по достоинству роль посредничества в нашем обществе. Посредничество предполагает привлечение к разрешению спора третьего, нейтрального лица, к которому предъявляются требования объективности и беспристрасности. Цель посредника – содействовать в заключении сторонами мирового соглашения, и посредничество носит добровольный характер: стороны могут прибегнуть к этой процедуре, а могут и нет.

Одной из разновидностей урегулирования спора путем переговоров является медиация, порядок и условия, которой регулируются Федеральным законом от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон №193-ФЗ). Медиация представляет собой альтернативную форму урегулирования споров. Сам по себе институт медиации не является новшеством, и не столь востребован в качестве урегулирования правовых конфликтов. Но последняя новелла, которая без преувеличения, носит революционный характер. Согласно статье 12 Закона №193-ФЗ в ред. от 26.07.2019 медиативное соглашение, достигнутое сторонами после 25 октября 2019 года в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа. Возможность принудительного исполнения медиативного соглашения, удостоверенного нотариусом, предусмотрена статьей 12 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Определенно видно позитивный эффект, если данная процедура начнет более активно применяться в нашем обществе: повысится значимость нотариальной деятельности, снизится нагрузка на суды. Как и в целом ряде стран появится возможность прямого принудительного исполнения внесудебных соглашений, заключенных по итогам медиации.

При проведении процедуры медиации привлекается незаинтересованное, нейтральное лицо, которое собирает сведения у каждой стороны конфликта, в результате чего появляется четкая картина спора. Это позволяет ему увидеть и предложить варианты решения проблемы, которые не всегда очевидны для спорящих сторон. Медиатор помогает им прийти к соглашению и оформить его документально. Нотариальное удостоверение придает ему юриди-

ческую силу. В этом и заключается ценность медиации.

Для укрепления позиций медиации в российском праве стоит наделить нотариуса правом выступать в качестве медиатора. В настоящее время в силу ст. 6 Основ законодательства о нотариате [8] нотариус не вправе заниматься никакой иной деятельностью, кроме нотариальной, научной и преподавательской. Такая правовая регламентация, исключает посредническую деятельность нотариуса по урегулированию спора между сторонами.

Хотелось бы отметить, что именно нотариусы максимально отвечают требованиям, которые предъявляются к медиатору. Более того, при совершении нотариальных действий они регулярно используют медиативные практики, поскольку разногласия между супругами, наследниками скорее являются нормой, чем исключением из правил. Нотариус при юридической помощи гражданам, путем консультирования, способствует тому, чтобы конфликтующие стороны пришли к компромиссу. Зачастую, они понимают, что решение суда, не сможет удовлетворить их интересы. Сторонам значительно важнее прийти к консенсусу по поводу предмета спора [5, с. 27-35]. А также судебные тяжбы могут затянуться на долгое время, так и не удовлетворив интересы ни одной из сторон.

Нотариусы в этом случае должны иметь такие же полномочия и компетенцию, как и другие медиаторы. В связи с этим в соответствующей главе Закона №193-ФЗ лицо, проводившее медиацию в сфере нотариальной деятельности, должно быть обозначено не нотариусом, а медиатором, которым может быть в т.ч. и нотариус. Медиатора стороны могут выбрать из всех действующих частных медиаторов. При этом нотариус не должен быть в обязательном порядке медиатором. В том случае, когда стороны согласны на проведение процедуры медиации, у них есть выбор обратиться к нотариусу, который имеет право заниматься медиацией, либо к любому по их выбору медиатору.

Нотариальная деятельность по своей сути близка к деятельности медиатора, так как принципы и такие характерные для медиации и медиатора черты, как соблюдение абсолютного нейтралитета и беспристрастности, независимость от других лиц, повышенная ответственность за свои действия и многие другие. По меткому выражению М.И. Сазоновой, «нотариус – медиатор на генном уровне. Ведь он, представляя интересы сторон, выступает примирителем при удостоверении всевозможного рода соглашений, договоров» [6, с. 19]; его миссия в том, чтобы «согласовать изначально не совпадающие интересы разных сторон одного и того же правоотношения» [4, с. 15], предупреждая тем самым гражданско-правовые споры.

Зарубежный опыт показывает, что во многих странах прогрессирует развития участия нотариуса в медиации (Австрия, Германия, Нидерланды, Республика Беларусь и др.). Являясь активным участником процедур медиации, нотариус эффективно заменяет собой судебные органы в целом ряде вопросов, делает указанную процедуру более доступной для граждан и юридических лиц [2, с. 4-11].

Представляется, что это реальный механизм урегулирования спора, та нить примирения между сторонами, которая под воздействием медиативных навыков нотариуса могла бы окрепнуть и привести стороны к добровольному урегулированию спора. Более того правовой статус нотариуса, который независим и беспрестрастен в своей работе, и чья профессиональная ответственность в полной мере гарантирована системой страхования, в достаточной мере соответствует характеру медиативной процедуры.

Библиографический список

1. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. – М.: Духовное познание, 2018. – 256 с.

2. Джуринская Е.А. Медиация в нотариальной деятельности: вектор развития. // Нотариальный вестник. – 2019. – №03. – С. 4-11.

3. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 273 с.
4. Костылева Н.В. Кем должен быть нотариус? // Нотариус. – 2018. – №4. – С. 15-17.
5. Куропацкая Е.Г. Нотариальная деятельность в досудебном и внесудебном порядке урегулирования правовых конфликтов // Нотариальный вестник. – 2020. – №01. – С. 27-35.
6. «Нотариус – это светский священник»: интервью с М.И. Сазоновой // Медиация и право. – 2020. – №2. – С. 18-19.
7. Радько В.В. Медиация. Сущность и технология // Нотариальный вестник. – 2019. – №1. – С. 25-27.
8. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020).

MEDIATION IN NOTARIAL ACTIVITIES

A.V. Gorina, *Student*
Supervisor: *I.G. Galikeeva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *This article analyzes the role of notaries in the development of the peaceful settlement of disputes between the parties, through the use of mediation procedures. The prospect of this procedure is to reduce the burden on the courts, as well as to encourage the development of a peaceful settlement of conflicts in various spheres of the life of Russian society. Without exaggeration, notarization of a mediation agreement contributes to increasing the importance of notarial activity as a mechanism of preventive justice that meets the modern needs of society.*
Keywords: *notary, notary, mediator, mediation agreement.*

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА

А.И. Гречухин, *студент*
Научный руководитель: *Г.А. Могилевский, канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Новосибирск)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11160

Аннотация. *Статья посвящена раскрытию исторического аспекта принципа состязательности гражданского судопроизводства – с анализа положений о состязательности в гражданском процессе Судебной реформы, проведенной в Российской империи в 1864 г. до действующих процессуальных норм в современном российском гражданском процессуальном законодательстве. Наряду с изложением в публикации теоретических положений известных российских процессуалистов по данной проблеме анализируются примеры правоприменительной (судебной) практики.*

Ключевые слова: *состязательность гражданского судопроизводства, состязательный процесс, судебная реформа, правоприменительная (судебная) практика.*

Раскрывая исторический аспект принципа состязательности при осуществлении правосудия по гражданским делам необходимо обратиться к краткому анализу Судебной реформа 1864 года в Российской империи, которая в результате превратила инквизиционное гражданское производство России в состязательное. Примечательно, что это было не просто введение состязательной системы, а реальный сдвиг в сторону новой системы судопроизводства, учитывая, что состязательность как система судопроизводства гораздо шире состязательности как процессуального принципа. Состязательность, как система судопроизводства, основывается на ряде принципов: устное судопроизводство вместо письменного, публичное судопроизводство вместо тайного, состязательность вместо инквизиции. В отличие от инквизиционного производства, состязательное производство предполагает, что стороны представлены в суде и действуют активно, а суд играет пассивную роль в сборе и исследовании доказательств.

Основными чертами судебной реформы 1864 года принято считать: отделение судебной власти от законодательной и административной, обретение судьями независимого статуса, введение состязательной системы, превращение судопроизводства в устное и публичное, процедура обжалования меняется.

Судебная реформа 1864 года установила важное правило состязательного судопроизводства «суд не рассматривает дела без заявления заинтересованной стороны». Таким образом, производство возбуждается и развивается по инициативе частных лиц, а не суда. В современном процессуальном праве указанная норма обычно связана с принципом диспозитивности действий. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее АПК РФ) и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее ГПК РФ) 2002 года во всех отношениях придерживаются принципа диспозитивности, поскольку как гражданское, так и арбитражное судопроизводство начинается только после подачи искового заявления. Кроме того, стороны должны не только начать разбирательство, но и инициировать другие действия. Например, суд может вынести постановление о раскрытии дела только после рассмотрения и удовлетворения соответствующего ходатайства стороны. Анализируя понятие гражданского процесса, Е.А. Нефедьев отмечает, что по мере развития законодательства оно стремится к уменьшению полномочий суда. Цель должна быть достигнута путем оказания как можно меньшего прямого

давления на участников процесса. «Прямое принуждение к совершению определенных действий заменяется перечисленными в законе неблагоприятными последствиями, с которыми могут столкнуться тяжущиеся стороны, если они не предпримут таких действий».

Иными словами, более 100 лет назад Е. Нефедьев указал на важнейшую особенность подхода законодателей к отражению состязательной системы: суд не принуждает участников процесса к совершению конкретных действий, но их невыполнение влечет для сторон негативные последствия, которые установлены законом. В современном судопроизводстве это понятие отражено в понятии процессуального риска: «стороны судопроизводства несут риск последствий, которые наступают, если такие стороны совершают или не совершают процессуальные действия». Таким образом, процессуальный риск является естественной составляющей принципа состязательности. Теория процессуального риска исходит из того, что при выборе способа своего поведения сторона, обладающая правами и обязанностями, действует самостоятельно, принимает на себя риски, связанные с такими действиями, и может столкнуться с негативными последствиями. Главным негативным последствием является то, что сторона проигрывает дело или не достигает определенной промежуточной процессуальной цели [4].

Гражданский процессуальный кодекс РФ отражает одну из ситуаций возникновения процессуального риска следующим образом: «при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым» (п. 3 ст. 79 ГПК РФ) [1].

В результате судебной реформы 1864 года суд не может выходить за рамки требований сторон. То же самое положение действует и сегодня; суды очень редко выходят за рамки требований сторон. Тем не менее, это может иметь место, особенно когда суд должен определить надлежащий метод защиты нарушенных прав.

Лучший пример – подача заявления в Арбитражный суд об оспаривании действия (бездействия) территориального органа регистрационной службы (Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Росреестр). При рассмотрении дела арбитражный суд устанавливает наличие спора об определенном праве и приступает к его рассмотрению в соответствии с правилами искового производства. Это обычная практика в арбитражных судах. Иными словами, Арбитражный суд становится инициативным и выходит за рамки требований истца [2].

Суды общей юрисдикции избрали иной путь, если заявление подано в суд и установлено, что имеется спор об определенном праве, который суд правомочен рассматривать, судья откладывает рассмотрение заявления и разъясняет истцу, что необходимо подать исковое заявление на основании положений статей 131 и 132 ГПК РФ. Если это приводит к нарушению пределов подсудности суда, судья передает это дело в другой суд (п. 3 ст. 33 ГПК РФ).

В момент подачи заявления не всегда можно определить характер спора. Если впоследствии будет установлено, что дело о публично-правовых отношениях фактически является спором об определенном праве, то Верховный Суд РФ на своем пленарном заседании (в предыдущем проекте документа) рекомендовал применять по аналогии норму, регулирующую аналогичные отношения в особом производстве: «Если заявление подано или дело рассматривается по правилам особого производства, а также установлено, что имеется спор об определенном праве, который суд правомочен рассматривать, суд выносит определение, в котором отказывает в рассмотрении заявления и разъясняет истцу и другим заинтересованным лицам, что они вправе разрешить спор в порядке искового производства» (п. 3 ст. 263 ГПК РФ). В настоящее время данное положение опре-

деления Пленума Верховного Суда РФ отменено.

В приведенной выше ситуации мы видим определенную степень конкуренции между состязательностью производства (которая ограничивает право суда выходить за рамки предъявленных требований) и проактивностью суда в интересах процессуальной экономии. При этом права и законные интересы сторон не ущемляются, если обе стороны информированы о том, что суд намерен рассмотреть дело в соответствии с правилами искового производства. Если суд информирует об этом стороны, то стороны могут затем выбрать, как действовать дальше. Таким образом, истец может отозвать свое требование и производство по делу будет прекращено, либо может согласиться с судом и довести дело до конца. Путь, избранный арбитражными судами и судами общей юрисдикции, направлен на разрешение правовых коллизий, причем проактивность суда преобладает над состязательностью.

Еще одной особенностью состязательного судопроизводства XIX века является то, что суду не приходится искать и учитывать факты и доказательства, которые не были представлены суду сторонами. Нетрудно понять, что это положение касается исключительно фактов, то есть процесса доказывания, но не касается правовых норм. В то же время суд может задавать сторонам и свидетелям вопросы, указывать на отсутствие доказательств существенных фактов по делу, а также предложить сторонам предоставить недостающие доказательства, если они пожелают это сделать (статья 368 Хартии гражданского судопроизводства 1864 года).

Аналогичное правило включено в современные процессуальные кодексы. Например, п. 1 ст. 57 ГПК РФ гласит: «Суд имеет право предложить сторонам процесса представить дополнительные доказательства, необходимые для установления фактов, необходимых для правильного разрешения дела и обеспечения того, что судебное решение является законным и надлежащим образом обоснованным. Такие доказательства должны быть представлены до начала судебного заседания или в срок, установленный судом». Аналогичное положение есть в АПК РФ (п. 2 ст. 66).

Еще в 1995 году суд общей юрисдикции был «отстранен» от процесса сбора доказательств (в результате внесения изменений в ГПК РФ), а в 2002 году аналогичная норма была включена в новый ГПК РФ и УПК РФ. В настоящее время суд просто помогает сторонам в процессе сбора необходимых доказательств, если они подают надлежащим образом обоснованные ходатайства. Однако в процессуальном праве имеются некоторые отклонения от этого принципа. Например, в отличие от положения, закрепленного в законах, регулирующих судопроизводство в арбитражных судах, в гражданском судопроизводстве суд сохранил за собой право привлекать эксперта по своему усмотрению (ст. 79 ГПК РФ).

Следует сказать, что отечественное процессуальное законодательство еще 1960-х годов не препятствовало состязательности в судопроизводстве. Однако из-за отсутствия профессиональных представителей и применения принципа проактивности в советское время суд (хотел он того или нет) должен был быть достаточно инициативным, чтобы проводить «расследование» по гражданскому делу. В настоящее время, несмотря на то, что процедура рассмотрения гражданских дел практически не изменилась, суд все реже вмешиваются в рассмотрение доказательств и позволяют это делать сторонам [6].

Следует отметить, что условия, на которых стороны должны состязаться в ходе судебного разбирательства, устанавливаются на досудебной стадии, которая также стала состязательной (оглашение доказательств, участие в предварительном слушании и т.д.). Однако конкуренция между сторонами становится реальной только тогда, когда в ней участвуют профессиональные представители. Как раз таки изменения 2019 в ГПК и АПК РФ позволили придать значения представительству в суде. Теперь, по общему правилу, только лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридиче-

ской специальности могут быть представителями.

Цель стандарта доказывания не состоит в установлении истины. Скорее, это определенная мера оценки того, успешно ли стороны выполнили свое бремя доказывания. Российским судам довольно сложно перейти на состязательный стандарт доказывания, дух объективной истины все еще присутствует. Это по-прежнему имеет место, несмотря на то, что основания для отмены судебных решений в апелляционном и кассационном производстве, а также объем полномочий суда и участников процесса основаны на том, что если сторона выполняет свое бремя доказывания и ей удается убедить суд в своей правоте, то такая сторона считается «выигравшей» дело. Примечательно, что особенности состязательного судопроизводства, введенные в 1864 году и отмеченные российскими специалистами по процессуальному праву К. Малышевым и Е. Нефедьевым в конце XIX – начале XX века, совпадают с новациями, введенными в современное российское судопроизводство [3].

Резюмируя изложенное, стоит отметить, что проводимая в современных условиях реформа процессуального законодательства России не просто копирует реформу 1864 года, а вбирает в себя опыт, накопленный в ходе развития как российского судопроизводства. Отличительной чертой нынешней реформы отечественного гражданского судопроизводства является не только применение в современных условиях положительного опыта прошлого, но и поиск, и внедрение различных процессуальных новелл: форм внесудебного урегулирования споров, примирения сторон, процедуры судебной медиации и других.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №30. ст. 3012.

3. Гражданский процесс. Хрестоматия: учеб. пособие / под ред. проф. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2015. – С. 207-208.

4. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. – 403 с.

5. Домнина О.В. Принцип состязательности в регулировании гражданского судопроизводства // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2015. – №3 (15). – С. 207-213.

6. Петракова С.А. Эволюция принципа состязательности (на примере гражданского процессуального права) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – №3 (Т. 1). С. 34-40.

THE PRINCIPLE OF COMPETITIVE CIVIL PROCEEDINGS OF RUSSIA: HISTORICAL ASPECT AND MODERN INTERPRETATION

A.I. Grechukhin, *Student*
Supervisor: *G.A. Mogilevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Siberian State Transport University
(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The article is devoted to the disclosure of the historical aspect of the principle of adversarial civil proceedings – from the analysis of the provisions on adversarial in the civil process of Judicial Reform, carried out in the Russian Empire in 1864 to the existing procedural rules in modern Russian civil procedure law. In addition to the presentation in the publication of the theoretical provisions of well-known Russian proceduralists on this issue, examples of law enforcement (judicial) practice are analyzed.*

Keywords*: adversarial civil procedural law, adversarial process, judicial reform in the Russian Federation, judicial practice abstract.*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕКЛАМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Л.Ш. Гумерова, *канд. юрид. наук, доцент*
Р.А. Габдрахманова, *магистрант*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11161

Аннотация. *В данной статье рассматриваются такие понятия, как «административная ответственность», «гражданская ответственность» за нарушение законодательства о рекламе, даны их определения и разобраны проблемы правоприменения. В работе изучена роль и значение административной ответственности в системе мер ответственности за нарушение российского рекламного законодательства. Автором анализируются нормативно-правовые акты, приводятся позиции ученых-правоведов и практикующих юристов.*

Ключевые слова: *реклама, рекламное законодательство, юридическая ответственность, административная ответственность, гражданская ответственность.*

В теории государства и права под юридической ответственностью понимается обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом, за совершенное правонарушение.

В.И. Червонюк отмечает, что юридическая ответственность, являясь специально-юридическим средством реализации охранительной функции, имеет основной целью – охрану существующего правопорядка, защиту господствующей системы ценностей [1].

За нарушение рекламного законодательства Российской Федерации введена административная и гражданско-правовая ответственность.

Так, административная ответственность за нарушение законодательства о рекламе – это обязанность субъектов права претерпевать обременение личного и материального характера (административного наказания) за совершение административных правонарушений посредством применения его субъектом административной юрисдикции (судом или иным компетентным органом) в особом процессуальном порядке.

Составы административных правонарушений устанавливаются статьями 5.9 «Нарушение в ходе избирательной компании условий рекламы предпринимательской и иной деятельности», 6.13 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров и т.д.». и 14.3 «Нарушение законодательства о рекламе» Кодекса Российской Федерации об административных нарушений [2].

Объективная сторона ст. 14.3 «Нарушение законодательства о рекламе» КоАП РФ выражается в действиях или бездействии, нарушающих законодательства о рекламе.

Объектом правонарушения являются общественные отношения, связанные с осуществлением государственной политики в сфере рекламной деятельности.

Субъектами правонарушения являются как физические, так и юридические лица, обладающие административной деликтоспособностью, т.е. способностью нести административную ответственность за совершенное правонарушение. Административная деликтоспособность физического лица зависит от двух факторов: возраста (административной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения правонарушения возраста шестнадцати лет) и вменяемости.

С субъективной стороны административные правонарушения в сфере рекламы могут характеризоваться как умышленной

формой вины, так и неосторожностью[3]. Как отмечает Л.В.Белова, «вина юридического лица за совершение административного правонарушения коррелируется с наличием признаков умышленного или неосторожного деяния в действиях или бездействии его должностных лиц» [4].

Дела об административных нарушениях российского законодательства о рекламе рассматриваются федеральным антимонопольным органом и его территориальными органами, это закреплено ст. 23.48 КоАП РФ. В статье перечислены должностные лица, которые вправе рассматривать дела об административных правонарушениях от лица уполномоченного государственного органа – это руководители федерального антимонопольного органа и его заместители, руководители структурных подразделений и их заместители, руководители территориальных органов федерального антимонопольного органа и их заместители.

Наказанием за совершение административного правонарушения является штраф от двух тысяч до пятисот тысяч рублей в зависимости от субъекта правонарушения.

По правилам ст. 6.13 КоАП «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров и т.д.» наряду с административным штрафом возможно применение дополнительного наказания в виде конфискации продукции и оборудования, используемого для изготовления и распространения рекламы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Как следует из анализа правоприменительной практики, административный штраф не выполняет в полной мере карательную функцию, выражающуюся в неблагоприятных последствиях морального и имущественного характера для правонарушителя, и превентивную функцию, направленную на предупреждение совершения другими лицами новых правонарушений.

Размеры административного штрафа, по мнению И.Ю. Кулишовой, малы по сравнению с тем вредом, который наносит ненадлежащая реклама честной конкуренции, законной предпринимательской деятельности, рыночным отношениям, потребителям рекламы, государству и обществу в целом [5].

О.В. Сушкова отмечает, что большинство компаний принимают риски и заранее готовы к правовым последствиям в виде штрафа, при этом запускают ненадлежащую рекламу, которая принесет компании гораздо большую прибыль, даже путем обмана потребителей [6].

В качестве примера приведем рекламные кампании ресторанов быстрого питания BURGER KING® Russia, практически каждая из которых вызывает интерес антимонопольного органа. Можно предположить, что ресторан специально делает провокационную рекламу, переходящую морально-этическую границу с тем, чтобы создать новый обсуждаемый информационный повод, тем самым обратить на себе внимание и увеличить продажи [7].

ФАС России неоднократно возбуждала административные дела в отношении Burger King из-за неоднозначных рекламных слоганов [8]. Однако ресторан быстрого питания выплачивал установленный за нарушение рекламного законодательства штраф и продолжал свою деятельность далее.

Решение данной проблемы О.В. Сушкова видит в усилении административного наказания. Мы согласны с данной точкой зрения. Это позволит снизить уровень распространения ненадлежащей рекламы недобросовестными субъектами рыночных отношений.

Гражданско-правовая ответственность заключается в применении к правонарушителю в интересах другого лица – кредитора, установленных договором или законом мер воздействия, влекущих для него невыгодные последствия имущественного характера, возмещение убытков, уплату неустойки, возмещение вреда.

Гражданско-правовая ответственность за правонарушения в сфере рекламы основана как на нормах о деликтных обязательствах гражданского права, так и на собственно законодательстве о рекламе. Согласно Федеральному закону «О рекламе» [9] нарушение физическими или юридическими лицами российского законода-

тельства о рекламе влечет за собой ответственность в соответствии с гражданским законодательством.

Лица, чьи права и интересы которых нарушены в результате распространения ненадлежащей рекламы, вправе обращаться в суд, в том числе с исками о возмещении убытков, включая упущенную выгоду, о возмещении вреда, причиненного здоровью физических лиц и (или) имуществу физических или юридических лиц, о компенсации морального вреда и др.

Отметим тот факт, что лицу, обращаясь в суд с исками о возмещении убытков, необходимо представить доказательства, свидетельствующие о наличии конкретных отрицательных последствий от размещения спорной рекламы для своей экономической деятельности.

Федеральный закон «О рекламе» допускает возможность применения к нарушителям иных мер ответственности, нежели административные или гражданско-правовые. В соответствии с его ч. 5 ст. 38: «федеральными законами за умышленное нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе могут быть установлены иные меры ответственности».

Мнения ученых-правоведов в отношении толкования данной статьи разделились. Часть ученых полагает, что к таким «законным» мерам можно отнести уголовные [10]. Например, если в случае обнаружения признаков преступления в ходе распространения рекламы дело может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что специальных составов о рекламе действующее уголовное законодательство не содержит.

Так, предусмотрена уголовная ответственность за ряд умышленных правонарушений в сфере рекламной деятельности, таких как:

– «Незаконные изготовления и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях рекламирования или рекламирование порнографических материалов или предметов» (ч. 1 ст. 242 Уголовного кодекса Российской Федерации [11]);

– «Рекламирование порнографических материалов среди несовершеннолетних» (ч. 2 ст. 242 УК РФ);

– «Изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях рекламирования или рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» (ч. 1 ст. 242.1 УК РФ).

Однако существует и иное мнение, согласно которому «данная норма не имеет юридической силы, поскольку уголовная ответственность за умышленное нарушение законодательства о рекламе Уголовным кодексом не установлена». Введение в Федеральный закон «О рекламе» такой нормы подразумевает возможность установления уголовной ответственности за умышленное нарушение законодательства Российской Федерации, но не более.

Ранее в России действовала ст. 182 УК РФ, которая предусматривала уголовную ответственность за использование в рекламе заведомо ложной информации относительно товаров, работ или услуг, а также их изготовителей (исполнителей, продавцов), совершенное из корыстной заинтересованности и причинившее значительный ущерб. Однако Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. указанные деяния были декриминализированы [13].

За совершение преступления был предусмотрен штраф в размере от 200 до 500 минимальных размеров оплаты труда либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев, либо обязательные работы на срок от 80 до 240 часов, либо арест на срок от двух до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет, в зависимости от тяжести последствий, причиненных заведомо ложной рекламой. Важно отметить, что уголовное наказание за заведомо ложную рекламу применялось в тех случаях, когда такая реклама вызвала для потребителя значительный материальный ущерб. Во всех остальных случаях за заведомо ложную рекламу предусмотрена административная ответственность в виде административного штрафа.

По мнению А.В. Карягиной, декриминализация данного уголовного наказуемого деяния привела к тому, «что противоправные, социально вредные деяния остались без должной реакции со стороны государства и тем самым оказались без должной защиты в экономической сфере важнейшие конституционные права личности и основополагающие принципы конституционного строя» [14]. Автор аргументирует это тем, что в практике меры имущественного характера, применяемые к правонарушителю, могут оказаться не столь эффективными, поскольку помимо крупных фирм, обладающих достаточным имуществом, чтобы отвечать по своим обязательствам, есть также индивидуальные предприниматели и фирмы-однодневки, которые часто не имеют имущества, на которое возможно было бы обратить взыскание.

Мы поддерживаем точку зрения автора о том, что такая мера ответственности как штраф может быть не всегда действенна по отношению к субъектам рекламной деятельности и предлагаем для более эффективного противодействия ненадлежащей рекламы ввести санкцию в виде административного приостановления деятельности для юридических лиц за неоднократное распространение рекламы, противоречащей законодательству Российской Федерации.

Для упорядочивания общественных отношений в сфере рекламы в российском законодательстве сложилась определенная система норм. Применение юридической ответственности за нарушение данных норм является составляющей механизма правового регулирования общественных отношений. Поэтому наказание должно быть соразмерным тяжести и последствиям правонарушению и справедливым, как для потерпевшей стороны, так и для общества в целом.

Библиографический список

1. Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 565 с.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 504-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.09.2020).

3. Комментарий к Федеральному закону от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ «О рекламе» / Пешкова (Белогорцева) Х.В., Баранов И.В., Губенко А.В., Макаров О.В., Ротко С.В., Страунинг Э.Л., Тимошенко Д.А., Котухов С.А. // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Белова Л.В. Вина юридического лица по административному праву // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Кулешова И.Ю. Некоторые аспекты административно-правового регулирования противодействия ненадлежащей рекламе // Административное право и процесс. – 2017. – № 2. – С. 11.

6. Сушкова О.В. Конкурентные механизмы оборота фармацевтических изделий и биотехнологий в предпринимательской деятельности // Конкурентное право. – 2019. – №2. – С. 17.

7. Король-хулиган: как эпатаж помогает бизнесу Burger King в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/magazine/2018/12/5bf2ef5 39a7947ed57b392e7/ (дата обращения: 01.09.2020).

8. Постановление Федеральной антимонопольной службы от 6 ноября 2018 г. по делу № 4-14.3-16-94/00-08-18 // База решений и правовых актов. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://br.fas.gov.ru/cases/6a5d5 e53-8f6c-4855-a9be-d21bd70a57e4/ (дата обращения: 10.02.2020).

9. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (с посл. изм. и доп. от 2 августа 2019 г. №259-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. –

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov. ru/ (дата обращения: 01.09.2020).

10. Спектор Е.И. Комментарий к Федеральному закону «О рекламе» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант».

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. №260-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.09.2020).

12. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе» / Бадалов Д.С., Василенкова И.И., Карташов Н.Н., Котов С.Ф., Нитина Т.Е. // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант».

13. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.09.2020).

14. Карягина А.В. Законодательное регулирование рекламной деятельности в российском государственно-правовом пространстве: вопросы юридической ответственности. – [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант».

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF ADVERTISING LEGISLATION

L. Sh. Gumerova, *Candidate of Legal Sciences, Associate Profess*
R.A. Gabdrakhmanova, *Graduate Student*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *This article examines concepts such as "administrative responsibility", "civil liability" for violation of advertising legislation, gives their definitions and analyzes the problems of law enforcement. The paper studies the role and importance of administrative responsibility in the system of measures of responsibility for violation of Russian advertising legislation. The author analyzes the normative legal acts, provides the positions of legal scholars and practicing lawyers.*

Keywords: *advertising, advertising legislation, legal responsibility, administrative responsibility, civil responsibility.*

МЕСТО МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Гусарова, *студент*
Научный руководитель: *А.В. Сидорова, старший преподаватель*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11162

Аннотация. *В статье исследуется вопрос определения подхода к понимаю понятия и места международного частного права в системе права Российской Федерации. Рассматриваются различные точки зрения, относительно формирования данной отрасли права и ее содержания. Актуальность указанного вопроса состоит в обширном применении отрасли международного частного права и взаимодействии ее с иными правовыми категориями российского права. Главная проблема, которая все ещё не была решена учеными, состоит в выделении международного частного права в отдельную отрасль национального права, что впоследствии приведёт к совершенствованию российского законодательства и формированию наиболее обширного механизма правового регулирования.*

Ключевые слова*: международное частное право, иностранные элементы, государство, публичное право, отрасль права.*

Научное исследование международного частного права – его понятия, нормы и методы правового регулирования имеет огромное значение для всех отраслей права в государстве. В первую очередь, проблема определения данной сферы правоотношений состоит в определении терминов правовой категории. Однако следует отметить, что указанный вопрос имеет приоритетное значение, потому как в настоящее время происходит объединение международных сегментов в сфере экономики и технологии. Вследствие этого, а также в связи с разветвлением механизма и структуры правовых отношений, разрешение проблемы определения международного частного права в правовой системе Российской Федерации является необходимым.

Охарактеризовав каждый из терминов данной дисциплины, можно определить, что эта категория правоотношений включает обязательное наличие иностранного элемента, частный характер регулируемых отношений и подразумевает в своем воплощении систему обязательных юридических норм. Исходя из этой позиции, можно утверждать, что сочетание понятий, которые характеризуют данную сферу правоотношений определяют ее как смешение противоположных элементов, так как благодаря этой отрасли происходит взаимодействие между субъектами внутреннего (национального) права, но имеют международный характер, а следовательно их координирование и урегулирование предопределено международными нормами права [2].

Главное значение международного частного права, которое было дано ведущими юристами, состоит в том, чтобы преобразовать и реализовать применение правового поля иностранного государства на территории национального государства. Это объясняется тем, что при разрешении дел, где субъектами выступают внешние (иностранные) элементы или связанные с иностранными государствами следует предпринимать особый порядок координации правоотношений [3].

Именно на основании вышесказанного вопрос определения международного частного права является дискуссионным и имеет множество подходов. Ведущий лагерь ученых предопределяет международное частное право как составной элемент международного права, которое взаимодействует с публичным правом и является равнозначным и самодостаточным по структуре своего образования.

Кроме того, существует и иная точка зрения, согласно которой международное частное право предопределяется как комплекс правовых направлений, взаимодействующих как симбиозы с внутригосударственным и международным публичным правом. В противовес этому подходу, существовало мнение, что международное частное право – это искусственно выведенное правовое образование, которое не имеет ядра системы, а состоит из заимствованных алгоритмов и частей иных институтов права.

На данный момент, наиболее популярной и приемлемой следует считать такую позицию определения места международного частного права, как выделение этой отрасли правоотношений в отдельную, самостоятельную и независимую правовую ветвь в системе национальных отраслей права. На основании последней вышеупомянутой точки зрения – международное частное право представляет собой отрасль национального права, согласно которой государство самостоятельно формирует и принимает нормы, которые впоследствии будут регулировать позицию выбора правовой системы при обстоятельствах, когда гражданские отношения взаимодействуют с международными элементами и имеют международный характер. При этом коллизионные нормы, которые априори встречаются при возникновении спора, связанного с международным частным правом, будут разрешаться в Российской Федерации при использовании национального законодательства, то есть присутствует приоритетность государственных коллизионных норм, а также следует учесть и факт заключения международных договоров [1]. Благодаря их заключению и достижению компромисса возникает паритетность норм и разрешение вопросов, связанных с иностранными элементами, в большей степени упрощаются.

В заключение, хотелось бы сказать о том, что международное частное право занимает важное место в структуре регулирования правоотношений. Оно представляет собой систему юридических норм, которые направлены на регулирование международных частноправовых отношений, имеющих отличительную черту - иностранный элемент. Вопрос определения места и понятия данной дисциплины все еще остается открытым, однако возможно выделить актуальную на данный момент теорию полисистемности. Она подразумевает многофункциональное ядро и систему, которые тесно взаимодействуют с национальным правом, однако регулируют отношения внешнего характера. Таким образом, следует говорить о том, что международное частное право в Российской Федерации еще не сформировалось в полной мере, а его преобразование зависит от развития международных отношений.

Библиографический список

1. Бахин С.В., Игнатьев А.С. Международные договоры: коллизионное измерение // Закон. – 2020. – № 6. – С. 34-44.

2. Международное частное право. Постатейный комментарий раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2010.

3. Яловега В.Н. Международное частное право в системе российского права // Вестник ВЭГУ. – 2012. – №3 (59). – С. 86-90.

THE PLACE OF INTERNATIONAL PRIVATE LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.A. Gusarova, *Student*
Supervisor: *A.V. Sidorova, Senior Lecturer*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The article examines the issue of determining the approach to understanding the concept and place of private international law in the legal system of the Russian Federation. Various points of view regarding the formation of this branch of law and its content are considered. The relevance of this issue lies in the extensive application of the branch of private international law and its interaction with other legal categories of Russian law. The main problem, which has not yet been solved by scientists, is the separation of private international law into a separate branch of national law, which will subsequently lead to the improvement of Russian legislation and the formation of the most extensive mechanism of legal regulation.*

Keywords: *private international law, foreign elements, state, public law, branch of law.*

СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОД УСТУПКУ ДЕНЕЖНОГО ТРЕБОВАНИЯ

Д.К. Досумбетов, *аспирант*
Центр политологических исследований и экспертиз, Национальной академии наук Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11163

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа договора финансирования под уступку денежного требования. На основе анализа доктринальных положений и норм Гражданского кодекса КР автором выявляются сущностные черты рассматриваемого договора. В частности, определяется целевая направленность договора, позволяющая относить его к группе договоров о передаче имущества в собственность, отстаивается позиция о коммутативности договора.*

Ключевые слова: *договор финансирования под уступку денежного требования; факторинг; реальный и консенсуальный характер договора; коммутативный и алеаторный договоры.*

В настоящее время в связи с развитием хозяйственных связей и повышением конкуренции возросла роль договора финансирования под уступку денежного требования, оформляющего экономические отношения факторинга. Факторинг способствует оборачиваемости денежных средств и развитию производства, обеспечению ритмичности сбыта продукции. Факторинг неслучайно называют «финансированием последней надежды», поскольку договорная практика показывает, что к данному инструменту прибегают, когда другие варианты пополнить оборотные средства не подходят либо невозможны в силу ряда причин, в том числе в связи с отказом банков предоставить кредит.

Развитию отношений из договора финансирования под уступку денежного требования способствуют измененные правила игры на рынке, выдвигающем требования коммерческого кредитования. Одной из основных проблем, препятствующих развитию данного института, является недостаточное понимание сущности факторинговых операций, их эффективности и выгодности.

Факторинг нередко путают с кредитованием. Это объясняется тем, что сегодня на рынке наибольшее развитие получил факторинг с правом регресса (в экономической среде понимаемый как классический), когда с клиента не снимается риск неплатежей его кредиторов. Данный вид факторинга трудно отличить от кредитования под залог дебиторской задолженности.

Для понимания сути договора финансирования под уступку денежного требования необходимо рассмотреть его основные правовые характеристики. В первую очередь необходимо определиться с терминологией. В актах налоговых органов, в научной литературе и сфере предпринимательской деятельности договор финансирования под уступку денежного требования нередко воспринимается как аналог зарубежного факторинга [1, с. 23].

Между тем кыргызское законодательство не содержит такого понятия, как «факторинг», поэтому его определение и соотношение с договором финансирования под уступку денежного требования представляет научный интерес. В юридической литературе по поводу соотношения факторинга с договором финансирования под уступку денежного требования сложились две позиции. Часть исследователей придерживаются позиции отождествления этих понятий [2, с. 20; 9, с. 445; 10, с. 70], по мнению других авторов, договор факторинга является частным случаем финансирования под уступку денежного требования.

Первая позиция представляется более убедительной. Таким образом, между договором собственно факторинга и договором финансирования под уступку денежного требования существуют родовидовые отношения. При этом, как справедливо замечает Д.Г. Алексеева, в предпринимательской деятельности применяется не столько достаточно урегулированное.

Другого мнения придерживается Е.А. Павлодский. Он считает, что договор финансирования под уступку денежного требования является только консенсуальным, то есть вступает в силу с момента его подписания независимо от того, в какой момент сторонами исполняются договорные обязательства [2, с. 21].

Расхождения в понимании характера договора во многом определяются, на наш взгляд, родовым характером отношений финансирования под уступку денежного требования к целому ряду видовых отношений, предполагающих различный комплекс обязанностей сторон. Далее, в договоре финансирования под уступку денежного требования обычно имеет место взаимное встречное предоставление: финансовый агент передает или обязуется передать денежные средства, а клиент уступает или обязуется уступить денежное требование, т.е. договор выступает двусторонне обязывающим. Однако данное определение применимо лишь к договору, имеющему консенсуальный характер. В реальном договоре финансирования под уступку денежного требования имеет место одностороннее обязывание, поскольку в таком договоре передача денежных средств (либо уступка денежных требований) является не обязанностью финансирующей стороны, а действием, с которым связано вступление в силу договора. Так как участвующие в договоре лица являются хозяйствующими субъектами, то предполагается возмездный характер их отношений в предпринимательском обороте. Однако в литературе встречается и иная точка зрения, согласно которой договор финансирования под уступку денежного требования нельзя считать двусторонне обязывающим и в силу этого возмездным.

Так, анализируя конструкцию реального договора финансирования под уступку денежного требования, Е.Е. Шевченко пишет: «Однако в данном случае, на наш взгляд, имеет место узкая интерпретация легальной дефиниции возмездного договора. Полагаем, что законодатель, предусматривая понятие возмездного договора, имел в виду наличие встречного предоставления не только за исполнение своих обязанностей, но и выполнение действий, служащих основанием для признания реального договора заключенным.

Наука гражданского права различает коммутативные и алеаторные договоры. В зависимости от того, насколько известны заранее, при заключении договора, размер, пропорция и предмет встречного обязательства, договор может быть коммутативным (от лат. commutare – менять, переменять) или алеаторным (от лат. alleator – азартный игрок) Гражданский кодекс не содержит легального определения термина «предмет договора». Значение предмета договора в том, что он определяет параметры предстоящего исполнения по договору.

При исследовании предмета договора некоторые ученые ориентируются на предмет обязательства, вытекающего из договора. Но в понимании того, что является предметом (объектом) правоотношения, в том числе и гражданского, нет единства. Как отмечает Е.Е. Шевченко, точки зрения по этому вопросу могут быть сгруппированы вокруг трех основных позиций: согласно первой (так называемой «теории действия») – объектом правоотношения является поведение обязанного лица; сторонники второй позиции утверждают, что это то, на что направлено поведение участников правоотношений; авторы третьей точки зрения относят к нему как фактическое поведение субъектов (т.е. действия), так и то, на что оно направлено.

Определение договора финансирования под уступку денежного требования, изложенное в статье 739.гражданского кодекса КР Договор финансирования под уступку денежного требования. По договору финансирования под уступку денежного требования одна сторона (финансовый агент)

передает или обязуется передать другой стороне (клиенту) денежные средства в счет денежного требования клиента (кредитора) к третьему лицу (должнику), вытекающего из предоставления клиентом товаров, выполнения им работ или оказания услуг третьему лицу, а клиент уступает или обязуется уступить финансовому агенту это денежное требование. Денежное требование к должнику может быть уступлено клиентом финансовому агенту также в целях обеспечения исполнения.

Таким образом, договорная модель финансирования под уступку денежного требования вариативна: договор может иметь как реальный, так и консенсуальный характер, может быть как взаимным, так и односторонне обязывающим, обязательство из договора может иметь как долговой, так и недолговой характер. Двойственность обнаруживается и в предмете, включающем в себя денежные средства, передаваемые финансовым агентом клиенту, и денежное требование, уступаемое клиентом финансовому агенту.

Библиографический список

1. Абрамов В.А. Сделки и договоры: комментарии, разъяснения. – М., 1998.
2. Алексеева Д.Г. Проблемы правовой регламентации факторинга в России // Банковское право. – 2010. – №1.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. – М., 2002.
4. Герценштейн О.В. Договор финансирования под уступку денежного требования: дисс. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – 206 с.
5. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 2003.

ESSENCE OF THE FINANCING CONTRACT OF MONETARY CLAIM

D.K. Dosumbetov, *Postgraduate*
Center for Political Science Research and Expertise, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The article examines the legal nature of a financing agreement against the assignment of a monetary claim. Based on the analysis of the doctrinal provisions and norms of the Civil Code of the Kyrgyz Republic, the author identifies the essential features of the treaty under consideration. In particular, the target orientation of the contract is determined, which makes it possible to refer it to the group of contracts on the transfer of property into ownership, the position on the commutativity of the contract is defended.*

Keywords: *financing agreement against the assignment of a monetary claim; factoring; the real and consensual nature of the treaty; commutative and aleatory contracts.*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РФ

Ю.Н. Дыдыгина, *магистрант*
Научный руководитель: *А.Х. Маликова, д-р юрид. наук, профессор*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11164

Аннотация. *В статье рассмотрены исторические аспекты становления российской системы арбитражных судов, их совершенствования и развития, современное состояние. Приведена история появления первых арбитражных судов в России во времена Древней Руси, их реформирование во времена российской империи, революции, а также после принятия Арбитражного процессуального кодекса. Автор проводит сравнение арбитражного судопроизводства в Российской Федерации и зарубежных странах, таких как США и Англия и делает вывод о невозможности принятия в РФ той системы арбитражных судов, которая действует в указанных европейских государствах.*

Ключевые слова: *суд, арбитражный процесс, экономический спор, решение суда, коммерческий суд.*

Арбитражные суды в Российской Федерации – это основной орган, призванный осуществлять в нашей стране правосудие по экономическим спорам. Полномочия и компетенция этих судов установлены законодательными актами РФ, это рассмотрение экономических споров между гражданами, организациями, индивидуальными предпринимателями и др.

Арбитражные суды приобрели современный вид не сразу, они выстраивались и менялись в процессе исторического развития Российской Федерации. Те исторические этапы развития арбитражных судов, через которые они прошли, оказали существенное влияние на существующую систему арбитражных судов РФ, их структуру и компетенцию. По этой причине тема настоящей статьи очень актуальна.

Появление института арбитражного судопроизводства в древней Руси, приходится на 1135 год, когда появились первые в истории российских арбитражных судов упоминания об особых судах в Уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславовича. Далее государство постепенно предпринимало попытки создания прообраза арбитражного суда в нашей стране, таким органом в 1721 году стал Главный магистрат, который рассматривал некоторые особые виды споров, в том числе и торговые [4, с. 269].

В первой половине XIX века в российской империи уже существовала система коммерческих судов. Производство по коммерческим спорам проводилось либо посредством «словесной расправы», либо посредством письменного производства. В Российской империи на коммерческие суды возлагалась не только задача по осуществлению правосудия по коммерческим спорам, они призваны были регулировать торговые отношения в стране.

До октябрьской революции 1917 года в деятельности коммерческих судов не производилось серьезных изменений.

Послереволюционное развитие механизмов развития российских арбитражных судов было весьма неоднозначным и прерывистым. Было принято большое количество нормативно-правовых актов, которые, то создавали самостоятельнее органы, осуществляющие разрешение арбитражных споров, то упраздняли их.

Первое законодательное закрепление статуса арбитражей произошло с принятием Конституции 1977 года, в 1991 году стали действовать арбитражные суды. С принятием Конституции 1993 года система арбитражных судов РФ была реформирована. С 1995 года появилась современная система арбитражных судов, действующая, хоть и не в первоначальном виде, в Российской Федерации [5, с. 103].

Современная система арбитражных судов, действующая в нашей стране в современный период была заложена с момента принятия действующего российского АПК, принятого в 2002 году [1].

С этого момента в Российской Федерации появилась четырехзвенная структура, уполномоченная решать экономические споры. Система арбитражных судов состояла из судов первой инстанции апелляции, кассации и надзорной инстанции, которой являлся Президиум Высшего Арбитражного суда РФ. Но данная система постепенно изменялась. Но, реформирование современной системы арбитражных судов продолжилось и в 2014 году было принято одно из серьезнейших изменений действующей системы арбитражных судов – судебная власть в нашей стране стала возглавляться двумя главными судебными органами: Конституционным и Верховным судами РФ. ВАС РФ был упразднен Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ [2].

Также в деятельности арбитражных судов появилась «вторая кассация» представленная судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

В настоящее время система арбитражных судов в России состоит из арбитражных судов субъектов, апелляционных арбитражных судов, арбитражных судов округов, суда по интеллектуальным спорам, во главе системы находится Верховный суд РФ.

В системе арбитражных судов на сегодняшний день имеются четыре судебных инстанции, рассматривающие дела в апелляции и кассации, созданы 21 апелляционный и 10 кассационных судов, а также Суд по интеллектуальным правам. В качестве второй кассационной инстанции дела рассматривает Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Компетенция и полномочия арбитражного суда содержатся в законодательстве РФ и международных ратифицированных Россией нормах [3], регулирующих деятельность арбитражных судов в нашей стране.

Под компетенцией арбитражных судов принято понимать предусмотренную законами совокупность прав и обязанностей арбитражного суда, которые предоставил ему законодатель при осуществлении правосудия и при выполнении иных функций, которые должен выполнять арбитражный суд, как орган, представляющий судебную власть в России.

Значение данного вида судов, возложенных на них функций и задач сложно переоценить, так как ввиду специфики экономических споров не все обычные мировые суды компетентны их рассматривать. Соответственно наличие арбитражных судов способствует существованию более совершенной системы правосудия в стране.

Российская система арбитражных судов сильно отличается от системы арбитражных судов зарубежных стран, в частности если рассмотреть в качестве примера арбитражное судопроизводство в США и Великобритании, можно отметить, что в этих государствах нет подразделения на специализированные суды, которые были бы наделены полномочиями по рассмотрению экономических споров. В Англии под арбитражем принято рассматривать упрощенное судопроизводство, а в США – третейское разбирательство.

В США экономические споры рассматриваются судами общей юрисдикции.

Поскольку экономические споры рассматриваются в рамках судов общей юрисдикции, то процедура их разбирательства и разрешения мало отличается от обычных гражданских дел.

Одной из причин выбора судов общей юрисдикции для рассмотрения экономических споров в США и Великобритании, возможно, явилась принадлежность этих стран к состязательному типу правосудия. Согласно основной черте состязательного судопроизводства суд остается пассивным в судебном заседании, а активно участвуют в исследовании доказательств только стороны в лице своих представителей. Именно сторонам принадлежит инициатива и контроль за ведением дела: они подготавливают дело к слушанию, ищут возможности заключения мирового соглашения, представляют доказательства в суд, исследуют их, выступают со вступитель-

ными и заключительными речами. Суд же разрешает спор. Такое распределение ролей предполагает, что адвокаты раскроют и проанализируют все доказательства перед судом, последнему останется только разрешить спор. При подобной постановке вопроса от судьи не требуется специализации в определенной области права.

По нашему мнению, экономические споры требуют особой квалификации, и система судопроизводства по арбитражным спорам не совсем правильно выстроена в данном случае. Для российской системы арбитражного судопроизводства это неприемлемо. Анализ и исследование доказательств – это полномочия суда, а не сторон и их представителей. По этой причине, предполагается, что действующая система арбитражных судов в РФ наиболее приемлема для нашей страны и отечественной судебной системы.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 22.10.2020 г.).

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158640/ (дата обращения: 22.10.2020 г.).

3. Маликова А.Х. Влияние пандемии на актуальность поправки о международных нормах в Конституцию Российской Федерации // Международная и межрегиональная интеграция в условиях пандемии: экономические, социокультурные и правовые проблемы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, 25 июня 2020 года / редколлегия: С.И. Ашмарина, А.В. Павлова (ответственные редакторы) [и др.]; Самарский государственный экономический университет. – Самара: Изд-во СГЭУ, 2020. – С. 497-500.

4. Сергунин К.Н. Нормативно-правовые аспекты становления и развития системы арбитражных судов в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2018. – №18. – С. 269-270.

5. Шокумов Ю.Ж. Актуальные вопросы развития арбитражного судопроизводства и процессуальных функций арбитражного суда в России // Вестник экономической безопасности. – 2019. – №2. – С. 103-110.

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF ARBITRATION COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yu.N. Dadykina, *Graduate Student*
Supervisor: *A.Kh. Malikova, Doctor of Legal Sciences, Professor*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The article examines the historical aspects of the formation of the Russian system of arbitration courts, their improvement and development, the current state. The history of the emergence of the first arbitration courts in Russia during the time of Ancient Rus, their reforming during the Russian Empire, the revolution, and also after the adoption of the Arbitration Procedure Code is given. The author compares the arbitration proceedings in the Russian Federation and foreign countries, such as the USA and England, and concludes that it is impossible to adopt in the Russian Federation the system of arbitration courts that operates in these European states.*

Keywords: *court, arbitration, business dispute, the decision of the court, commercial court.*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДПИСИ

Е.П. Егорова, *магистрант*
Научный руководитель: *Р.Р. Хаснутдинов, канд. юрид. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11165

Аннотация. *Автором данной научной статьи поднимается вопрос о том, как на сегодняшний день цифровые технологии способствуют развитию новых способов фальсификации документов на высоком технологическом уровне. Это приводит к внедрению и широкому применению их в преступной деятельности. Чтобы установить определенные факты и способы фальсификации письменных документов, проводится криминалистическое исследование документов и его реквизитов.*

Ключевые слова: *криминалистическое исследование документов; цифровые технологии; криминалистика; цифровое изображение; эксперт-почерковед; подписи.*

Криминалистическое исследование документов является одним из наиболее распространенных и востребованных криминалистических исследований. Объекты криминалистического исследования – это рукописные тексты, краткие записи, подписи, которые свободно представлены в жизни общества и имеют немаловажное значение при исполнении судопроизводства и иной правоохранительной деятельности.

На современном этапе криминалистическое исследование документов является высокоразвитым разделом криминалистической практики. Развитие цифровых технологий в 21 веке повлияло на необходимость интегрировать научные знания о цифровой фотографии в криминалистику и сосредоточиться на решении вопросов, которые стоят перед экспертом-почерковедом при назначении и проведении криминалистическое исследование документов.

Статистика ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ Минюста России и других показывает, что на территории России в течении тридцати лет замечается неизменный прирост производства криминалистическое исследование документов и исследований. Это все прямо связано с ростом документооборота и довольно большой степенью его привлечения в преступную сферу.

Современный мир быстро движется вперед, а вместе с этим прогрессирует развитие науки и техники. Происходят изменения не только в развитии самого человека, но и его механизма письма. Эта область насчитывает ряд вопросов, которые связаны с дефицитом теоретических и экспериментальных исследований в области диагностических и идентификационных почерковедческих исследований механизма письма. Ввиду распространения цифровых технологий в нашей жизни можно увидеть, как человек не часто применяет рукописное письмо для записи информации или общения. Везде используются технические средства для передачи, хранения информации или общения. Происходит регресс в данном направлении, снижение письменного навыка человека и изменения его свойств.

Именно благодаря современным цифровым технологиям печати выявляются свободные возможности реализовать техническую подделку рукописных реквизитов в документе, в том числе и подписи. На данный момент времени можно сделать вместо рукописного реквизита внешне похожий на него цифровое изображение, при этом используется красящее вещество одного цвета, с имитацией нажима пишущего прибора. Поэтому сейчас факсимиле производятся такого высокого качества, что его сложно отличить от рукописных

подписей даже самому эксперту-почерковеду, обладающему специальными навыками технического исследования документации. Даже если к экспертизе подаются документальные копии, то все равно определить факт технической подделки почти нереально.

К тому же цифровые технологии сейчас дают возможность изготовить документацию с помощью монтажа. При этом используются фрагменты иных документов, содержащих подписи или оттиски печатей. Монтаж проводится в электронном виде, происходит соединение текста и отсканированных с других документов цифровых подписей. Далее электронный вариант распечатывается, делают ее копию, которая и выдается за копию оригинального документа [1].

Хороший технический уровень выполняемых подделок приводит к тому, что даже опытные эксперты-почерковеды не имеют достаточных средств для распознания факта подделки. Таким образом, выходит, что криминалистическое исследование документов, которые были сфальсифицированы данным образом, способно дать неверные результаты и привести к судебной ошибке.

Помимо криминалистического исследования документов в отдельных случаях экспертом может проводиться также судебно-техническая экспертиза или судебно-компьютерно-техническая, а в некоторых и комплексная (то есть почерковедческая вместе с технической) [2].

Необходимо отметить все плюсы цифрового изображения для реализации криминалистического исследования подписи по вытекающим основаниям [3]:

– Во-первых, оперативность и доступность получения изображения. Передача качественного изображения с оптимальным увеличением может быть применено при настройке камеры и просмотра изображения на ее мониторе. При ознакомлении с материалами дела отсутствует зависимость от наличия, исправности и совершенства модели копира, нужного для приобретения копий нужных листов дела или их фрагментов в повышенном масштабе.

– Во-вторых, близость к оригиналу в сравнении с электрофотокопией. Она предполагает применение снятой с оригинала документа копии, а не с его копии. Следование этому требованию содействует более совершенному отображению признаков. При этом каждое последующее копирование с полученной копии ухудшает качество отображения признаков почерковой реализации. Цифровые изображения являются лучше по качеству отображения запечатленного объекта, так как вместо стадии отображения скрытого изображения на бумаге, как это происходит в процессе электрофотокопирования, образ объекта запечатлевается ПЗС-матрицей фотокамеры и перекодируется в цифровой код с дальнейшей записью файла (формат JPEG, TIFF и др.). Всё это обеспечивает высокое качество воссоздания признаков объекта и в результате несет намного больше информации о почерке, чем электрофотокопия.

– В-третьих, возможно также отправлять изображения по интернет-каналам. Предварительная оценка материалов, направляемых на экспертизу в целях определения пригодности объектов для идентификации, достаточности образцов для сравнительного исследования, позволяет сэкономить время и средства, к тому же, избежать надлежащих ходатайств со стороны эксперта-почерковеда [4].

На сегодняшний день эксперты-почерковеды ведут работы по исследованию закономерностей отображения признаков почерковых реализаций в цифровых изображениях, а также особенностей вывода изображений на отображение признаков для разработки методики назначения и проведения криминалистического почерковедения по цифровым изображениям почерковых объектов.

Данный вид экспертных исследований, с учетом своей актуальности, нуждается в дополнительной проработке научно-теоретических основ, которые связаны с определением объекта, целей и задач такого вида исследований, а также разработки новых рекомендаций и методах исследования почерковых объектов по изображениям в документальных копиях.

К тому же, каждая назначенная почерковедческая экспертиза требует от эксперта нужных знаний и навыков как в области судебного почерковедения, так и в области технико-криминалистического исследования документов, так как лишь комплексный подход к решению поставленных перед экспертом вопросов способен обеспечить полноту экспертных исследований.

Библиографический список

1. Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым фотографическим копиям документов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – Т. 15. №2. – С. 70-80.

2. Черепенько Г.В. Типичные ошибки при производстве почерковедческой экспертизы копий рукописных реквизитов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Т. 14. №1. – С. 97-105.

3. Байгузин Ю.П. Использование цифровых изображений в почерковедческой экспертизе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://anotopexpert.ru/ispolzovanie-tsifrovyh-izobrazhenij-v-pocherkovedcheskoj-ekspertize-2/ (дата обращения: 24.10.2020).

4. Черепенько Г.В. К вопросу о возможности расширения понятия «копия» в судебно-почерковедческой экспертизе // Вестник МГЮА. – 2018. – №7. – С. 212-221.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN FORENSIC HANDWRITING

E.P. Egorova, *Graduate Student*
Supervisor: *R.R. Khasnutdinov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *The author of this scientific article raises the question of how digital technologies currently contribute to the development of new ways to falsify documents at a high technological level. This leads to their introduction and widespread use in criminal activities. To establish certain facts and methods of falsification of written documents, a forensic study of documents and their details is carried out.*

Keywords: *forensic handwriting expertise; digital technologies; criminalistics; digital image; handwriting expert; signatures.*

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Е.П. Егорова, *магистрант*
Научный руководитель: *А.В. Беляков, канд. юрид. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11166

***Аннотация**: В статье обращено внимание на отдельные вопросы учитываемые при квалификации хищений электронных денежных средств и средств граждан, находящихся на банковских счетах. Осуществлен анализ правоприменительной практики, по результату которого акцентировано внимание на том, что правоприменители ряда регионов Российской Федерации имеют именно проблемы, связанные с вопросами правильной квалификации рассматриваемой в статье категории хищений. Рассмотрены ключевые решения судов имеющие примеры правильной и ошибочной квалификации. Высказано мнение, указывающее на потребность в переработке ряда решений Верховного Суда Российской Федерации, особенно тех, которые дают рекомендации о применении положений закона в отношении преступных проявлений соприкасающихся или совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере высоких технологий.*

***Ключевые слова:** хищение, электронное денежное средство, национальная платежная система, банковский счет, средство платежа, учетные данные собственника.*

Существенное влияние на образ жизни граждан во всех сферах жизнедеятельности оказывают эволюционные процессы, в том числе касающиеся разработки и применения информационных технологий. Использование финансовых средств граждан в безналичном виде становиться обыденностью для всех слоев населения и тем самым привлекает к себе внимание преступников.

В настоящее время чаще всего происходят хищения находящихся в обороте электронных денежных средств (в январе–декабре 2019 года зарегистрировано 294409 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при этом каждые четыре из пяти преступлений совершаются путем кражи или мошенничества, в том числе в отношении электронных денежных средств – 235,5 тыс. [1]), что указывает на необходимость адекватного реагирования сотрудников правоохранительных органов к случившемуся.

Основные сложности в деле противодействия указанным преступным явлениям вызваны:

– во-первых, отсутствием практики противодействия в целом указанным проявлениям;

– во-вторых отсутствием единого подхода к вопросу квалификации указанных преступных действий.

Анализ правоприменительной практики показал, что ряд регионов имеют именно проблемы, связанные с вопросами правильной квалификации рассматриваемой категории хищений. В виду чего этот вопрос приобретает актуальность, а также требует обратить на него внимание юридической общественности.

Федеральным законом «О внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 года № 111-ФЗ часть 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнена пунктом «г» – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков статьи 159.3 УК РФ). Указанное изменение было внесено с целью обеспе-

чения сохранности электронных денежных средств и средств граждан, находящихся на банковских счетах, а также в целях более эффективного противодействия противоправным посягательствам на данные средства. Однако введение данного квалифицирующего признака в действительности было воспринято юридической общественностью неоднозначно и привело к тому, что работа правоприменителей в разных регионах Российской Федерации строилась иногда даже вопреки принципу законности. Принимались решения явно противоречащее положениям уголовного закона, что в итоге приводило к неправильному формированию судебной практики, заставляло «судебную машину» вновь и вновь пересматривать решения принятые по уголовным делам, восстанавливать нарушенные права участников уголовного судопроизводства (см. например: постановления президиума Мурманского областного суда от 3 июня 2019 г. № 44у-15/2019, от 7 октября 2019 г. № 44у-31/2019 и от 11 ноября 2019 г. № 44у-36/2019, Хабаровского краевого суда от 21 октября 2019 г. № 44у-139/2019 и т.д.). В настоящей статье остановимся только на ключевых моментах позволяющих показать существующие проблемы при квалификации хищений электронных денежных средств и средств граждан, находящихся на банковских счетах.

По смыслу уголовного закона для квалификации по пункту «г» части третьей статьи 158 УК РФ юридически значимым является то обстоятельство, что предметом преступления выступают денежные средства, находящиеся на банковском счете, в том числе и электронные, при этом банковская карта выступает лишь инструментом управления средствами, находящимися на счете, и при снятии наличных денежных средств через банкомат они списываются непосредственно со счета потерпевшего.

Согласно позиции судов отдельных регионов Российской Федерации квалифицирующий признак кражи, совершенной «с банковского счета», имеет место только при хищении безналичных и электронных денежных средств с банковского счета путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке, установленном ст. 5 Федерального закона «О национальной платежной системе». В решениях судов при этом резюмировано, что по буквальному толкованию положений пункта 12 ст. 3 вышеуказанного закона операция снятия наличных денежных средств, совершаемая по картам, эмитированным банком, в устройствах банка (банкоматах и терминалах) рассматриваться как операция перевода денежных средств в рамках этого Федерального закона не может. Данная позиция нашла отражение например, в постановлении Президиума Московского областного суда от 30 октября 2019 г. № 468 по делу № 44у-241/2019. Аналогичная квалификация хищений посредством банкомата указанного имущества, находящегося на счете потерпевшего, подтверждена определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [2].

По нашему мнению, в рассматриваемых вышеуказанных решениях судов не учитывается, что выдача денежных средств в наличной форме через устройство самообслуживания клиентов (банкомат) посредством использования поддельной или принадлежащей другому лицу платежной карты сопровождается одновременным списанием соответствующей суммы с банковского счета потерпевшего. Изложенная нами позиция подтверждена в решении Судебной коллегии Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, которая резюмировала изменить приговор и переквалифицировать действия осужденного Ф., связанные с хищением имущества ФИО, с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 2 ст. 159.3 УК РФ.

Принятие подобного решения было обусловлено следующим: так как Ф., взяв принадлежащую ФИО банковскую карту, желая похитить принадлежащие ей денежные средства с банковского счета, несколько раз в кафе и магазинах осуществил расчет за товар с помощью данной банковской карты, произведя операции по списанию принадлежащих ФИО9 денежных средств, похитив, таким образом, денежные средства потерпевшей в размере

9310 рублей 90 копеек. В качестве аргумента судебная коллегия также указала, что осужденный совершил преступление, расплатившись за покупки в торговых организациях банковской картой, принадлежащей потерпевшей, умолчав о том, что использует ее незаконно, при этом выдача Ф. наличных денежных средств посредством банкомата не производилась [3].

В настоящее время для определения способа и объема совершения хищения электронных денежных средств, необходимо также руководствоваться разъяснениями определенными в положениях постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 года №29 [4], и от 30.11.2017 года №48 [5]. В действительности же изложенные в этих постановлениях рекомендации и разъяснения положений уголовного закона в условиях текущего времени не отвечают действительности и не помогают правоприменителям справляться с имеющимися трудностями.

В целях исключения случаев неверной квалификации действий виновных лиц полагаем, необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 соответствующим разъяснением о том, что квалификации по пункту «г» части третьей статьи 158 УК подлежат действия лица, совершившего кражу денежных средств с банковского счета путем обналичивания через устройство самообслуживания клиентов (банкомат) посредством использования поддельной или принадлежащей другому лицу платежной карты вне зависимости от суммы похищенного имущества. В виду отсутствия разъяснения по разграничению составов преступлений, предусмотренных пунктом «г» части третьей статьи 158 УК и статьей 159.3 УК, особенно когда это касается фактов хищения денежных средств посредством бесконтактной оплаты покупок в торговой или иной организации на кассах самообслуживания полагаем необходимым в постановлении № 48 также разъяснить, что хищение чужого имущества, осуществляемое с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты, посредством оплаты покупок в торговой или иной организации, в том числе бесконтактным способом, подлежит квалификации как кража чужого имущества.

Отсутствие четкой сложившейся практики в вопросе квалификации хищений электронных денежных средств и средств граждан, находящихся на банковских счетах обусловлено тем, что не все правоприменители на текущий момент времени разбираются в вопросах бурно развивающейся сферы погружающей граждан в информационно-коммуникационное пространство и в целом технологический прогресс. Ввиду чего в настоящее время уже в полной мере назрела потребность в переработке ряда решений Верховного Суда Российской Федерации, в целях выработки единых подходов к практике применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за хищение в первую очередь с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Это позволит судам по нашему мнению иметь четкую общую позицию при вынесении своих решений и снимет ряд текущих проблем имеющих место при квалификации хищений электронных денежных средств и средств граждан, находящихся на банковских счетах.

Указанные в данном труде положения, влияющие на квалификацию хищений электронных денежных средств и средств граждан, находящихся на банковских счетах по нашему мнению позволят достигнуть именно ту цель, ради которой и принимался Федеральный закон от 23.04.2018 года №111-ФЗ.

Библиографический список

1. Данные формы статистической отчетности «050» ФКУ «ГИАЦ МВД России» за январь-декабрь 2019 года.

2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2020 г. №10-УДп20-1.

3. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2020 по делу №77-38/2020 // СПС КонсультантПлюс.

4. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.

5. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

ISSUES OF QUALIFICATION OF THEFT OF ELECTRONIC FUNDS

E.P. Egorova, *Graduate Student*
Supervisor: *A.B. Belyakov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *The article draws attention to certain issues that are taken into account in the qualification of theft of electronic funds and funds of citizens held in Bank accounts. The analysis of law enforcement practice, according to which the attention is focused on the fact that the enforcers of a number of Russian regions have problems with the correct qualifications addressed in article category of theft. Key court decisions with examples of correct and erroneous qualifications are considered. The opinion is expressed that there is a need to revise a number of decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, especially those that make recommendations on the application of the provisions of the law in relation to criminal manifestations that are related to or committed using information and communication technologies or in the field of high technologies.*

Keyword: *theft, electronic money, national payment system, Bank account, means of payment, owner's credentials.*

СТАНОВЛЕНИЕ НОРМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Н.Ж. Жапаркулова, *аспирант*
Центр политологических исследований и экспертиз, Национальной академии наук Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11167

Аннотация. *Практика формирования рыночной экономики в Кыргызстане осуществляется в рамках предпринимательского права с применением в необходимых случаях элементов публичного права. В статье рассматривается проблематика предпринимательского права Кыргызской Республике, которая далеко выходит за рамки гражданско-правового регулирования. Это относится не только к предмету и методам данной отрасли права, но и к ее субъектам, к правовым формам государственного регулирования хозяйственной деятельности и ко многим другим вопросам. В процессе осуществления различных видов деятельности складываются общественные отношения, регулируемые различными отраслями права.*

Ключевые слова: *право, предпринимательское право, государственные органы, правовые нормы юридическая защита.*

Эффективное правовое обеспечение представляет собой систему средств правового регулирования, создания, организации и деятельности предприятий – это:

– «наборы» правовых норм и актов;

– юридические режимы экономического функционирования;

– статусы хозяйственных руководителей, специалистов и всех работников;

– механизм взаимоотношений с внешней средой;

– методы правового регулирования со стороны государственных органов;

– юридическая защита прав и законных интересов предпринимателей.

Правовое обеспечение предприятий состоит из законов о статусе отдельных видов хозяйствующих субъектов, общих тематических законов, регулирующих разные аспекты их деятельности, и подзаконных актов. Принципиальное значение в эти годы для развития предпринимательства имели принятые в 1986 г. Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», в 1987 г. Закон «О государственном предприятии» и Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о создании совместных предприятий с участием иностранного капитала, в 1988 г. Закон «О кооперации». Данные законодательные акты явились основой разграничения видов хозяйственной деятельности [1, с. 560]. Суть разделения предприятий на государственные и коммерческие заключалась в следующем. Государственные предприятия преследовали цель получения прибыли в интересах государства, а ни граждан и организации. Коммерческие предприятия ставили цель получения прибыли и распределения ее между участниками данной деятельности. В связи с этим у общественности сложилось мнение: если государственное предприятие, то все принадлежит государству, а коммерческое – все принадлежит мне. На тот период такое деление было оправданным и верным. В связи с развитием рыночных отношений и расширением Реформа № 2/2002 50 предпринимательской деятельности появилась необходимость различать: государственные и частные, коммерческие и не коммерческие предприятия. Такое деление обусловлено тем, что государственное предприятие может быть как коммерческим, так и не коммерческим, в свою очередь частное предприятие также может быть коммерческим или не коммерческим. Но сейчас создано большое количество организаций с одновременным присутствием государственного и частного капитала как с коммерче-

скими целями, так и без них. В связи с этим появились новые направления в управлении, правовом обеспечении, собственности и т. д. Близки понятия «коммерческая» и «посредническая» деятельность. Коммерческая деятельность осуществляется через приобретение и реализацию права полной собственности на товар и самого товара, а посредническая деятельность, в основном, осуществляется без приобретения права полной собственности на товар. Поэтому предпринимательская деятельность намного шире понятия «коммерческая деятельность», которая является ее составной частью. В понятие же коммерческой организации включаются все хозяйствующие субъекты, занимающиеся предпринимательской деятельностью, а не только коммерческой. С обретением Кыргызстаном независимости в 1991 г. Верховным Советом Республики Кыргызстан был принят Закон «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан», что послужило основой для принятия более 70 законодательных актов в сфере развития предпринимательства [2, с. 416].

В 1992 г. был создан Фонд национального предпринимательства, в целях развития предпринимательских структур в сельской местности, в отдаленных регионах. В 1994 г. на его базе создан Фонд предпринимательства при Президенте КР со значительно расширенными правами, функциями и задачами. Основные направления его деятельности: содействие созданию правовых условий; создание системы государственной поддержки по развитию предпринимательства; формирование рыночной инфраструктуры, облегчающей существование предпринимательской среды; стимулирование производства конкурентоспособных товаров; поддержка инновационной деятельности; содействие выделению кредитов предпринимательским структурам; стимулирование производства импортозамещающих товаров и т.д.

В мае 1995 г. Всемирным банком принято решение о выделении кредита по проекту «Поддержка частных предприятий Кыргызской Республики». В целях осуществления этого проекта указом Президента был образован Фонд реконструкции и развития предприятий, основными задачами и функциями которого явились: участие в реализации государственной политики по поддержке предприятий; привлечение иностранных инвестиций для реконструкции предприятий и т.д.

В 1996 г. вышло постановление Правительства, №378, «О декларировании доходов и уплате подоходного налога физическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность на патентной основе в Кыргызской Республике», где утверждался порядок декларирования физическими лицами доходов и уплаты. Становление и развитие нормативно-правовой базы предпринимательства в КР подоходного налога и перечислялись виды предпринимательской деятельности, осуществляемые на патентной основе. Всего на то время было 35 видов предпринимательской деятельности. Основной пакет законов, регулирующих предпринимательскую деятельность, был принят в 1998-1999 гг. Это наиболее активный период создания нормативной базы. Была принята Программа действий по господдержке малого предпринимательства, постановление правительства «О мерах по развитию малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике», № 206, от 21 апреля 1998 г., сформирована государственная сеть учреждений, занимающихся поддержкой МСП: Проблему неоднородности развития регионов республики частично решает указ Президента от 16 февраля 2000 г. «О мерах по совершенствованию государственного регулирования деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». На основе мониторингов, проведенных в регионах Министерством внешней торговли и промышленности (МВТП), совместно с Госфондом поддержки МСБ, выявлены проблемы, противодействующие деятельности предпринимателей. Правительством Кыргызской Республики принята матрица действий по развитию индивидуального, малого и среднего предпринимательства на 2000 г., направленная на создание благоприятной среды

для развития предпринимательства в республике. 1 февраля 2001 г. принят Закон Кыргызской Республики «О защите прав предпринимателей» и Закон Кыргызской Республики от 18 января 2001 г.».

Дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы должно быть направлено: во-первых на взаимодействие государственных органов и субъектов предпринимательства на основе рекомендаций и согласований, а не на методах запретов и предписаний; во-вторых, регулирование самой предпринимательской деятельности должно быть нацелено на создание благоприятных условий существования предпринимательской среды и предпринимателей.

Библиографический список

1. Ершова И.В. Предпринимательское право. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 2006.
2. Ершова И.В., Иванова Т.М. Предпринимательское право: Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 1999.
3. Жилинский С.Э. Предпринимательское право (Правовая основа предпринимательской деятельности): Учебник для вузов. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Издат-во НОРМА, 2001.
4. Игнатова Т.В., Келарев В.В., Клейман Ю.А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: Учебное пособие. – Ростов на Дону: Изд-во «Северо-Кавказская академия государственной службы», 2008.
5. Предпринимательское право: Курс лекций / Под ред. Н.И. Клейн. – М.: Юридическая литература, 1993.

FORMATION OF ENTREPRENEURSHIP LAWS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

N. Zh. Japarkulova, *Postgraduate*
Center for Political Science Research and Expertise, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The practice of forming a market economy in Kyrgyzstan is carried out within the framework of business law with the use of elements of public law, if necessary. The article examines the problem of business law in the Kyrgyz Republic, which goes far beyond the framework of civil law regulation. This applies not only to the subject and methods of this branch of law, but also to its subjects, to the legal forms of state regulation of economic activity and to many other issues. In the process of carrying out various types of activity, social relations are formed, regulated by various branches of law.*

Keywords: *law, business law, government bodies, legal norms, legal protection.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИИ

А.В. Захарова, *студент*
Научный руководитель: *А.В. Минаев, канд. юрид. наук, доцент*
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11168

Аннотация. *В данной статье рассматриваются вопросы государственного и правового регулирования рынка медицинских услуг, рассматриваются основные нормативные документы, регулирующие данный рынок. У всех граждан есть право на получение бесплатной медицинской помощи в различных системах здравоохранения: государственных и муниципальных. Гарантированный объем медицинской помощи предоставляется гражданам в соответствии с государственными гарантийными программами по предоставлению бесплатной медицинской помощи гражданам России. Рассмотрены методы регулирования рынка медицинских услуг, озвучены права граждан на медицинскую и социальную помощь.*

Ключевые слова: *государство, закон, здравоохранение, медицинские услуги, государственное регулирование, правовое регулирование медицинских услуг.*

Общественное здравоохранение является важным компонентом национального богатства страны. Социально-экономическое развитие страны и ее национальная безопасность зависят от ее показателей. К сожалению, право граждан на качественное медицинское обслуживание, свободный выбор медицинского учреждения и специалиста, оказывающего определенные услуги, закрепленное в Конституции Российской Федерации и других законодательных актах, не улучшается, не в полной мере качество медицинских услуг, предоставляемых населению [1]. По прогнозам Всемирного банка, к 2050 году население Российской Федерации сократится еще на 30%. В настоящее время демографическая ситуация несколько стабилизировалась, но тенденция к естественному сокращению населения, особенно в трудоспособном возрасте, сохраняется. Процент работников трудоспособного возраста, которые были определены как инвалиды в течение последних шести лет, остается довольно высоким [2].

Преимущественное использование администрацией и недостаточное использование экономических методов для регулирования рынка медицинских услуг привело к увеличению бюджетного бремени и снижению ответственности за здоровье граждан медицинских организаций и самих граждан [3].

Несмотря на многочисленные публикации на эту тему, проблема регулирования рынка медицинских услуг государствами на территориальном уровне остается недостаточно изученной. Многие ученые дают рекомендации по решению отдельных проблем, часто сводя их к уровню медицинской организации. Такие рекомендации, которые вносят существенный вклад в решение конкретной проблемы, не могут, однако, кардинально изменить текущее состояние регулирования рынка медицинских услуг.

Государственное регулирование рынка медицинских услуг основано на использовании административных, экономических и социально-психологических методов регулирования [4].

Специфика регулирования рынка медицинских услуг в связи с его высокой социальной значимостью заключается в том, что государство призвано регулировать рыночных посредников с помощью финансовых и налоговых инструментов, которые являются как государственными (фонд обязательного медицинского страхования), так и частными (фонды допол-

нительного медицинского страхования, страховые компании посредники) [5].

Строгое различие между административными, экономическими и социально-психологическими методами является относительным, поскольку иногда административные и экономические методы имеют характеристики обоих методов.

Административные методы регулирования рынка медицинских услуг реализуются посредством лицензирования, сертификации, регистрации медицинских учреждений, при осуществлении государственной поддержки в виде программ финансирования социально-экономического развития здравоохранения как отрасли, а также при осуществлении правового обеспечения оказания медицинских услуг.

Методы экономического регулирования способны представить две функции государственного регулирования медицинских услуг: стимулирующую и ограничительную с помощью инструментов налогового кредитования, финансового и страхового регулирования, регулирования цен и применения государственных санкций.

Социально-психологические методы регулирования обеспечивают внедрение государственных стандартов для медицинских учебных заведений и функционирующих медицинских учреждений, оздоровительных программ и пропаганды здорового образа жизни, оказывают информационную поддержку общественным мероприятиям в области здравоохранения.

Вместе с государственным регулированием рынка медицинских услуг существует и правовое регулирование данной отрасли.

Основные направления правового регулирования в сфере здравоохранения [6]:

– Законы о надзоре за обеспечением безопасных условий жизни;

– Законы, обеспечивающие профилактику заболеваний и здоровый образ жизни;

– Права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь;

– Ответственность за нарушения в области общественного здравоохранения;

– Организация деятельности системы здравоохранения;

– Регулирование профессиональной медицинской и фармацевтической деятельности;

– Финансирование здравоохранения, налогов, таможенных пошлин и льгот;

– Специальные положения для соответствующих медицинских отраслей и конкретных заболеваний.

В большинстве случаев регулирование медицинской деятельности в области права мало известно медицинским специалистам и врачам. Как и в случае с пациентами, они еще менее информированы и еще менее осведомлены в медицинских вопросах. Поэтому крайне важно, чтобы будущие специалисты ознакомились с основами законодательства в области здравоохранения.

В 41 статье Конституции Российской Федерации отмечается: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения предоставляется гражданам бесплатно из бюджета, страховых взносов и других, связанных с этим доходов» [1].

В России получают финансирование программы федерального характера по охране и укреплению общественного здоровья, развиваются государственные, муниципальные и частные системы здравоохранения, мероприятия, способствующие улучшению здоровья людей, развитию физической культуры и спорта, а также охране окружающей среды. санитарно-эпидемиологическое благополучие [7].

Сокрытие работником фактов и обстоятельств, представляющих угрозу жизни и здоровью человека, подразумевает ответственность по законодательству.

Основными документы в сфере здравоохранения являются следующие нормативно-правовые акты [8]:

– «О медицинском страховании граждан Российской Федерации» №1499-1 от 28 июня 1991 г. с изменениями, внесенными к 1993 г., 1994 г.;

– «Основания законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» № 5487-1 от 22 июля 1993 года с из-

менениями и дополнениями 1993, 1998, 1999 и 2000 гг.;

– «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения № 52-ФЗ от 30 марта 1999 г.

В названных выше документах рассмотрены права граждан, касающиеся здравоохранения и оказания медицинских услуг.

Право граждан на медицинскую и социальную помощь. В случае болезни, инвалидности и в других случаях граждане имеют право на медицинскую и социальную помощь, которая включает профилактику, медицину, диагностику, реабилитацию, протезирование и ортопедические и зубные протезы, а также социальные меры по уходу за больными людьми, инвалиды и инвалиды, включая выплату пособий по временной нетрудоспособности. У всех граждан есть право на получение бесплатной медицинской помощи в различных системах здравоохранения: государственных и муниципальных. Гарантированный объем медицинской помощи предоставляется гражданам в соответствии с государственными гарантийными программами по предоставлению бесплатной медицинской помощи гражданам России.

Основное здравоохранение. Первичная медико-санитарная помощь является основной, доступной и бесплатной для любого вида медицинской помощи гражданина и включает в себя: лечение наиболее распространенных заболеваний, а также травм, отравлений и других неотложных состояний; проведение санитарно-противоэпидемиологических мероприятий, профилактическая медицина при важнейших заболеваниях: санитарно-гигиеническое воспитание; реализация мер по защите семьи, материнства, отцовства и детства. Объем первичной медицинской помощи определяется местной администрацией в соответствии с территориальными программами обязательного медицинского страхования.

Таким образом, регулирование медицинских услуг в нашей стране осуществляется на уровне государства, а правовые документы обозначают круг прав и обязанностей медицинских учреждений и пациентов.

Библиографический список

1. Минаев А.В. Государственная безопасность и стратегическое планирование в Российской Федерации // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2014. – №1 (20). – С. 155-163.

2. Григорьев И.Ю. Медицинское право. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 258 с.

3. Минаев А.В., Королева Е.А. Инновационные технологии в осуществлении правосудия // Администратор суда. – 2019. – №3. – С. 51-53.

4. Плесовский П.А. Роль государства в регулировании рынка медицинских услуг // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008. – №1. – С. 80-91.

5. Минаев А.В., Недвецкая Я.С. Особенности доказывания безденежности договора займа // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – №3. – С. 6-9.

6. Путило Н.В. Законодательство РФ об охране здоровья граждан: на пороге перемен // Журнал российского права. – 2014. – №10. – С. 37.

7. Чепунов О.И. Система органов государственной власти в Российской Федерации: теоретические и конституционно-правовые аспекты: Монография. – М.: Социум, 2010. – 292 с.

8. Шилюк Т.О. Административно-правовое регулирование в области здравоохранения: дисс. канд. юр. наук. – М., 2010. – 232 с.

STATE AND LEGAL REGULATION OF THE MARKET OF MEDICAL SERVICES IN RUSSIA

A.V. Zakharova, *Student*
Supervisor: *A.V. Minaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Khakass State University named after N.F. Katanova
(Russia, Abakan)

Abstract. *This article examines the issues of state and legal regulation of the medical services market, examines the main regulatory documents regulating this market. All citizens have the right to receive free medical care in various health care systems: state and municipal. A guaranteed volume of medical care is provided to citizens in accordance with state guarantee programs for the provision of free medical care to citizens of Russia. Methods of regulation of the market of medical services are considered, the rights of citizens to medical and social assistance are announced.*

Keywords: *state, law, health care, medical services, state regulation, legal regulation of medical services.*

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СРЕДСТВО ГАРАНТИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

А.Ю. Зорькина, *студент*
А.А. Николенко, *студент*
Научный руководитель: *Г.А. Могилевский, канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Новосибирск)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11169

Аннотация. *Статья посвящена раскрытию правовой сущности института представительства в гражданском процессе как правового средства, позволяющего лицу участвовать одновременно в нескольких правоотношениях при отсутствии у него таковой физической возможности. Предпринята попытка охарактеризовать внешнюю и внутреннюю стороны судебного представительства как системы процессуальных правоотношений между представляемым, представителем, судом и иными лицами, участвующими в гражданском судопроизводстве.*

Ключевые слова: *представительство, гражданский процесс, представитель, судебная защита, квалифицированная юридическая помощь.*

Актуальность проблемы института представительства предопределена интенсивным развитием гражданского общества и возрастающими его потребностями в участии во всё большем объеме правоотношений. При возрастающей роли судебной защиты законных прав и интересов как физических, так и юридических лиц возрастает и необходимость в их представительстве третьими лицами для получения более квалифицированной помощи.

Институт представительства уникален в своем роде тем, что выступает правовым средством, позволяющем субъекту права участвовать одновременно в нескольких правоотношениях, не находясь на них физически. Этим самым расширяется правовая активность субъектов.

Согласно ч. 1 ст. 48 ГПК РФ [2], граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей, в соответствии со ст. 54 ГПК РФ представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия (при этом юридические последствия совершаемых представителем действий возлагаются на представляемое лицо).

По мнению Д.Б. Короткова, в самом общем виде под представительством понимается отношение, в рамках которого происходит реализация представителем полученного от представляемого полномочия на совершение от имени представляемого юридических и тесно связанных с ними фактических действий. Соответственно, устойчивая замкнутая совокупность норм, регулирующих такое общественное отношение, именуется институтом представительства [3, с. 106].

В судебном представительстве имеет место процессуальная деятельность одного участника процесса от имени и в интересах другого его участника, совершение/выполнение одним лицом процессуальных действий в пределах предоставленных ему полномочий от имени и в интересах другого лица – представляемого.

Внешней стороной судебного представительства выступают отношения между представителем и судом, регулируемые нормами гражданского процессуального права. Исходя из ч. 1 ст. 48 ГПК РФ, участие в деле судебного представителя в большинстве случаев не препятствует участию в процессе самого представляемого (если речь идет о представительстве дееспособного лица).

Внутренней стороной судебного представительства выступают отношения между представителем и представляемым ли-

цом, которые регулируются нормами материального права.

Также, говоря о судебном представительстве, нужно отметить, что о ст. 48 Конституции РФ [1] закрепила право граждан на получение квалифицированной юридической помощи, вместе с тем, ГПК РФ, устанавливая институт представительства в гражданском процессе, напрямую его с этим конституционным установлением не связывает.

Но есть смысл в том, чтобы понимать судебное представительство еще шире – не только как оказание квалифицированной юридической помощи лицам, участвующим в деле, в осуществлении их процессуальных прав и обязанностей, но и как оказание помощи суду в осуществлении правосудия по гражданским делам.

Поэтому правовую природу судебного представительства следует связывать с гарантированием посредством такого представительства конституционных основ судопроизводства.

Если говорить о значении судебного представительства, нужно, прежде всего, отметить, что право на судебную защиту включает в себя право каждого на обращение с заявлением в суд, с которым тесно связано право доступа к суду, право на рассмотрение дела судом по существу и вынесение судом итогового решения. В данном случае подразумевается юридическая заинтересованность истца в деле, то есть он должен иметь основанное на законе намерение в получении определенного правового результата.

Нередко встает вопрос о представительстве в гражданском процессе, когда к участию в судебном разбирательстве привлекается другое лицо. Выбор представителя, объем предоставляемых ему полномочий, порядок дальнейшего сотрудничества определяются по усмотрению стороны спора представляемого [4, с. 30].

Необходимость привлечения представителя может быть вызвана разными причинами – например, истец или ответчик, понимая сложность предстоящего дела, тот факт, что для участия в судебном процессе необходимы специальные познания в области права, профессиональное рассмотрение сложившейся ситуации юристом для определения стратегии решения возникшей проблемы, настойчивость, опыт, предпочитают обратиться к специалисту, выдав ему доверенность или устно заявив о том в судебном заседании, или же лицу, которое юристом не является, но по какой-то причине вызывает доверие у истца или ответчика.

Также может иметь место отсутствие необходимых временных ресурсов у стороны спора для участия в судебных заседаниях, болезнь, командировка, нежелание сталкиваться лично с другой стороной спора и т.п. (эти причины, побудившие сторону спора привлечь представителя, для суда значения не имеют).

Одновременно представительство способствует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел, что связано с преимущественно профессиональным характером представительства, предполагающим знание представителем норм материального и процессуального права, наличие опыта ведения дел в судах, владение навыками сбора и представления доказательств, качественной подготовки процессуальных документов и т. д. На практике участие в судебном процессе представителя сокращает время, необходимое для рассмотрения дела, снижает вероятность возникновения судебных ошибок при рассмотрении дела (разумеется, при условии профессионализма судебного представителя).

При этом во всех случаях привлечение представителя (в том числе, при сопряженном для доверителя с большими материальными затратами) не означает, что это является залогом для вынесения решения в пользу доверителя. Судом решение будет выноситься на основании всесторонней оценки всех представленных в дело доказательств, исходя из принципа законности. Законность как требование строгого и неуклонного соблюдения и обеспечения выполнения юридических норм выступает как атрибут правового регулирования. Это неотъемлемое свойство любого правового государства.

В целом, можно говорить о существовании сложного гражданского процессу-

ального правоотношения судебного представительства, одним из субъектов которого выступает представитель. Институт судебного представительства является средством гарантирования конституционных основ судопроизводства, поскольку ведение гражданских дел в суде через представителей является важной гарантией обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.10.2020).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Коротков Д.Б. Юридическая природа правоотношения представительства // Legal Concept. – 2016. – №3. – С. 106-111.

4. Момотов В.В. Совершенствование судебного представительства: современный взгляд // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 3. – С. 29-37.

INSTITUT OF REPRESENTATION IN CIVIL PROCESS AS A MEANS OF GUARANTEEING THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF COURT PROCEEDINGS

A.Yu. Zorkina, *Student*
A.A. Nikolemko, *Student*
Supervisor: *G.A. Mogilevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Siberian State Transport University
(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The article is devoted to the disclosure of the legal essence of the institution of representation in the civil process as a legal means, allowing a person to participate simultaneously in several legal relations in the absence of such physical opportunity. An attempt has been made to characterize the external and internal aspects of judicial representation as a system of procedural legal relations between the representative, the representative, the court and others involved in civil proceedings.*

Keywords: *representation, civil procedure, representative, judicial protection, qualified legal assistance.*

О ПРЕСТУПЛЕНЯХ И НАКАЗАНИЯХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Е.Б. Калашникова, *канд. ист. наук, доцент*
М.И. Тимохина, *студент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11170

Аннотация. *В статье рассматривается генезис правовых категорий «преступление» и «наказание». Определяются позиции политико-правовых представителей античной эпохи. В частности, исследуются политико-правовые взгляды Аристотеля и Платона правовых категорий «преступление» и «наказание». Приводится анализ некоторых отечественных уголовных норм, содержащих положения о преступлении и наказании. Проводится сравнительный анализ правовых аспектов античного времени и современности.*

Ключевые слова: *генезис, преступление, наказание, уголовное право, уголовный закон, причинность.*

Развитие общественных отношений, протекающие процессы смены исторических типов общества порождают проблему переоценки большинства понятий и ценностей в различных сферах жизнедеятельности, в частности в уголовно-правовой. Изучение историко-правовой и политической мысли о «преступлении» и «наказании» необходимо для анализа и сопоставления данных категорий в разные исторические периоды с целью определения положительного опыта и дальнейшего совершенствования политико-правовой системы государства.

Генезис института «преступления» берет свое начало далеко в прошлом. Первые упоминания о противоправных деяниях были представлены примерно в V в. до н.э. в правовых взглядах софистов – Протагора, Гиппия, Антифонта и других греческих политико-правовых мыслителей. Основными неправомерными деяниями, согласно политико-правовым учениям указанных представителей Древнего Мира, являлись деяния по государственной измене, растрате. Однако, наибольший интерес к изучению категорий «преступление» и «наказание» проявился в политико-правовых учениях Аристотеля и Платона. Рассмотрим их позиции.

Одной из идей политико-правового мысли Аристотеля было учение о «причинности» вещей [1]. Согласно позиции основателя античной политической науки, для того, чтобы понять сущность какого-либо явления необходимо изучить его «причинность», т.е. образующие данное явление аспекты и начала. Анализ учений Аристотеля показал, что «причинность» – это универсальная категория, способная установить наличие или отсутствие связей между событиями и явлениями, а также применимая в различных областях жизни, в том числе и уголовной.

Теория Аристотеля о «причинности» противоправных деяний нашла свое отражение в современных принципах уголовно-правовой науки. В частности, для того, чтобы определить является ли деяние противоправным, необходимо установить соответствие признаков совершенного деяния с признаками, описанными в диспозиции уголовной нормы, выяснить наступают ли общественно-опасные последствия и, как следствие, назначить наказание.

Аристотель разграничил преступления по причинам их совершения на внешние и внутренние [2]. Внешними причинами совершения преступления являлись те условия, которые прямо не зависели от преступника. Например, происходящие в государстве общественные процессы, понижающий уровень жизни населения, такие как преступность, бедность, взятничество судей. Согласно правовым взглядам Аристотеля, если преступление совершалось

при указанных обстоятельствах, наказание назначалось более мягким, либо не назначалось вовсе. Также мыслитель выделял такие обстоятельства совершения преступления, при которых наказание должно наступить безотлагательно, в частности, совершение преступления повторно, либо «с особой злостью».

Действительно, предложенные философом правовые идеи о преступлениях и наказаниях, являются логически обоснованными и находят свое отражение в современных уголовных нормах. В частности, в отечественном уголовном законе присутствуют нормы, определяющие назначение наказания. Например, ст. ст. 62, 63 УК РФ определяют обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. К отягчающим обстоятельствам законодатель относит такие обстоятельства совершения преступления, как рецидив, особая жестокость, садизм, издевательство и другие, в то время как, перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не содержит положений античного времени.

Обобщая политико-правовые мысли Аристотеля, полагаем, что некоторые аспекты его учения сохранились до настоящего времени.

В свою очередь, критериями преступления, согласно политико-правовой мысли Платона, являлись виновность и характер содеянного. Рассуждая о сущности преступления, его причинах и мотивах Платон основывался на следующих факторах – наличие или отсутствие коварства, жестокости и юношеского легковерия.

Данные аспекты также нашли свое отражение и в отечественном уголовном законодательстве. Уголовный закон определяет преступление как виновное деяние. Данный признак характеризует субъективную сторону преступления и выражается в психическом отношении лица к происходящему. Законодатель закрепляет две формы вины – умышленная и неосторожная, дополнительно обозначая, что не все деяния, совершенные по неосторожности, являются преступлениями.

Мыслитель отмечал, что все преступные деяние должны быть наказуемыми, но, ни одно наказание не должно причинять зло. Согласно политико-правовой мысли Платона, целью наказания является, либо «становление наказуемого лучшим», либо «менее испорченным [3]». Политико-правовая идея Платона о целях наказания за преступление также находит свое отражение в отечественном уголовном законодательстве. Согласно УК РФ наказание не должно наносить моральный и физический вред, поскольку главной целью наказания выступает исправление осужденного и пресечение появления новых противоправных деяний.

Важно отметить, что политико-правовая мысль Платона о том, что каждый противоправный поступок должно быть всегда наказуемым, нашла свое отражение в настоящее время в принципе неотвратимости ответственности, который предполагает, что лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию. Данная норма декларирована в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ [4]. Полагаем, что закрепление данного принципа на законодательном уровне стало основополагающим началом определения принципов действия уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц (глава 2 УК РФ).

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что первые попытки определить закономерности развития правовых институтов преступления и наказания были предприняты еще в античные времена, в частности, в политико-правовых учениях философов и мыслителей Аристотеля и Платона. Некоторые положения и идеи их учений находят свое отражение в современном отечественном уголовном законодательстве.

Библиографический список

1. Соктоев З.Б. Философия Аристотеля и уголовно-правовая причинность // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – №1. – С. 69-71.

2. Беспалько В.Г. Политико-правовая мысль Древнего Востока о преступности и наказуемости поведения монарха // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – №3. – С. 251-256.

3. Лезьер В., Сумачев А. В. Идеи Платона и их рецепция правоохранительной практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – №1 (31). – С. 8-15.

4. Модельный уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) [Электронный ресурс] // «СПС Консультант Плюс» (дата обращения 01.10.2020 г.).

ON CRIMES AND PUNISHMENTS THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

E. B. Kalashnikov, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*
M.I. Timokhina, *Student*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The article examines the genesis of the legal categories "crime" and "punishment". The positions of political and legal representatives of the ancient era are determined. In particular, the article examines the political and legal views of Aristotle and Plato of the legal categories "crime" and "punishment". An analysis of some domestic criminal norms containing provisions on crime and punishment is given. A comparative analysis of the legal aspects of ancient times and modernity is carried out.*

Keywords: *genesis, crime, punishment, criminal law, criminal law, causality.*

КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА – КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Калыбек кызы Замира, *младший научный сотрудник*
Центр политологических исследований и экспертиз Национальной академии наук Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11171

Аннотация. *Каждое государство, где права человека признается, высшей ценностью достаточно много внимания уделяется наиболее нуждающимся в социальной поддержке слоям населения – лицам с ограниченными возможностями здоровья. Одна из основных проблем социальной защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья заключается в недостаточном участии общественности и в целом гражданского общества в решении их проблем. Существующее пренебрежительное, покровительственное отношение со стороны общества, унизительное дискриминационное положение формирует у лиц с ограниченными возможностями здоровья ощущение – обузы для близких, или напротив, эгоцентризм, враждебность, агрессию, зависть.*

В этой статье мы изучили понятие социального государства. Какие статьи в Конституции Кыргызской Республики гарантируют социальную защиту, а также право на труд, право на отдых, государственную защиту семьи и так далее.

Ключевые слова: *социальное государство, социальная политика государства, социальные службы, Конституция, лица с ограниченными возможностями здоровья.*

На сегодняшний день в Кыргызской Республике остро ни хватает исследование соблюдение конституционных прав, основных форм и способов нормативного закрепления основных принципов социальной государственности, а также механизма их конкретизации в отраслевом законодательстве именно лиц с ограниченными возможностями здоровья. То, что в законе отсутствуют определенные стандарты социальной защиты ставит перед правовыми науками задач по выявлению конкретных критерий, которые могли бы позволить определить всю степень конституционности проводимых социально-правовых реформ.

Для начала, нам необходимо определить понятие «социального государства». Социальное государство – это «концепция правительства , в которой государство играет ключевую роль в защите и продвижении экономического и социального благополучия своих граждан. Он всегда основывается на принципах равенства возможностей и справедливого распределения всех благ , а также общественной ответственности за тех кто не может воспользоваться минимальными условиями жизнедеятельности. Другие определения: Социальное государство – это особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий степень защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности [1, с. 15].

Социальное государство – перераспределение национального дохода в пользу социально слабых людей [2, с. 21] и т.д.

Анализируя мнения отечественных ученых, ученых ближнего и дальнего зарубежья в области применения практики конституционного закрепления принципа социального партнерства и его реализации в ряде стран мира констатируется, что «социальным государством может быть только страны с развитой экономикой».

Статья 1 Конституции Кыргызстана говорит о том, что Кыргызская Республика –

социальное государство, а 9 статья – указывает на то, что Кыргызская Республика:

– разрабатывает социальные программы на создание достойных условий жизни;

– поддерживает социально незащищенных категорий граждан;

– развивает систему социальных служб и иные гарантий социальной защиты.

В разделе прав и свобод человека и гражданина 16-20 статьях дается перечень «гарантий социальной защиты» (право на труд, право на отдых, государственная защита семьи, социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей, право на жилище, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, на образование).

Следуя нормам международного права, Конституция устанавливает обязанность государства проводить такую социальную политику, которая гарантировала бы каждому человеку и гражданину в Кыргызской Республике необходимый жизненный уровень. Понятно, что свое материальное благополучие человек должен создавать сам. Однако человек по тем или иным причинам не всегда способен своим трудом содержать себя и свою семью и не всякий может вообще трудиться. Социальная политика должна быть направлена на то, чтобы трудоспособные граждане собственными усилиями достигали материального достатка для себя и своей семьи, а социальную защиту от государства, общества получали лишь те категории граждан, которые обычно в любом обществе признаются социально уязвимыми (инвалиды, старики, дети и т.д.).

В Конституции Кыргызской Республики закреплены направления государства в области социальной политики, которые являются предметом заботы всего общества, перечислим самые основные:

– семья, отцовство, материнство и детство (ст. 36 Конституции Кыргызской Республики);

– гражданам гарантируется социальное обеспечение в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности, потери кормильца. Пенсии, социальная помощь в соответствии с экономическими возможностями государства обеспечивают уровень жизни не ниже установленного законом размера прожиточного минимума (ст. 53 Конституции Кыргызской Республики).

– создание системы, социальных служб занятости, призванных принимать действенные меры по трудоустройству лиц, не имеющих постоянной работы, и выплачивать им в соответствии с действующим законодательством пособия по безработице и т.д.

Приоритетные направления деятельности Кыргызского государства не исчерпывается названными направлениями, а включает и другие виды социальной помощи:

– социальная защита детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

– социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья;

– социальная защита пожилых граждан.

Таким образом, социальная политика Кыргызстана направлена на интегрированный, системный и адресный подход в решении проблем указанных социальных групп, с учетом их потребностей, в том числе и связанных с внедрением новых форм социальной работы и совершенствование стандартов социальной защиты населения. И тем не менее, деятельность государства в социальной сфере пока что не всегда является достаточной и действенной.

В статье 6 Закона Кыргызской Республики «О правах и гарантиях лиц с ограниченными возможностями здоровья» [3] дается понятие «социальной защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья». «Социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья – система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества». Социальная защита – прежде всего, направлена на обеспечение лиц с ограниченными возможностями здоровья

равных с другими гражданами прав. Социальная поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья – это система мер, обеспечивающая социальные гарантии, устанавливаемые законами и иными нормативными правовыми актами.

Основные проблемы в сфере социальной защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья носят правовой и инфраструктурный характер. В частности не в полной мере соблюдается нормы законодательства по вопросам реализации прав лиц с ограниченными возможностями здоровья. Социальное обслуживание – представляет собой деятельность социальных служб по оказанию социально-правовых услуг, материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящийся в трудной жизненной ситуации [4], т.е. участие общества в содержании тех своих членов, которые из-за нетрудоспособности либо некоторых других не зависящих от них причин не имеют достаточных средств к существованию. При этом термин «социальный» означает общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе [5, с. 11], а под обеспечением понимают то, чем обеспечивают кого-нибудь (материальные ценности, деньги), а также предоставление достаточных материальных средств к жизни, снабжение чем-нибудь в нужном количестве [6, с. 374]. Социальное обеспечение как особый социальный институт современного государства является показателем социальной уверенности, социальной гарантией достойного развития каждого члена общества и сохранения источника средств к существованию при наступлении социальных рисков [7, с. 27]. К основным критериям (признакам) социального обеспечения можно отнести следующие:

1) источники финансирования;
2) круг лиц, подлежащих обеспечению;
3) условия предоставления обеспечения;
4) цели предоставления обеспечения.

Конституция Кыргызской Республики признает право каждого гражданина на социальное обеспечение и одновременно возлагает на государство обязанность создавать все необходимые условия для беспрепятственного осуществления этого права. Закрепление в Конституции Кыргызстана гарантий социального обеспечения соответствует положениям международно-правовых актов.

Ст. 53 Конституции Кыргызской республики перечисляет условия, наступление которых является основанием для социального обеспечения: определенные периоды в жизни человека, связанные с возрастом; состояние здоровья либо трудоспособности (болезнь, инвалидность); и выполнение либо невозможность дальнейшего выполнения семейных обязанностей (воспитание детей, потеря кормильца). Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку социальное обеспечение может предоставляться и в иных случаях, установленных законом. Перечень случаев (социальных рисков), с которыми названная конституционная норма связывает право каждого человека на социальное обеспечение, не носит исчерпывающего характера.

Существование и деятельность социального государства тесно связана с такими общественными явлениями, как демократия, гражданское общество, правовое государство, свобода и равенство, права человека. С этой целью охраняется труд и здоровье людей, развивается система социальных служб, устанавливаются пособия и иные гарантии социальной защиты. Т.е. социальное государство возлагает на себя обязанность проявлять заботу о своих гражданах и всячески поддерживать социальную сферу. Особенно актуальным это становится для людей с ограниченной. Таким образом, на первый план для социального государства выходит задача по реабилитации вышеуказанных лиц, создания условий для включения их в полноценную жизнь общества. Особенно рельефно такая недостаточность может проявляться у людей, для которых инвалидность возникла как следствие острого заболевания, травмы, в результате несчастного случая, то есть в условиях неожиданности и внезапности [8].

Таким образом, Кыргызстан как продекларированное в основном законе соци-

альное государство обеспечивает правовой механизм защиты прав и свобод лиц, с ограниченными физическими возможностями, путем выработки реабилитационного подхода к их проблеме, формирования обществом разноплановых интеграционных программ по использованию потенциала, внедрению разнообразных реабилитационных систем и технологий, как на государственном уровне, так и на уровне общественных организаций.

Правовой механизм защиты прав и свобод лиц, с ограниченными физическими возможностями здоровья Кыргызской Республики – как социального государства должен, прежде всего, гарантировать минимально возможное для общества содержание достойной жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья, которые не могут самостоятельно обеспечить себя в соответствии с минимальным стандартом. Социальная защита – это особая деятельность, которая ориентирована, прежде всего, на отдельные категории граждан. Их статус характеризуется тем, что в силу своих физиологических способностей, климатических или особых условий работы, состояния здоровья, возраста и др. особенностей они в условиях жесткой рыночной экономики нуждаются в государственной поддержке. На практике же социальная политика Кыргызской Республики, получив конституционное закрепление, в то же время не соответствует своему содержанию обеспечению достойной жизни и свободного развития человека.

Библиографический список

1. Гончаров Ю.М. Основы социального государства. – Б., 2016. – С. 15.
2. Медушевский А.Н. Социология права. – М., 2015. – С. 21.
3. Закон КР «О правах и гарантиях лиц с ограниченными возможностями здоровья» от 3 апреля 2008 года.
4. Закон КР «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике» от 19 декабря 2001 года №111.
5. Право социального обеспечения России. Учебник. – М., 2004. – С. 11.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1982. – 374 с.
7. Трудовое и социальное право России. – М., 1999. – 27 с.
8. Веденеева Н.В. Социальные аспекты реабилитации инвалидов Российской Федерации. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. – М., 2004.

THE KYRGYZ REPUBLIC AS A LEGAL INSTRUMENT FOR PROTECTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSONS WITH DISABILITIES

Kalybek kyzy Zamira, *Junior Researcher*
Center for Political Science and Expertise of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *Every state where human rights are recognized as the highest value is given a lot of attention to the most in need of social support layers of the population – people with disabilities. One of the main problems of social protection of persons with disabilities is the lack of participation of the public and civil society in general in solving their problems. The existing disdainful, patronizing attitude on the part of society, a humiliating discriminatory position forms in persons with disabilities a feeling – a burden for loved ones, or, on the contrary, egocentrism, hostility, aggression, envy.*

In this article, we have explored the concept of the welfare state. What articles in the Constitution of the Kyrgyz Republic guarantee social protection, as well as the right to work, the right to rest, state protection of the family, and so on.

Keywords: *welfare state, social policy of the state, social services, Constitution, persons with disabilities.*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНЫХ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Калыбек кызы Замира, *младший научный сотрудник*
Центр политологических исследований и экспертиз Национальной академии наук Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11172

Аннотация. *Многие люди рассматривают права человека как набор моральных принципов, применимых ко всем. Права человека также являются частью международного права, содержащегося в договорах и декларациях, в которых прописаны конкретные права, которые страны должны соблюдать. Страны часто включают права человека в свои собственные национальные, государственные и местные законы.*

В этой статье рассматривается проблема недостаточности участия общественных организаций в делах лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также их малого количества в представительных органах государственной власти, что не позволяет в достаточной степени донести их проблемы до законотворческих органов.

Ключевые слова: *инфраструктура, нормативно-правовые акты, личное право, гарантия, доступность, проблема.*

Права человека - это стандарты, которые позволяют всем людям жить в условиях достоинства, свободы, равенства, справедливости и мира. Каждый человек имеет эти права просто потому, что он человек. Они гарантированы каждому, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или другого статуса. Права человека важны для полноценного развития отдельных людей и сообществ.

Личные права человека отражают минимальные стандарты, необходимые для того, чтобы люди жили достойно. Права человека дают людям свободу выбора, как им жить, как они выражать себя, и какое правительство они хотят поддерживать, среди прочего. Права человека также гарантируют людям средства, необходимые для удовлетворения их основных потребностей, такие как еда, жилье и образование, чтобы они могли в полной мере использовать все возможности. Наконец, гарантируя жизнь, свободу, равенство и безопасность, права человека защищают людей от злоупотреблений со стороны более влиятельных людей.

Личные права человека и гражданина выступают фундаментальным началом, всеобъемлющей ценностью, являются важнейшей частью Основного Закона любого государства и имеют характерный статус в нашей легитимной системе [1, с. 102-103].

Понятие «личного права» были изучены такими учеными как: Арабаев А.А. определяет личные права как – важнейшей предпосылкой обязанности государства защищать в полном объеме закрепленные в конституции права и свободы личности [2, с. 120]. М.А. Никифорова подразделяет их на две группы: 1) право на жизнь, на свободу и физическую целостность; 2) другие гражданские права, конкретизирующие первую группу прав [3, с. 282]. Л.Д. Воеводин выделил три группы прав: 1) право на жизнь, на неприкосновенность личности, на честь и достоинство; 2) право, обеспечивающее тайну индивидуальной семейной жизни; 3) свобода мысли, слова, совести [4, с. 192].

Последние данные по численности лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее ЛОВЗ) в Кыргызской Республике только на 2018 год, на это время числилось 181 тыс. человек. Их количество растет каждый год и с 2011 по 2018 год вы-

росло на 21,5%. В Министерстве труда и социального развития Кыргызской Республики говорят, что это связано в первую очередь с демографическим ростом населения. Лица с инвалидностью составляют 3% от всего населения.

ЛОВЗ – это люди которым не хватает услуг и которых по большей части игнорируют в обществе, они живут в изоляции, сегрегации, бедности, благотворительности и даже посредством жалости. Из-за дискриминации они не ходят в общественные места и не могут бесплатно получить те права, которые получает здоровый человек. Они лишены образования и работы.

На сегодняшний день в Кыргызской Республике ЛОВЗ продолжают сталкиваться с препятствиями, которые не позволяют им в полной мере пользоваться своими гражданскими, политическими, экономическими, социальными, культурными правами и правом на развитие. Во многом это связано с неосведомленностью, незнанием и предубеждениями в нашем обществе. Это также связано с тем, что нормативно правовые акты Кыргызской Республики не работают по отношению защиты прав ЛОВЗ.

Государство обязано принимать надлежащие меры для предоставления ЛОВЗ доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей правоспособности. Причем эти меры, связанные с реализацией правоспособности, должны предусматривать надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Прежде всего – это касается обеспечения равных прав ЛОВЗ на владение имуществом и его наследование, на управление собственными финансовыми делами, а также на равный доступ к банковским ссудам, ипотечным кредитам и другим формам финансового кредитования. По своей правовой форме законодательство Кыргызской Республики в отношении ЛОВЗ отвечает идеалам социального государства, но реальное обеспечение гражданских, политических и иных прав ЛОВЗ далеки от необходимого уровня, а в чем-то эти проблемы даже усугубились.

В ныне действующем Законе Кыргызской Республики «О правах и гарантиях лиц с ограниченными возможностями здоровья» [5] в статье 43 декларируется, о том, что органы государственной власти, местные государственные администрации и органы местного самоуправления, юридические лица независимо от форм собственности обязаны создавать условия лицам с ограниченными возможностями здоровья для доступа к жилым, общественным, административным и производственным зданиям, сооружениям и помещениям, местам отдыха и другим культурно-зрелищным учреждениям, а также беспрепятственного пользования общественным транспортом и транспортными коммуникациями, средствами связи и информации, свободной ориентации и передвижения.

В феврале месяце 2019 года музей Гапара Айтиева создали условия для людей с нарушениями зрения. Незрячие и слабовидящие гости галереи смогут «услышать» картины. группа активистов, записали аудиокомментирование к картинам. Всего аудиокомментарии сделали для 113 полотен.

Городские власти установили подъемник для ЛОВЗ в подземном переходе на пересечении проспекта Чуй и улицы Абдрахманова. Который на деле не работает, для того чтобы он заработал нужно вызывать специально на это уполномоченного человека который должен запустить систему. Проще говоря, он недоступен для пользования.

В Кыргызстане нет ни одного кинотеатра который был бы с тифлокомментариями, это единственный шанс незрячих для кинолюбителей познакомиться с репертуаром больших экранов. Фильмы с дополнительной звуковой дорожкой считываются с другого прибора. А слушателям в зале выдают специальные наушники. В них два канала: для слабослышащих и для слабовидящих людей. При этом главная задача этой техники – сделать киносреду доступной для каждого.

В России есть банкоматы с условиями для использования ЛОВЗ. Подсоединив к такому банкомату наушники, незрячий клиент услышит пошаговую инструкцию

по пользованию устройством, «озвученную» речевым синтезатором для платформы Windows. Для того, чтобы подтвердить (или же отменить) операцию, используются кнопки с тактильными знаками Cancel («Отменить»), Clear («Стереть») и Enter («Подтвердить»). Кроме того, все надписи на банкомате даны не только на языке данной страны, но также шрифтом Брайля. В Кыргызстане же нет ни одного банкомата такого образца.

В Бишкеке до сих пор отсутствует достаточное количество озвученных светофоров на улицах, звуковых маячков, которые облегчают ориентацию ЛОВЗ по зрению, существует проблема доступа ЛОВЗ к магазинам, рынкам, банкам, не говоря о наличии высоких пандусов на дорогах.

Основная причиной этого – несовершенство законодательства, учитывающего права ЛОВЗ, поскольку оно носит лишь декларативный характер.

Поэтому органы государственной власти обязаны специально оборудовать все объекты городской инфраструктуры приспособлениями для людей с ограниченными возможностями, в том числе и административные здания. Исследования показывают, что подавляющее большинство людей, в том числе государственных чиновников на местах, ответственных за то, чтобы сделать жизнь таких людей хотя бы сносной, не готовы, прежде всего, психологически к общению с ними. Не готовы потому, что не знают или не хотят знать в полной мере все проблемы ЛОВЗ.

Пропаганда, реализация и надзор за нормативно-правовыми актами ЛОВЗ отсутствуют. Доступность – один из ключевых элементов законов о ЛОВЗ. Из-за ограниченного применения законов о ЛОВЗ, отсутствия национальных стандартов доступности и незнания прав ЛОВЗ законы в отношении доступности в значительной степени игнорируется.

Доступность влечет за собой понимание ее отношения к областям жизни, выходящим за рамки физического окружения. Часто упускается из виду доступ к услугам, информации и коммуникации, которые являются неотъемлемой частью построения безбарьерного общества, а также удовлетворяют потребности в доступности людей с сенсорными, интеллектуальными и психосоциальными нарушениями. Эти аспекты должны быть рассмотрены в наборе дополнительных стандартов.

Одной из основных причин, почему сложно реализовать правовые положения о доступности, является отсутствие стандартов доступности, которые помогут архитекторам, застройщикам при проектировании и реализации строительных проектов.

Цель Стандартов доступности – способствовать улучшению равного доступа для ЛОВЗ, чтобы они могли жить независимо и в полной мере участвовать во всех аспектах жизни.

Для того чтобы согласовать потребности в доступности различных групп, необходимо иметь правильное понимание этих потребностей, которые различаются в зависимости от степени инвалидности.

Люди, пользующиеся инвалидными колясками: многие требования доступности касаются размеров и других аспектов инвалидных колясок. Для полного поворота кресла-коляски необходимо обеспечить беспрепятственный круг с минимальным диаметром 1,50 м.

Люди с затрудненным движением могут пользоваться костылями или палками: следует обращать особое внимание на то, чтобы не допускать разбитых, неровных или наклонных поверхностей пола, а также поверхностей, которые становятся особенно скользкими после дождя, таких как деревянные покрытия, гранит, твердый обожженный кирпич, гравий и т.д.

Следующие аспекты важны для обеспечения возможности самостоятельного передвижения людей, использующих инвалидные коляски и другие вспомогательные устройства:

– Следует избегать изменений уровня.

– Поверхность пола должна быть твердой, ровной и устойчивой к скольжению.

– На лестницах и пандусах должны быть предусмотрены перила.

– Пандусы должны иметь места для отдыха и иметь небольшой уклон вдоль маршрутов движения.

– Дороги должны иметь ограниченный уклон и достаточный радиус поворота.

– Двери должны быть легкими и легко поворачиваемыми, а входы – достаточно широкими.

– Парковочное место должно быть рядом с главным входом.

– Мебель, прилавки, оборудование, розетки и вилки следует размещать на подходящей высоте, доступной для людей, пользующихся инвалидными колясками.

– Поручни должны легко держаться и т.д.

Лица с нарушениями зрения: для слепых и лиц с нарушениями зрения можно облегчить ориентацию за счет использования контрастных цветов и изменения текстуры материала пола. Это помогает слепому распознавать двери, лестницы, ступеньки, пандусы и пешеходные переходы. На проездах следует избегать использования выступающих элементов и низко нависающих знаков. Системы освещения должны соответствовать различным потребностям. Чтобы обеспечить безбарьерную среду для слепых и лиц с нарушениями зрения, физическое окружение должно быть организовано простым и логичным образом. Визуальная информация должна сопровождаться звуковой информацией, поручни должны быть доступны для захвата при использовании лестниц, а пандусы, входы, лестницы и информационные табло должны быть хорошо освещены. Слепым помогает тактильная и слуховая информация. Следовательно, письменная информация должна быть доступна на шрифте Брайля, а визуальная информация должна сопровождаться звуковой информацией.

Люди с нарушениями слуха: люди с нарушениями слуха могут испытывать трудности с различением слов и звуков в шумной обстановке. Поэтому комнаты должны быть акустически изолированы.

Для глухих и лиц с нарушениями слуха должна предоставляться дополнительная визуальная информация, например визуальная информация в аэропортах и на автобусных станциях, а также сигналы тревоги и звонки в лифтах. Следующие элементы дизайна позволят людям, испытывающим эти трудности, получить физический доступ к построенной среде: простой дизайн с четкими и однозначными указателями; использование знаков и досок с изображениями и символами; и разделение массы информации на ряд знаков, которые легче читать и понимать, чем в одном знаке.

Доступность приносит пользу всем, а стандарты обеспечивают безбарьерную среду для всех, включая возможность регулировки от слабого до сильного света. Следует также избегать извилистых лестниц, вертикальных поворотных дверей и боковых дверей.

Таким образом, главной целью социальной реабилитации людей с ограниченной жизнеспособностью является комплексное решение на государственном уровне проблем реабилитации в периоды профилактики, коррекции и непосредственной реабилитации, усилению социальной защищенности граждан, имеющих на это право, и улучшению качества их жизни. Среди проблем правового регулирования в области социальной защиты ЛОВЗ следует выделить проблемы в области: обеспечения доступа к объектам различных инфраструктуры. В этой сфере было принято достаточно большое количество нормативных актов, однако остается проблема неукоснительного соблюдения этих нормативных актов в части доступности для ЛОВЗ.

Для устранения указанных причин представляется необходимым усиление прокурорского и общественного контроля за соблюдением прав ЛОВЗ; качественное улучшение судебной защиты их прав; изменение финансовой политики государства в направлении обеспечения возможно более полной реабилитации и социальной адаптации.

Библиографический список

1. Бродская В.А. Личные права человека и гражданина в РФ: конституционно-правовой аспект // Молодой учёный. – 2019. – №28 (266). – С. 102-103.
2. Арабаев А.А. Конституционное право Кыргызской Республики: Учебное пособие. – Бишкек: КГЮА, 2005. – 120 с.
3. Сравнительное конституционное право. – М., 1996. – 282 с.
4. Воеводин Л.Д. Указ. работа. – 192 с.
5. Закон Кыргызской Республики «О правах и гарантиях лиц с ограниченными возможностями здоровья» от 3 апреля 2008 года №38.

FEATURES OF THE PERSONAL RIGHTS REALIZATION OF PERSONS WITH RESTRICTED HEALTH

Kalybek kyzy Zamira, *Junior Researcher*
Center for Political Science and Expertise of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *Many people view human rights as a set of moral principles that apply to everyone. Human rights are also part of international law, contained in treaties and declarations that set out specific rights that countries must respect. Countries often incorporate human rights into their own national, state and local laws.*

This article examines the problem of insufficient participation of public organizations in the affairs of persons with disabilities, as well as their small number in the representative bodies of state power, which does not allow enough to convey their problems to the law-making bodies.

Keywords: *infrastructure, regulations, personal law, guarantee, availability, problem.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Е.А. Канунникова, *магистрант*
А.В. Лошкарев, *канд. юрид. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11173

Аннотация. *С каждым днем все большую популярность набирают информационные технологии. Современный мир невозможно представить без различных электронных устройств. Информационные технологии внедряются во все сферы жизнедеятельности человека. А вопрос роботизации юристов является в последнее время одним из обсуждаемых. В данной статье рассматривается цифровизация юридической профессии, а именно изучение юриспруденции в эпоху развития информационных технологий.*

Ключевые слова: *цифровизация, Legal Tech, Law Tech, искусственный интеллект, информационные технологии.*

Цифровизация представляет собой глобальное явление, обладающее трансформационным потенциалом. Соответственно право, будучи регулятором отношений, испытывает на себе ее воздействие.

Современная юриспруденция не стоит на месте, и активно развивается в период информатизации. Также все чаще встречается такое понятие как Legal Tech. Оно включает в себя различные правовые базы, программы, технологии с помощью которых юристы могут совершать свои профессиональные действия. Например, благодаря правовым базам данных можно не только увидеть подборку судебной практики, публикаций по определенной теме, но и составить договор [1]. Еще одним развивающимся термином является Law Tech, которое включает в себя не только доступ программам, решениям, инструментам (например, расчет государственной пошлины) потребителей юридических услуг, но и дает возможность получать различного рода юридические консультации.

Когда возникает потребность обратиться с запросом к правовым базам, то поиск ответа на данный запрос осуществляется не вручную, а программным способом, это позволяет облегчить работу юристов и пользователей юридических услуг. В данном случае, таким образом, работает искусственный интеллект.

Определенно, волну беспокойств у юристов вызвали слова президента Сбербанка России Г. Грефа о том, что в результате проникновения информационных технологий во все сферы жизни общества штат крупнейшего банка страны существенно сократится, а часть юридической работы будет выполняться при помощи нейронных сетей.

В Сбербанке автоматизация юридической функции – непрерывный процесс. Робот-юрист это не далекое будущее, а наступившая реальность. Освоение современных IT-технологий и развитие в этом направлении – залог успеха юриста будущего. В правовых отделах сбербанка является обязательным прохождение обучения по искусственному интеллекту, Big Data и digital-навыкам, а некоторые сотрудники правового департамента пошли дальше и уже обучаются программированию на Python [2].

С одной стороны автоматизация процессов юристов в перспективе позволит повысить качество и профессионализм их услуг, а использование машинного обучения и искусственных нейронных сетей – оптимизировать законодательство в части выявления устаревших и дублирующих норм права, коллизий между ними и спорных формулировок в нормативных актах.

В некоторых случаях правовые нормы имеют несколько значений, в том числе в рамках одного законодательного акта, а

также, автоматизация работы судов исключает такой важный аспект как судейское усмотрение.

Известный юрист Михаил Барщевский высказывался о том, что работа юристов может заменяться работой интеллектуальной платформы, но только в той части, в которой юрист выполняет какие-то формализованные функции. А вот работа адвоката по сложным уголовным или гражданским делам требует анализа целого ряда обстоятельств, которые истолковать можно с точки зрения закона и так, и так [3]. Поэтому, все же пока трудно представить, что машина может полностью заменить человека.

На сегодняшний день активно используют перевод нотариальных услуг на блокчейн-платформы. Рассматривая более подробно технологию блокчейна, можно сказать, что она является базой данных, которая обеспечивает распределенное хранение информации, в виде последовательности блоков, касающейся любой сферы жизнедеятельности. Использование таких технологий, предполагает, что основная функция нотариуса будет исполняться вычислительными алгоритмами без человеческого фактора [4].

Информатизация судебных систем ведет к повышению уровня доступности правосудия – чего, к сожалению, пока нельзя сказать о его качестве. Если под качеством понимать сокращение сроков рассмотрения дел, а также иные показатели, тесно связанные с «технической» частью судебного процесса, внедрение современных IT-технологий его существенно повысит. Вместе с тем качество правосудия определяется не только техническими возможностями, но и – в большей мере – человеческим фактором. Исходя из этого, можно заключить, что цифровизация формализует судебные процедуры еще сильнее, правосудие станет «шаблонным».

В кругу определенных категорий дел – таких, например, как приказное производство, констатация нарушений правил дорожного движения с использованием средств видеофиксации, неисполнение финансовых обязательств по договорам, арбитражные дела, рассматриваемые в порядке упрощенного производства, и др., в данных случаях применение цифровых технологий более допустимо. Но в делах, объективная сторона которых уникальна, использование цифры не повысит качество правосудия, а снизит его.

Для качества правосудия цифровые технологии несут существенные риски. В частности, фундаментальное значение имеет вопрос об обеспечении информационной безопасности. Для значительного числа IT-специалистов не составляет труда подменить вложения, направляемые по обычным незащищенным каналам связи. Подделать электронный документ и направить его в суд не представляет сложности. В такой ситуации быстрое электронное правосудие повышает вероятность вынесения неправосудного решения.

И все же, считаем, что переход на электронные ресурсы это необходимая и актуальная потребность, в подтверждении этого выступает 2020 год. Этот год надолго запомнится каждому человеку, потому что весь мир столкнулся с ситуацией, к которой не был готов. В условиях отсутствия правового регулирования и проверенных решений от представителей каждого профессионального сообщества требуются быстрое принятие соответствующих мер, которые позволили бы обеспечить безопасность граждан и вместе с тем минимизировать негативные последствия пандемии COVID-19 и масштабного финансового кризиса, охватившего все государства.

Как отметил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутьераш: «То, что происходит сегодня, – это только первые дни цифровой экономики. Но уже ясно, что она оказывала и будет и далее оказывать глобальное преобразующее воздействие на то, как мы живем, работаем и развиваем нашу экономику» [5].

Подводя итог можно сказать, что не стоит рассматривать автоматизацию юридических процессов как угрозу, ведь в данном формате работают многие отрасли, и например, профессия бухгалтера не исчезла после того как в данной сфере стали применяться бухгалтерские программы для оптимизации процесса. Поэтому, подстраиваясь под цифрофизацию и автома-

тизацию, юристу предстоит обучиться новым технологиям и найти применение для своих профессиональных навыков в современных цифровых условиях.

Библиографический список

1. Рожкова М.А. Онлайн-конференция «развитие legal tech» (Санкт-Петербург, 20 апреля 2020 г.) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – М., 2020. – 104 с.
2. Кондрашов И., Иванов А., Цшайге Х., Пронин А., Серго А., Гаштайер Т., Вашкевич А., Квитко Р., Нестеренко А., Савельев А., Переверзев С., Калятин В., Будылин С. LegalTech и юристы будущего // Закон. – 2017. – №11. – С. 20-36.
3. Бакунин Р.Ю. Актуальные проблемы юриспруденции в эпоху цифровизации // Публикации педагогов. – 2019. – С. 2.
4. Ярков В.В. Нотариат и блокчейн: возможности и перспективы // Вестник гражданского процесса. – 2018. – №1. – С. 16-21.
5. Гутьераш А. Доклад об информационной экономике за 2017 год / Конференция ЮНКТАД IER 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_overview_ru.pdf.

DIGITALIZING THE LEGAL PROFESSION: THREATS AND OPPORTUNITIES

E.A. Kanunnikova, *Graduate Student*
A.V. Loshkarev, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *Information technologies are gaining more and more popularity every day. The modern world cannot be imagined without various electronic devices. Information technologies are being introduced into all spheres of human life. And the question of robotization of lawyers has recently been one of the discussed. This article examines the digitalization of the legal profession, namely the study of jurisprudence in the era of development of information technology.*

Keywords: *digitalization, Legal Tech, Law Tech, artificial intelligence, information technology.*

ФИНАНСОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Э.Р. Каршиева, *магистрант*
Научный руководитель: *И.Р. Аминов, канд. юрид. наук, преподаватель*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11174

Аннотация. *Автор в своей статье раскрывает понятие финансовой ответственности. Изучает признаки финансовой ответственности как меры защиты имущественных интересов государства. Так же автор приходит к выводу, что в настоящее время в научной литературе нет единого перечня признаков финансовой ответственности. Автор приводит различные точки зрения, сравнивает их между собой.*

Ключевые слова: *финансовое право, государственное принуждение, финансовая ответственность, мера защиты, санкции.*

Финансовая ответственность вплоть до настоящего времени имеет ряд различий во мнение ученых авторов финансового права. Так финансовая ответственность в литературе характеризуется как мера государственного принуждения, в то же время, имея различные определения, признаки и содержание.

В.А. Свиридов считает, что «налоговая ответственность представляет собой основанное налогом правонарушения принуждение налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов и иных лиц к выполнению обязанностей путем осуществления уполномоченными органами налогового производства и применения налоговых санкций» [7, с. 175]. «Юридическая ответственность в области валютного законодательства характеризуется как мера, применяемая к нарушителю мер государственного принуждения, которые выражаются в форме организационного или имущественного лишения, предусмотренных нормами валютного законодательства» [3, с. 198].

Саттарова Н.В. пишет: «Финансово правовую ответственность можно определить как применение к нарушителю финансово правовых норм мер государственного принуждения уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера» [6, с. 20].

Одновременно с данным понятием финансовой ответственности, существуют и другие определения.

Довольно часто в учебной и научной литературе финансовая ответственность приравнивается к санкции. Так, авторы учебника финансового права под редакцией М.Н. Рассолова пишут: «Налоговая ответственность – это санкция (мера принуждения) за налоговое правонарушение, предусмотренное главой 16 Налогового кодекса Российской Федерации» [9, с. 16]. Однако, данное определение не раскрывает в полной мере все характеристики финансовой ответственности. «Само наличие санкции не означает ответственности, поскольку санкция существует до ее применения», – подчеркивает А.В. Андреев [1, с. 165].

А.З. Арсланбекова определяет: «финансовая ответственность это охранительное правоотношение» [2, с. 8]. В то же время А.А. Мусаткина не согласна с данным подходом к определению финансовой ответственности и критикует, отмечая, что ученые, которые рассматривают юридическую ответственность как правоотношение, не включают права, а обходятся только включением обязанностей сторон, и тем самым правоотношение становится «неполным». Это объясняется тем, что содержание правоотношений состоит не только из обязанностей сторон, но и корреспондирующих им прав. Если мы рассматриваем финансовую ответственность как соче-

тание материальных и процессуальных правонарушений, то содержание должно включать право правонарушителя на защиту, право на участие переводчика и другие права, гарантирующие объективное рассмотрение дела о финансовом правонарушении. Но такое включение приводит к «растворению» ответственности по совокупности различных правонарушений. Так, А.А. Мусаткина заключает, что финансовая ответственность за правонарушение является признаком финансового правонарушения, это дополнительное финансовое обязательство, обеспечивающееся государственным принуждением к осуждению и ограничениям имущественного или неимущественного характера, реализуемое в защитных правоотношениях финансового права [5, с. 14].

Важно указать, что доктринальное определение финансовой ответственности, можно дать только в том случае, если за финансовым правом будет признана его свойство как отрасли права. Исходя из особенностей предмета финансово правового регулирования и способов правового воздействия на финансовые отношения должны придавать специфику и юридической ответственности, которая применяется к лицам, которые нарушили законодательство в области финансов. В свою очередь, можно отметить, что отсутствие единого финансового права как отрасли права, дает начало для формирования финансово правовой ответственности по институциональному признаку, так это более детальное законодательное оформление и научное осмысление налоговой и бюджетной ответственности.

Обращаясь к особенностям финансовой и юридической ответственности, можно отметить, что ее общими правовыми признаками являются:

а) формальная определенность в виде закрепления в правовых нормах;

б) гарантируется государством;

в) наступление определенных неблагоприятных последствий для правонарушителя;

г) исполнение в процессуальной форме.

Другой перечень признаков можно увидеть у других авторов. Так, Н.В. Сердюкова видит признаки финансово правовой ответственности в следующем виде:

– средство защиты финансового правопорядка;

– установлена нормами финансового права;

– применяется за финансовое правонарушение;

– связано с применением финансово правовых санкций;

– реализует защитные нормы финансовых правоотношений;

– применяется уполномоченными лицами и др. [8, с. 13].

Ю.А. Крохина предлагает иные признаки финансово правовой ответственности, она их делит на материальные, процессуальные и функциональные признаки [4, с. 182].

Материальный признак характеризуют финансовую ответственность как охранительное финансовое правоотношение, включающее два аспекта:

а) установление финансовым законодательством составов финансовых правонарушений и санкций за их совершение. Согласно ст. 2 Налогового кодекса Российской Федерации правовым основанием налоговой ответственности является законодательство о налогах и сборах, регулирующее властные отношения, возникающие в процессе привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Финансовая ответственность соответствует общим правовым принципам юридической ответственности и принципам финансового права. Виновное совершение финансового правонарушения служит основанием, для применения финансовой ответственности. Так же указанная финансовая ответственность за виновное финансовое правонарушение может быть исполнена в добровольном порядке, и в таком случае он не будет связана с порицанием. Важно указать, что привлечение в материально ответственности за финансовое правонарушение не исключает возможности применения иных мер государственного принуждения.

б) определение вида и меры принуждения через защитные финансовые правоотношения. Так, санкции носят дифференцированный характер, носят имущественный характер, выражаются в денежной форме и взыскиваются уполномоченными органами за финансовые правонарушения;

Процессуальные особенности характеризуют механизм реализации материальных охранительных финансовых правоотношений посредством производства по делу о финансовом правонарушении, проводимого компетентным органом в соответствии с положениями финансового законодательства. Финансово правовая ответственность реализуется в специальной процессуальной форме, которая отличается от порядка применения других видов юридической ответственности и состоит из этапов производства по делам о финансовых правонарушениях. Процессуальный порядок привлечения к финансовой ответственности в части, которая является предметом финансового права, осуществляется органами финансового контроля, налоговыми, таможенными органами и т.д.

Функциональные особенности отражают целенаправленность существования и применения финансовой ответственности. Целью финансовой ответственности является, восстановлении нарушенных имущественных интересов государства, наказании виновного и недопущении им совершения новых финансовых правонарушений.

Таким образом, финансовая ответственность – это собирательное понятие, которое является самостоятельной мерой защиты имущественных интересов государства, имеет своих характерные признаки, в содержание которой включаются как обязанности сторон так и их права. Итак, сегодня можно сказать, что финансовая ответственность выполняет необходимую защитную функцию и занимает важное место в финансовых правоотношениях.

Библиографический список

1. Андреев А.В. Финансово правовые санкции: Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1984. – 193 с.
2. Арсланбекова А.З. галоговые санкции в системе мер финансово правовой ответственности: Дисс. … канд. юрид. наук. – Махачкала, 2001. – 179 с.
3. Дорофеев Б.Ю., Земцов Н.Н. и др. Валютное право России. – М.: Норма Инфа-М., 2008. – 240 с.
4. Крохина Ю.А. Финансовое право России. 4-е изд. – М., 2011. – 720 с.
5. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности // Журнал российского права. – 2005. – №10. – С. 112.
6. Саттарова Н.В. Ответственность банков за нарушение обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах: Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2001. – 141 с.
7. Свиридов В.А. Становление налоговой ответственности // Проблемы теории и практики правового регулирования: Сб. тр. Самар. гуманит. Академии. Вып. 7. Самара, 2000.
8. Сердюкова Н.В. Финансово правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие. Автореф. дис. … канд. юр. наук. – Тюмень, 2003. – 26 с.
9. Финансовое право/ под ред. М.Н. Рассолова. – М., 1999. – 444 с.

FINANCIAL RESPONSIBILITY AS A TYPE OF LEGAL RESPONSIBILITY

E.R. Karshieva, *Graduate Student*
Supervisor: *I.R. Aminov, Candidate of Legal Sciences, Teacher*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *The author in his article reveals the concept of financial responsibility. Studies the signs of financial responsibility as a measure to protect the property interests of the state. The author also comes to the conclusion that at present there is no single list of signs of financial responsibility in the scientific literature. The author gives different points of view, compares them with each other.*

Keywords: *financial law, state coercion, financial responsibility, protection measure, sanctions.*

ВРЕМЕННАЯ ОХРАНА ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗЦА: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

М.А. Коваленко, *студент*
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11175

Аннотация. *Рассматриваются вопросы необходимости введения института временной охраны промышленного образца, а также сущность этого правового режима. Анализируется концепция незарегистрированного промышленного образца, действующая в рамках Европейского Союза. Выявляются недостатки, связанные с правовой охраной промышленных образцов одновременно несколькими правовыми режимами – патентным, авторским правом и правом на товарный знак. Изучается зарубежный опыт преодоления этой коллизии.*

Ключевые слова: *временная охрана, промышленный образец, интеллектуальная собственность, незарегистрированный промышленный образец, авторское право.*

Рыночная экономика предусматривает неограниченное количество производителей и товаров, что делает необходимым их индивидуализацию, создание правовых основ добросовестной конкуренции. Такой вид интеллектуальной собственности как промышленный образец позволяет сделать продукцию конкурентоспособной. Пункт 1 ст. 1325 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ) устанавливает, что промышленный образец – это решение вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства [1]. Именно внешние признаки изделия, отвечающие требованиям новизны и оригинальности, охраняются законом. Внешний вид промышленного или кустарно-ремесленного изделия зависит от моды. Как известно, в современное время мода постоянно меняется, поэтому важным критерием правовой охраны является своевременность государственной регистрации.

Административный регламент от 30.10.2015 N 696 предусматривает срок предоставление государственной услуги по государственной регистрации и выдачи патента на промышленный образец равный двадцати месяцам и двум неделям [2]. Вследствие этого возникает возможность нарушения исключительного права заявителя в период осуществления государственной регистрации промышленного образца и утраты актуальности правовой защиты промышленного образца ввиду изменения моды. Отсюда возникает необходимость предоставления временной охраны промышленным образцам.

Для рассмотрения проблемы обратимся к европейскому опыту. Регламент ЕС от 12 декабря 2001 года №6/2002 предоставляет правовую охрану незарегистрированным промышленным образцам, аргументируя это тем, что большое количество промышленных образцов имеет короткий срок жизни, поэтому процедура их регистрации является обременительной. Статья 11 Регламента предусматривает, что правовая охрана незарегистрированного промышленного образца действует в течение трех лет с момента его обнародования. Защита незарегистрированного промышленного образца отвечает интересам малых субъектов экономики, которые таким образом имеют возможность апробировать изделие, выявить его недостатки и его конкурентоспособность на рынке без прохождения долгой и дорогостоящей процедуры. Данный режим правовой охраны защищает правообладателя от копирования интеллектуальной собственности, однако возможно параллельное независимое создание подобного промышленного образца, который так же будет иметь защиту. Статья 21 указывает, что исключительное право на незарегистрированный промыш-

ленный образец охраняется от торговли изделия, в котором воплощен незарегистрированный образец. Отсюда можно констатировать ограниченность исключительного права [3].

В декабре 2018 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]. В нем предусматривается предоставление временной охраны промышленному образцу в период, который начинается со дня публикации сведений о заявке в официальном бюллетене Роспатента до дня публикации сведений о выдаче патента на промышленный образец. Неясным остается, защиту, от каких нарушений будет предоставлять правовой режим временной охраны промышленного образца. В п. 3 ст. 1392 ГК РФ устанавливается, что лица, использовавшие в период действия временной охраны заявленное изобретение, должны выплатить правообладателю денежное вознаграждение после получения ему патента на изобретение. Данная правовая норма по замыслу законодателя должна действовать и в отношении промышленных образцов. В Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.02.2015 г. содержится толкование нормы ст. 1392 ГК РФ, которое указывает на возможность заключение договора между потенциальным патентообладателем и лицом, заинтересованным в использовании технического решения [5]. Вследствие этого можно утверждать, что во время действия временной охраны промышленного образца возможно заключения лицензионных договоров. В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 12 ноября 2015 г. указывается, что доход от использования изобретения в период его временной охраны не считается утраченным и может быть взыскан путем выплаты денежного вознаграждения правообладателю, однако возможность выплаты наступает с момента государственной регистрации патента [6].

Временная охрана ставится в зависимость от государственной регистрации, если же государственная регистрация промышленного образца не состоится, то и невозможно будет защитить исключительное право. Думается, что концепция незарегистрированного промышленного образца в Европейском сообществе является оптимальнее для заявителей, так как снижает не только временные, но и денежные издержки правообладателя на начальном этапе апробации промышленного образца на рынке.

Следует отметить, что внешний вид изделия может охраняться посредством авторского права и права на товарный знак, причем может устанавливаться, как возможность охраны одним институтом или сразу несколькими. Россия придерживается кумулятивного подхода. Однако в виду этого возникают многочисленные коллизии. Примечателен в этом вопросе опыт Индии. В Законе Индии о промышленных образцах исключается двойная охрана внешнего вида изделия и предусматривается патентная система охраны [7].

Преимуществом авторско-правовой охраны внешнего вида является отсутствие процедуры регистрации объекта интеллектуальной собственности. Ст. 1257 ГК РФ устанавливает презумпция авторства лица, чье имя указано на оригинале или экземпляре произведения. Н.В. Иванов считает, что именно авторское право, не предполагающее специальных временных и материальных затрат на возникновение субъективных прав, является наиболее удобным инструментом защиты имущественных интересов в отношении объектов, имеющих непродолжительный цикл использования [8].

Таким образом, думается, что цель принятия упомянутого выше Федерального закона, а именно защита прав модельеров и других лиц, чьи объекты интеллектуальной собственности имеют короткий «жизненный цикл» не будет достигнута. Использование зарубежного опыта, в частности, концепции незарегистрированного промышленного образца, в большей мере позволило бы развитию рынка интеллектуальных объектов. Также недостатком считается отсутствие коллизионных норм о порядке предоставления авторско-правового и патентного способа охраны промышленного образца, что может привести к злоупотреблению правами на данные объекты.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть) четвертая от 18.12.2006 №230-ФЗ // Российская газета. – №289. – 22.12.2006.
2. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71193062.
3. Регламент ЕС от 12 декабря 2001 года №6/2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2569698/
4. Федеральный закон от 27.12.2018 №549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 295. – 29.12.2018.
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.02.2015 № С01-1405/2014 по делу N А56-53642/2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=11105#08616335143340961
6. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.03.2016 N С01-1135/2015 по делу N СИП-422/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=20479#07916976632585886.
7. Еременко В.И. Законодательство Индии об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. – 2015. – №7. – С. 41.
8. Иванов Н.В. Тенденции развития правовой охраны дизайна // Авторское право и смежные права. – 2018. – №8.

TEMPORARY PROTECTION OF AN INDUSTRIAL DESIGN: ISSUES OF LEGAL REGULATION

M.A. Kovalenko, *Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *The article discusses the need to introduce the Institute of temporary protection of an industrial design, as well as the essence of this legal regime. The article analyzes the concept of an unregistered industrial design that operates within the European Union. The article reveals shortcomings related to the legal protection of industrial designs under several legal regimes simultaneously-patent, copyright, and trademark rights. Foreign experience of overcoming this conflict is being studied.*

Keywords: *temporary protection, industrial design, intellectual property, unregistered industrial design, copyright.*

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАСТРОЙЩИКОМ-БАНКРОТОМ ИСКА О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ВОЗВЕДЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ

Д.В. Королева, *канд. юрид. наук, доцент*
Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11176

Аннотация. *В статье предпринята попытка выявить условия применения застройщиком, находящимся в процедуре банкротства, иска о признании права собственности на возведенный им объект недвижимости. В настоящее время в делах о несостоятельности застройщиков данные иски рассматриваются нечасто. В то же время в таких делах о банкротстве основным имуществом довольно часто оказываются недостроенные объекты, фактически отвечающие признакам недвижимости. Разработка обозначенной темы представляется необходимой не только с научно-теоретической точки зрения, но также для увеличения числа банкротных дел, завершающихся более полным удовлетворением требований к должнику.*

Ключевые слова: *банкротство застройщика, иск о признании права собственности, признание права собственности, собственность, способы защиты.*

Иск о признании права собственности, будучи традиционным для вещного права и достаточно распространенным способом защиты субъективного права собственности, может успешно применяться и в других сферах правоприменения. В частности, примечательным является применение указанного иска в целях признания права собственности застройщика, находящегося в процедуре банкротства.

Статья 201.8 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ [1] (далее – Закон о несостоятельности) императивно устанавливает, что с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства в отношении застройщика требования других лиц к застройщику или застройщика к другим лицам о признании наличия или отсутствия права собственности в отношении недвижимого имущества, в том числе объектов незавершенного строительства, рассматриваются только в рамках дела о банкротстве.

Необходимо сразу отметить сложность типизации дел о банкротстве застройщиков, поскольку отличия проявляются как в отношении непосредственно строительства (возводимые объекты могут быть заморожены на разных стадиях строительства от закладки фундамента до фактического завершения строительства без передачи помещений участникам строительства и без оформления документов на эксплуатацию), так и в особенностях конкурсного производства (необходимо принять во внимание такие обстоятельства, как дата введения процедуры банкротства, что влияет на применимое законодательство, характер требований кредиторов, факт передачи конкурсному управляющему документов застройщика либо его отсутствие, и др.). Тем не менее, с учетом анализа судебной практики, постараемся определить условия, при наличии которых следует использовать рассматриваемый иск.

Как справедливо отмечают исследователи, для возникновения права в судебном порядке всегда необходим определенный юридический состав [2].

Необходимыми и обязательными условиями признания права собственности на возведенные объекты недвижимости в рамках дела о банкротстве застройщика является, во-первых, предоставление земельного участка для строительства на законном основании (в соответствии с законодательством, действующим на момент предоставления участка под застройку), а

во-вторых, фактическое возведение объекта строительства [3, 4].

Относительно требований к завершению строительства жилого дома примечательно следующее разъяснение Верховного Суда Российской Федерации.

В Определении Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05 сентября 2019 года дело № А55-36158/2009 [5] указано, что судебные акты по делу, удовлетворяющие требования граждан-дольщиков о признании права собственности на квартиры в доме, строительство которого не завершено, подлежат отмене. Суды исходили из того, что объект незавершенного строительства по закону является недвижимостью, указывали при этом, что возникновение права общей собственности участников строительства предопределяется выполнением ими своих договорных обязательств (оплата стоимости квартир) и защита этого права не может быть поставлена в зависимость от того, завершено строительство или нет. Однако Судебная Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обратила внимание на следующие обстоятельства. В пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [6] указано, что при отсутствии у должника индивидуально-определенной вещи, подлежащей передаче кредитору, последний не вправе требовать отобрания ее у должника. Указанное согласуется со специальными положениями пункта 8 статьи 201.11 Закона о несостоятельности, в соответствии с которым для признания за участником строительства права собственности на квартиру необходимо завершение строительства и получение должником-застройщиком в установленном порядке разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома, то есть фактическое создание квартиры как индивидуально-определенной вещи. В рассматриваемом случае строительство жилого дома не завершено, квартиры как оборотоспособные объекты не существуют.

Следующим условием признания права собственности застройщика на возведенные им объекты недвижимости (часть такого объекта) является отсутствие каких-либо правопритязаний в отношении искомого объекта недвижимости. Весьма распространенно, что застройщик признается несостоятельным при фактическом завершении строительства, не получив разрешение на ввод многоквартирного дома в эксплуатацию. Вопрос о введении процедуры банкротства может длиться достаточно долго, при этом граждане-участники долевого строительства успевают защитить свои интересы посредством признания права собственности на квартиры в таком многоквартирном доме в судах общей юрисдикции (как правило, при наличии актов приема-передачи от застройщика). В последующем данный факт должен учитываться при рассмотрении иска о признании права собственности застройщика в деле о несостоятельности, как дополнительно подтверждающий, с одной стороны, завершение строительства и фактическое начало эксплуатации многоквартирного дома в соответствии с его назначением, с другой стороны, доказывающий невозможность административного разрешения вопроса о судьбе помещений, не переданных участникам строительства до введения процедуры несостоятельности.

На данное обстоятельство, в частности, обращено внимание Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда в Постановлении от 4 сентября 2017 г. по делу № А07-10406/2013 [7]. В указанном случае суды должны принять во внимание исключительность сложившейся ситуации, учитывая, что введение в отношении застройщика конкурсного производства означает отсутствие у него возможности получить разрешение на ввод объекта капитального строительства в эксплуатацию при наличии одновременной обязанности сформировать конкурсную массу, реализовать ее и провести расчеты с кредиторами.

В этой связи уместно привести вывод Т.Ю. Кочетковой о том, что иск о признании права собственности является не только самостоятельным, но «субсидиарным»

способом защиты, когда другие способы защиты не могут быть применены [8]. Следует добавить, что этот субсидиарный характер проявляется и в том, что иск о признании права собственности может применяться в принципе, когда другие способы защиты неприменимы и когда заинтересованное лицо не имеет другой предусмотренной законом возможности зарегистрировать за собой это право.

В настоящее время в делах о несостоятельности застройщиков рассмотренные нами выше иски рассматриваются нечасто. При этом, в делах о банкротстве застройщиков основным имуществом, как правило, оказываются недостроенные объекты, фактически отвечающие признакам недвижимости.

Дальнейшая теоретическая разработка вопроса об условиях признания права собственности на недвижимое имущество за застройщиком в деле о его банкротстве представляется необходимой не только с научно-теоретической точки зрения, но также для увеличения числа банкротных дел, завершающихся более полным удовлетворением требований к должнику.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / Собрание законодательства РФ, 2002. № 43. ст. 4190.

2. Богомолова Н.А., Фирсова Н.В. Приобретение права собственности в силу приобретательной давности: некоторые проблемы // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 49-6. – С. 7.

3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.01.2016 № Ф09-7490/13 по делу стр. № А50-10632/2012 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

4. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 25.04.2013 по делу N А40-81250/09-38-407 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05 сентября 2019 года по делу № А55-36158/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май, 2016.

7. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2017 г. N 18АП-8885/2017, 18АП-8821/2017 по делу № А07-10406/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кочеткова Т.Ю. Место иска о признании права собственности на недвижимое имущество среди вещно-правовых способов защиты // Власть Закона. – 2016. – №4. – С. 215-227.

CONDITIONS OF USING THE ACTION OF DECLARATION OF PROPERTY RIGHTS OF THE CONSTRUCTED OBJECT BY DEVELOPER IN HIS BANKRUPTCY PROCESS.

D.V. Koroleva, *Candidate of Law Sciences, Associate Professor*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

Abstract. *In the article author attempted to reveal conditions of using the action of declaration of property rights of the constructed object by developer in his bankruptcy process. It is not common to use the action of declaration of property rights of the constructed objects in developer`s bankruptcy processes. In the same time in developer`s bankruptcy processes there are cases when the only property developer has is unfinished object, recognized as a real estate. Research into a designated topic is necessary not just because of theoretical needs but aiming to increase the number of bankruptcy cases satisfying claims of the debtor.*

Keywords: *developer`s bankruptcy process, the action of declaration of property rights, declaration of property rights, method of protection.*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ «КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Т.А. Крякина, *студент*
Р.Р. Хаснутдинов, *канд. юрид. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11177

Аннотация. *В данной статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы применения специальных знаний при расследовании «компьютерных преступлений» в условиях цифровизации. Автором предлагается существенно повысить квалификацию лиц, обладающих специальными знаниями (специалистов и экспертов) и работающих с цифровыми следами, а также значительно увеличить информационно-компьютерный элемент в подготовке следователей и дознавателей.*

Ключевые слова: *цифровые следы, компьютерные преступления, цифровые технологии, компьютерно-техническая экспертиза, специалист.*

На сегодняшний день одним из основных направлений развития современного общества, не только в России, но и в зарубежных странах, является всестороннее использование информационно-компьютерных технологий. Именно посредством цифровых технологий происходит развитие подавляющего большинства сфер жизнедеятельности человека (бизнес, коммуникация, СМИ, шоу-бизнес и т.д.). К сожалению, масштабное внедрение данных технологий привело также и к серьезным изменениям в преступной деятельности.

В современный период преступления в области компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) являются не единственными правонарушениями, совершаемыми посредством информационных и компьютерных технологий. К ним относятся также преступления, затрагивающие жизнь и здоровье человека, собственность, общественную безопасность («взлом» компьютерных сетей и распространение «спама», несанкционированная реклама, компьютерная фальсификация и т.д.). Все вышеуказанные виды преступлений, совершаемые с помощью компьютерных программ и систем, объединяют дефиницией «компьютерные преступления» [1]. В связи с этим, указывается особая роль специальных знаний в исследовании судом преступлений, основанных на цифровых технологиях.

В соответствии с ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ следователю предоставляется право производить манипуляции с электронным носителем информации, а также фиксировать данные действия и результаты в протоколе. Основываясь на том, что методика работы с цифровыми следами в настоящее время ещё недостаточно разработана, а значит, требует участие специалиста, возникает вопрос о возможности следователя самостоятельно осуществлять указанные действия.

Однако отметим, что практика указывает на обратное. А именно, неоднократное привлечение следователем специалистов для производства определенных следственных действий. Например, следователем может быть привлечен специалист при необходимости применения специальных знаний в случаях: поиска и открытия файлов, доступных для ограниченного круга лиц [2], обнаружения признаков удаления файлов, реквизитов операций, произведенных с ними [3].

При этом даже во время выбора специалиста у следователей возникают трудности связанные с установлением его компетенции. Из-за отсутствия необходимых знаний в сфере компьютерных технологий, они не имеют представления о техниче-

ских средствах, которые должны быть предоставлены в распоряжение специалиста.

На наш взгляд, для устранения данной проблемы необходимо внедрение в образовательную программу для следователей информационно-компьютерных курсов или проведение профессиональной переквалификации, связанной с применением компьютерных технологий.

Говоря же о специалистах в сфере компьютерных технологий, привлекаемых для производства следственных действий, отсутствует гарантия того, что они обладают профессиональными навыками, необходимыми для ответа на поставленные вопросы в определенной области. К сожалению, на сегодняшний день компетенция специалиста, работающего с цифровыми следами, документально не регламентирована и не систематизирована.

По мнению Россинской Е.Р. для решения данной проблемы необходима разработка единого документа по работе с цифровыми следами [4].

На наш взгляд, разработка и систематизация данного единого документа по работе с цифровыми следами является необходимым элементом для быстрого и качественного раскрытия компьютерных преступлений. И должен включать также реестры специалистов, обладающих необходимыми компетенциями, для следователей и дознавателей.

Главным звеном, имеющим особое значение в раскрытие компьютерных преступлений, является судебная экспертиза, предполагающая использование экспертами современных компьютерных технологий. При этом, несмотря на многолетний процесс формирования и принятие национального стандарта РФ «Судебная компьютерно-техническая экспертиза», данный вид экспертизы до сих пор входит в компетенцию небольшой части государственных судебно-экспертных учреждений.

В последнее десятилетие множественное количество судебных компьютерных экспертиз стало проводиться экспертами-частниками, а также работниками негосударственных судебно-экспертных организаций. В большинстве своем это люди, которые занимаются научной деятельностью и не имеют соответствующего образования и специализации, а значит, могут не осознавать юридические последствия представленных ими заключений.

Так, по уголовному делу в отношении гр. М., который обвинялся по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, следователем была назначена компьютерно-техническая экспертиза. Производство экспертизы было поручено АО «К.». Эксперту были поставлен следующий вопрос: относятся ли работы, которые выполнялись сотрудниками НАО «А.», к виду услуг по обработке информации. Далее в ходе судебного разбирательства было установлено, что АО «К.», не является государственной экспертной организаций. Кроме того, исходя из выписки ЕГРЮЛ, в которой установлено, что данная компания занимается научными исследованиями и производством радионавигационной аппаратуры, суд пришел к выводу, что специализация АО «К.» не относится к сфере компьютерных и информационных технологий. Кроме того, эксперт М.Б., непосредственно производивший экспертизу, является специалистом в области авиаприборостроения, образования и опыта в области юриспруденции и лицензирования не имеет. Таким образом, предоставленное данным экспертом заключение было признано недопустимым и исключено из перечня доказательств [5].

Как видим, в этом проявляется единая для судебных экспертиз проблема организационного плана, заключающаяся в отсутствии устойчивой правовой регламентации деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений, при наличии детально разработанного организационно-правового статуса государственных судебно-экспертных учреждений.

Таким образом, слабая исследованность вопросов информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности является основной причиной отсутствия единого метода в расследовании компьютерных преступлений, а именно в обнаружении и фиксации цифровых следов. Для решения данной проблемы предлагается существенно повысить квалификацию лиц, обладающих специаль-

ными знаниями (специалистов и экспертов) и работающих с цифровыми следами, Данная мера позволит более качественно раскрывать компьютерные преступления, а значит, восстановится баланс между использованием человеческих и технических ресурсов.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / под ред. И.Г. Чекунова. – М.: Московский университет МВД России, 2018. – 106 с.

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2019 по делу № 22-2649/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/court/reshenya (дата обращения 20.09.2020 г.)

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 08.05.2020 по делу № 22-6494/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/court/reshenya (дата обращения 19.09.2020 г.)

4. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – №5. – С. 23-29.

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 03.11.2019 по делу № 22-4229/2019. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://oblsud.orb.sudrf.ru/modules.php607 (дата обращения 19.09.2020 г.)

SOME PROBLEMS OF APPLYING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF «COMPUTER CRIMES» IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

T.A. Kryakina, *Student*
R.R. Khasnutdinov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *This article discusses some problematic issues of applying special knowledge in the investigation of "computer crimes" in the context of digitalization. The author is proposed to significantly improve the skills of persons with special knowledge (specialists and experts) and working with digital traces, as well as significantly increase the information and computer element in the training of investigators and interrogators.*

Keywords: *digital traces, computer crimes, digital technologies, computer-technical expertise, specialist.*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОТПИМИЗАЦИЮ ПРОИЗВОДСТВ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

А.В. Лошкарев, *канд. юрид. наук, доцент*
А.П. Божко, *магистрант*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11178

Аннотация. *Данная работа посвящена изучению влияния цифровых технологий на оптимизацию производств по делам о несостоятельности (банкротстве). Проведен анализ уже внедренных цифровых технологий в указанную процедуру. Указаны на недостатки существующего порядка. Несмотря на положительный опыт внедрения цифровых технологий, внесены предложения по усовершенствованию процедуры банкротства.*

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), цифровые технологии, система межведомственного электронного взаимодействия, арбитражный управляющий.*

Анализ статистических данных о количестве и результатах процедур банкротства за период первого полугодия 2019 года позволяет сделать вывод о том, что эффективность банкротства юридических лиц находится на низком уровне, так как 63% дел были завершены «впустую». Таким образом, КПД банкротства составляет лишь 37% [4]. Показатели эффективности рассматриваемой процедуры, на наш взгляд, возможно повысить и укрепить, внедряя цифровые технологии.

Не вызывает сомнения тот факт, что коммуникация права и экономики представляет собой сложный структурный процесс, характеризуемый взаимовлиянием, реверсными воздействиями [3, с. 37]. Следовательно, развитие цифровых технологий, как одно из составляющих цифровой экономики, находит свое отражение в отдельных институтах права [5, с. 69]. Необходимо отметить, что проблема разумного потребления в работе раскрывается через призму оптимизации процедур несостоятельности посредством внедрения и применения цифровых технологий.

Разделяем позицию Т.П. Шишмаревой о том, что цифровые технологии используются в деле о несостоятельности (банкротстве) на всех стадиях [7, с. 50]. Рост значимости роли цифровых технологий для института несостоятельности подтверждается тем, что в рамках III Международного форума по банкротству обозначенная тема обсуждалась в качестве отдельной панельной дискуссии. Безусловно, следует перечислить основополагающие виды цифровых технологий, фигурирующих в производстве по делу о несостоятельности: возможность представить в арбитражный суд документы в электронной форме, формирование и ведение Единого федерального реестра сведений о банкротстве в электронной форме, ведение реестра требований кредиторов в электронной форме и реализация имущества должника посредством электронных торгов. Использование упомянутых цифровых технологий позволяет обеспечить прозрачность и открытость процедур, применяемых в деле о банкротстве, что в свою очередь, говорит о превалировании концепции «разумного потребления» и оптимизации процессов. Однако стоит отметить, что несмотря на использование цифровых технологий, бумажные носители по-прежнему не вышли из обихода в российской действительности. Так, к примеру, согласно п. 2 Правил ведения реестра арбитражный управляющий ведет реестр на бумажном и электронном носителях, в случае несоответствия записей приоритетом обладают записи на бумажном носителе. Также при подаче документов в суд, несмотря на то, что истец подает их в цифровом виде, помощники судьи распечатывают и подшивают к делу.

Подробнее анализируя возможность оптимизации процессов для лиц, участвующих в деле о банкротстве, или для лиц, участвующих в арбитражном процессе о банкротстве, надлежит упомянуть следующие информационные системы: «Помощник арбитражного управляющего», «СПАРК-Интерфакс», «Bankro.TECH». Каждая из означенных информационных систем обладает уникальным функционалом, призванным автоматизировать процессы (автоматическое составление реестра требований кредиторов, систематизация данных о собраниях кредиторов, выявление конечных бенефициаров), непосредственно связанные с институтом несостоятельности (банкротства).

Другим не менее важным и дискуссионным аспектом влияния цифровых технологий на институт несостоятельности (банкротства) является возможность включения цифровых активов должника в конкурсную массу. На данный момент действующее законодательство не предусматривает отдельного регулирования обозначенной проблемы. В связи с этим, надлежит обратится к материалам релевантной судебно-арбитражной практике.

Прежде всего, стоит обратиться к делу о банкротстве гражданина Ильи Царькова, которое во многом стало предопределяющим для формирования практики по данной категории дел. Девятый Арбитражный Апелляционный Суд Постановлением от 15.05.2018 отправил дело на новое рассмотрение, обязав должника передать финансовому управляющему пароль от криптокошелька с целью дальнейшего пополнения конкурсной массы. Таким образом, была допущена возможность включения криптовалюты в конкурсную массу должника. Развивает обозначенную позицию Арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 15.09.2019, обязуя должника лично в присутствии нотариуса передать финансовому управляющему данные доступа к биткоин-кошельку в машиночитаемом виде на электронном носителе. Однако, следует отметить, что арбитражная практика находится лишь на ранней стадии формирования относительно означенных вопросов.

Главный ресурс, который призваны экономить цифровые технологии – это время. При предоставлении информации между кредитором и должником имеет место быть ситуация, когда в законодательстве закреплена обязанность любого государственного органа предоставить исчерпывающую имеющуюся информацию о должнике арбитражному управляющему, но поскольку арбитражный управляющий не имеет доступа к системе межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ), в электронном виде получить не представляется возможным. Для упрощения взаимодействия необходимо кроме технического сервиса нормативно-правовое регулирования рассмотренного процесса.

Кроме того, специалисты указывают на необходимость и обоснованность проведения собраний комитета кредиторов в электронном формате, аргументируя тем, что в 90% случаев на них ничего не решается. Такая возможность приобретает актуальность на сегодняшний день в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Введение указанного формата потребует внесение изменение в действующее законодательство.

Начальник управления принудительного взыскания и банкротства ПАО Сбербанк Евгений Акимов считает, что ко всему прочему публикация в электронном виде отчетов арбитражными управляющим или даже работа в системе мониторинга могли бы упростить жизнь всем участникам процесса несостоятельности (банкротства) [6].

Согласно информационному письму Банка России от 05.10.2020 № ИН-06-59/144 «Об осуществлении мониторинга информации по счетам клиентов – физических лиц, в отношении которых прекращено производство по делу о банкротстве/ завершена реструктуризация долгов гражданина/ завершена реализация имущества гражданина» [2] кредитным организациям рекомендовано рассмотреть возможность внедрения автоматизированной системы в целях своевременного получения информации о завершении процедуры банкротства граждан для того, что бы восстанав-

ливать доступ клиентов к счетам без задержек. «…Банк России рекомендует кредитным организациям на регулярной основе в целях оперативного и своевременного принятия мер в части снятия ограничений распоряжения денежными средствами осуществлять мониторинг информации о прекращении производства по делу о банкротстве/завершении реструктуризации долгов гражданина/завершении реализации имущества гражданина в отношении клиентов – физических лиц, в том числе рассмотреть возможность внедрения автоматизированной системы, обеспечивающей своевременное получение информации о публикации соответствующих сведений в ЕФРСБ», – указано в письме. Кроме того, Банк России напомнил о том, что в соответствии с п. 3 ст. 213.7 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1] после опубликования сведений о завершении процедуры банкротства в едином федеральном реестре сведений о банкротстве кредиторы и третьи лица, включая кредитные организации, в которых открыты банковский счет и (или) банковский вклад гражданина-должника, считаются извещенными об опубликовании указанных сведений по истечении пяти рабочих дней со дня включения таких сведений в ЕФРСБ, если не доказано иное.

Резюмируя вышесказанное, представляется логичным отметить положительную динамику влияния цифровых технологий на регулирование процедур банкротства. Доступность, прозрачность и эффективность производств по делам о несостоятельности является прямым следствием внедрения цифровых технологий, нацеленных на реализацию концепции оптимизации процесса – «разумного потребления». Однако считаем необходимым внедрить следующие изменения в процедуру банкротства:

– обеспечить возможность включения цифровых активов должника в конкурсную массу, разработав нормативно-правовое регулирование;

– обеспечить доступ арбитражного управляющего к СМЭВ;

– перевести собрания комитета кредиторов в электронный формат;

– внедрить кредитным организациям автоматизированную систему в целях своевременного получения информации о завершении процедуры банкротства граждан.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 06.10.2020).

2. Информационное письмо Банка России от 05.10.2020 № ИН-06-59/144 «Об осуществлении мониторинга информации по счетам клиентов-физических лиц, в отношении которых прекращено производство по делу о банкротстве/завершена реструктуризация долгов гражданина/завершена реализация имущества должника». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/ (дата обращения: 06.10.2020).

3. Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология). – М., 2016. – 256 с.

4. Статистика по делам о банкротстве за первое полугодие 2019 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://долг.рф

5. Михайлов А.В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №11 (96). – С. 68-73.

6. Цифровизация и закон: что действительно упростит процедуру банкротства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lfacademy.ru/sphere/post/cifrovizaciya-i-zakon-chto-deistvitelno-uprostit-proceduru-bankrotstva (дата обращения: 14.10.2020).

7. Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. – 2019. – №3. – С. 5.

INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON OPIMIZATION OF PROCEDURES IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

A.V. Loshkarev, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
A.P. Bozhko, *Graduate Student*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The work is devoted to the study of the impact of digital technologies on the optimization of insolvency (bankruptcy) proceedings. The analysis of the already implemented digital technologies in the specified procedure is carried out. The disadvantages of the existing order are indicated. Despite the positive experience of introducing digital technologies, proposals were made to improve the bankruptcy procedure.*

Keywords: *insolvency (bankruptcy), digital technologies, interdepartmental electronic interaction system, arbitration manager.*

ВОПРОСЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДОВЕРИЯ

А.В. Лошкарев, *канд. юрид. наук, доцент*
Ю.Н. Дыдыгина, *магистрант*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11179

Аннотация. *В статье автор рассматривает вопросы, связанные с возможностью построения цифровой среды доверия отдельных сферах правовой деятельности. Изучается ее применение в рамках осуществления правосудия судами Российской Федерации, обращения граждан за получением различных государственных услуг. Автор рассматривает существующие проблемы, а также возможные перспективы развития цифровой среды доверия в России.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, цифровая среда, арбитражный суд, картотека дел, электронное правосудие, государственные услуги.*

Современный период, когда в Российской Федерации активно развивается цифровая экономика, характеризуется разработкой большого количества различных цифровых технологий, которые пронизывают все без исключения сферы общественной жизни нашей страны.

Как отмечают Р.К. Нурмухаметов и С.С. Торин, основой цифровой экономики являются принципиально новые для российского государства технологии: искусственный интеллект, большие данные, «Интернет вещей», квантовая и постквантовая криптография и т.п. [5, с. 32].

Одним из наиболее актуальных вопросов, связанных с такой цифровизацией является создания цифровой среды доверия, которая выражается в наличии определенных принципов, таких как безопасность и защита данных, их конфиденциальность. Таким образом, можно сказать, что оно также выражается в уверенности пользователей в безопасности персональных данных, которые хранятся на тех или иных цифровых платформах.

В первую очередь необходимо отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных», под персональными данными принято понимать любую информацию, которая прямо или же косвенно относится к определенному физическому лицу (оно в данном случае будет считаться субъектом персональных данных) [2].

Вопросы построения цифровой среды доверия, использования системы электронных технологий очень актуальны для Российской Федерации и их применение началось достаточно давно. Так, например, одним из элементов такой среды может считаться внедрение, как в правовую, так и в экономическую сферу электронной цифровой подписи, создания различных порталов, таких как портал «Госуслуги», ГАС РФ «Правосудие», электронная картотека дел и др.

Все эти платформы хранят в себе колоссальных объем персональных данных об их пользователях, по этой причине в их работе принципы конфиденциальности и информационной безопасности играют очень значимую роль. Как отмечает В.В. Асаул и А.О. Михайлова каждая организация и государство в лице его органов должны регулярно оценивать и совершенствовать состояние информационной безопасности внутри своих баз данных [4, с. 5].

Несмотря на то, что некоторые цифровые технологии уже активно используются российскими гражданами при осуществлении предпринимательской деятельности, получении различных государственных услуг, в процессе осуществления правосудия и др., в настоящее время в нашей стране существует множество проблем,

которые не позволяют гражданам доверять вновь появляющимся цифровым технологиям. К ним можно отнести, например:

– возможность взломов и совершение различных преступных действий в сфере кибербезопасности;

– техническая необработанность многих существующих цифровых платформ и приложений;

– недостаточный уровень просвещения российских граждан о возможностях использования цифровых технологий;

– низкий уровень правовой культуры граждан;

– отсутствие возможности применения Интернет-технологий;

– недоверие граждан к искусственному интеллекту и автоматизации.

Низкий уровень доверия российских граждан к цифровым технологиям продемонстрировало принятие в апреле 2020 года Федерального закона от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москва и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [3]. Принятие данного нормативно-правового акта сопровождалось множеством негативных комментариев о попытке уничтожить личность человека, сосредоточить все персональные данные о российских гражданах в руках государства и государственных органов. Указанный закон в большей степени внедряет использование искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни, допускает возможность контроля документов в области медицинского обслуживания гражданина, устанавливает СНИЛС в качестве сквозного идентификатора личности, позволяет создать единую систему социального обеспечения российских граждан и др.

Принятие данного Федерального закона привело к проведению российскими гражданами, общественными объединениями, представителями СМИ и духовенства онлайн-митинга: «Против цифровой диктатуры, за безопасность частной жизни и государства». Также он получил название митинга против принудительной цифровизации. На онлайн-митинге обсуждались вопросы, связанные с опасностью принятия ФЗ от 24.04.2020 №123-ФЗ, наличия в нем признаков нарушения Конституции РФ, а именно ст. 23 и 24 Конституции, о неприкосновенности частной жизни граждан и недопустимости использования информации о частной жизни гражданина без его согласия [1].

Приведённый пример иллюстрирует, что российское общество в настоящий момент не готово принять масштабных изменений в сфере цифровизации, так как у граждан нет достаточного уровня доверия к цифровым технологиям. Соответственного уровень цифрового доверия необходимо постепенно повышать, и данный процесс в России может достаточно затянуться.

По нашему мнению, для повышения доверия к цифровым технологиям необходимо:

– обеспечить, прежде всего, неприкосновенности частной жизни при работе в различных приложениях и на цифровых платформах в онлайн-режиме;

– защитить пользовательские данные и права потребителей;

– разрабатывать безопасные и надежные приложения, которые были бы защищены от кибервзломов;

– законодательно утвердить использование цифровых подписей;

– развивать электронные технологии в сфере права, например, в нотариате, судебной системе и др.;

– широко внедрять безбумажный документооборот и др.

Помимо всего прочего важно повышать грамотность российских граждан в части использования различных цифровых технологий, мотивировать их переходить на цифровые платформы, бесплатно обучать их пользоваться ими и посвящать граждан в вопросы, связанные с обеспечением безопасности и конфиденциальности данных, которые они передают для использования той или иной платформе.

Таким образом, как показывает практика, без укрепления цифрового доверия и повышения его уровня невозможно полноценно внедрять в российское общество цифровые технологии, которые в ряде западных государств ужа стали обыденным явлением и были приняты западным обществом. В настоящее время российское общество не доверяет цифровым технологиям и отторгает их. В свою очередь, без внедрения таких технологий, не смогут полноценно развиваться экономическая, правовая и иные сферы общественной жизни, поэтому государство должно постепенно двигаться в данном направлении и предпринимать меры по совершенствованию безопасности цифровой среды.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 23.09.2020 г.).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.04.2020) О персональных данных. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 23.09.2020 г.).

3. Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москва и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения 23.09.2020 г.).

4. Асаул В.В., Михайлова А.О. Обеспечение информационной безопасности в условиях формирования цифровой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – №201. – С. 5-10.

5. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 32-38.

THE DIGITAL ENVIRONMENT OF TRUST

A.V. Loshkarev, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Yu.N. Dadykina, *Graduate Student*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *In the article, the author considers issues related to the possibility of building a digital environment in certain areas of legal activity. Its application is being studied in the framework of the administration of justice by the courts of the Russian Federation, as well as citizens' requests for various public services. The author examines the existing problems, as well as possible prospects for the development of the digital environment of trust in Russia.*

Keywords: *digital economy, digital environment, the court of arbitration, filing of cases, electronic justice, government services.*

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

А.В. Лошкарев, *канд. юрид. наук, доцент*
А.Е. Крылова, *магистрант*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11180

Аннотация. *В данной статье исследуется понятие криптовалюты, а также рассматриваются проблемы, которые могут возникнуть при возмещении ущерба, причиненного преступлением с использованием криптовалют. Данная тема актуальна в связи с возросшим уровнем киберпреступности, что происходит в связи с развитием технологий. Большинство операций с криптовалютами не регулируются законодательством Российской Федерации и до последнего времени отсутствовала определенная правовая база для регулирования криптовалюты. В статье исследуется судебная практика по рассмотрению дел в арбитражном и уголовном процессе о взыскании криптовалюты.*

Ключевые слова: *вред, возмещение ущерба, криптовалюта, денежная единица, предмет преступления.*

Одной из основных задач правоохранительной системы и государства в целом является возмещение ущерба. Возмещение материального и морального вреда, причиненного преступлением, используется для восстановления прав и интересов граждан.

Принятие мер для возмещения потерпевшему ущерба, причиненного преступлением, является обязанностью государства (ст. 52 Конституции РФ). Как правило, указанный ущерб компенсируется за счет средств виновного лица. Согласно определению, вред – это последствия преступления, выраженные в причинении какого-либо ущерба законным правам человека (жизни, здоровью, чести, достоинству, имуществу и т. д.) [1]. Согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство должно защищать права и законные интересы потерпевших от преступлений [2]. Граждане могут рассчитывать на компенсацию убытков, понесенных из-за действий виновного лица, на возмещение морального вреда причиненного преступлением. Согласно УПК РФ, установление характера, а также размера ущерба, причиненного потерпевшему, определяется сотрудниками органов предварительного расследования, дознания, прокурором и судом [2] – это указано в п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Указанные органы предпринять всевозможные действия для обеспечения потерпевшего компенсацией за полученный им имущественный ущерб.

Должностные лица правоохранительных органов устанавливают размер причинного ущерба и иного вреда путем проведения экспертиз и истребования иных сведений. После чего, для защиты имущественных интересов потерпевшего и гарантии получения им возмещения вреда, принимают меры для выявления имущества принадлежащего виновному лицу и аресту этого имущества.

В случае совершения преступления группой лиц, или против организаций, необходимо установить вину каждого из группы виновных лиц для возмещения вреда. В некоторых странах существую государственные фонды из которых производится компенсация ущерба. Данная практика имеется в США, Германии, Великобритании, Японии и Австралии.

В ГК РФ указано, что потерпевший, права которого были нарушены, имеет право требовать полного возмещения морального, имущественного, физического вреда причиненного преступлением. В данном случае компенсация вреда осуществляется практически по тем же правилам, что и в гражданских делах [1].

Существует несколько видов вреда нанесенных преступлением:

– Физический вред. К нему относятся, синяки, порезы, ссадины, гематомы, причинение неизлечимых физических травм (ампутация), убийство (ст. ст. 1084-1094 ГК РФ).

– Имущественный ущерб, т.е. ущерб, причинённый любому виду имущества — движимому, не движимому, сюда же относится потеря упущенной выгоды (ст. ст. 42,44 УПК РФ, ст.1064-1083 ГК РФ и отдельные федеральные законы).

– Моральный вред, т.е. ущерб, нанесенный нематериальным и личным не имущественным правам человека. К примеру, потеря близкого человека в результате убийства [1].

Нематериальные блага и права человека указаны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 года №10, к ним относятся жизнь и здоровье человека, деловая репутация, честь и достоинство личности и т.п. [3].

Законодательством РФ гарантировано, что любой ущерб, причиненный преступлением, которым были нарушены права человека должен быть компенсирован материально. Но рассчитывать на возмещение вреда причиненного преступлением можно не всегда. В рамках уголовного судопроизводства не взыскивается причиненный вред, в случае если обвиняемый страдает психическим заболеванием [1].

В случае возмещения ущерба, причиненного преступлением, на стадии предварительного следствия, потерпевший вправе заявить гражданский иск по уголовному делу – согласно ст. 44 УПК РФ [4].

В случае если преступление было совершено с использованием криптовалюты необходимо понимание, каким образом она использовалась.

Криптовалюта – это разновидность цифровой валюты, учёт внутренних расчётных единиц которой обеспечивает децентрализованная платёжная система, которая работает в полностью автоматическом режиме. То есть простыми словами это электронные деньги. Изначально криптовалюта создавалась как денежная единица, для осуществления платежей, и разумно было бы применять к ней аналогию с денежной единицей РФ, то есть рублю, и относится к ней как к денежным средствам, но такая бы позиция пошатнула бы многие экономики государств [5].

Большинство операций с криптовалютами не регулируются законодательством РФ, а также и большинства других государств. В связи с высокими рисками обращения и использования криптовалют, Банк России полагает преждевременным допуск криптовалют к обращению и использованию на территории РФ [6].

До последнего времени отсутствовала определенная правовая база для регулирования криптовалюты. В уголовном праве существовало мнение, что предметом преступлений, закрепленных в главе 21 УК РФ – преступления против собственности, является имущество. При этом понятие предмета посягательства рассматривается в полном соответствии со ст. 128 ГК РФ и считается что криптовалюта не входит в понятие объект гражданских прав, следовательно, не может быть предметом хищений. Ранее суды отмечали, что «криптовалюта» не относится к объектам гражданских прав, тем самым находится вне правового поля на территории Российской Федерации. Так же проблематично было установить принадлежность криптовалюты отдельным пользователям, этому способствует отсутствие контролирующего органа. Сделки с криптовалютой и ее транзакции, не обеспечиваются принудительной силой государства. Вместе с тем постановлением Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 15.05.2018 и постановленим Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 18.04.2019, криптовалюта была признана имуществом, должник в свою очередь был обязан передать конкурсному управляющему доступ к криптокошельку, для включения его в конкурсную массу [7]. По аналогии с этим решением судами в делах о банкротстве биткоин признается иным имуществом и включается в конкурсную массу для расчётов с кредиторами. Что является логичным, так как имуществом могут быть ценные бумаги, акции, денежные средства которые находятся в собственности. Факти-

чески судом признается право лица владеть, пользоваться, распоряжаться содержимым криптокошелька как своим имуществом, совершать в отношении него любые действия, не запрещенные законодательством и не нарушающие права других лиц. Указанные полномочия, аналогичны полномочиям собственника (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ, ст. 209 ГК РФ). В то же время Центробанк, прокуратура и следственные органы определяют криптовалюту как денежный суррогат. Согласно Федеральному закону от 10.07.2002 № 86-ФЗ на территории России нельзя выпускать и использовать при совершении сделок, денежные суррогаты [8]. На основании этого против людей, пользующихся биткоинами, возбуждались уголовные дела. Из вышеизложенного следует, что хищение криптовалюты является преступлением и подлежит квалификации с учетом иных элементов составов преступлений и может квалифицироваться по ст. ст. 158, 159, 160, 162 УК РФ и т.д. Что актуально в наши дни так как, с развитием технологий растет и количество киберпреступлений, с помощью вредоносных компьютерных программ и хакерских атак преступники могут совершить хищение криптовалюты с обменника. Также имеется приговор от 30.06.2020 Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-95/2020, по обвинению Петра Пирона и Евгения Пригожина. По фабуле обвинения, фигурантам удалось получить денежные средства в сумме 5 млн рублей, и криптовалюту, стоимость которой на дату совершения преступления составляла свыше 50 млн. рублей. При рассмотрении гражданского иска судом были удовлетворены требования потерпевшего только в части возмещения ущерба в сумме 5 млн рублей. В части возмещения ущерба причиненного хищением криптовалюты суд отказал, ссылаясь на положения положений ст. 209 ГК РФ, ст. 128 ГК РФ, ст. 158 УК РФ, указав, что в связи с отсутствием правового статуса признать криптовалюту объектом гражданского права не представляется возможным, данный вид виртуальных денежных средств не подпадает ни под одну из категорий, не является признанным средством платежным средством в РФ, законодателем отнесена к суррогатам денежных средств, следовательно, криптовалюта не может являться предметом преступления против собственности. Указав при этом, что потерпевший не лишен права потребовать возмещения ущерба в рамках гражданского судопроизводства [9].

До последнего времени криптовалюта в России оставалась за пределами рамок правового поля, определение цифровых активов как «запрещённых» или «разрешённых» носило ситуативный характер. Чаще всего применялась аналогия закона и права, что является одним из способов преодоления пробелов в законодательстве, то есть ранее принятое правовое основание каким либо из судов, применялось в дальнейшем при рассмотрении уголовных дел. Решение суда по любому из дел обязано иметь правовое основание. 22.07.2020 г. Государственной Думой был принят закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данным законом определено понятие криптовалюты, но запрещается ее использование в России для оплаты товаров и услуг. Также запрещается реклама способов платежа цифровыми деньгами. Данный закон вступает в силу 01.01.2021 г. Согласно этому закону, цифровая валюта – это электронные данные, содержащиеся в информационной системе, которые могут использоваться в качестве средства платежа, при этом они не являются денежной единицей какого-либо государства. В данном случае лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, отсутствует [10]. Председатель комитета Гос. Думы по финансовому рынку Анатолий Аксаков пояснил, что криптовалюта определяется как цифровой код, который используется как средство платежа и средство сбережений, как инвестиция. Но использовать ее для оплаты товаров и услуг в России запрещается. По смыслу законопроекта цифровая валюта признается имуществом, но не цифровыми правами, что может потребовать изменений в Гражданский кодекс. Оборот криптовалют в новой редакции ре-

гулируется ст. 14 законопроекта. Поскольку цифровая валюта будет признана имуществом, то следовательно при возмещении ущерба на нее будут распространятся нормы ГК и УПК РФ регулирующие имущественные отношения [11].

Библиографический список

1. Острикова Л.К. Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12. – С. 113-115.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».
4. Анисимов А.Г., Цыреторов А.И. Проблемы реального возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. – 2019. – № 5. – С. 164-167.
5. Максуров А.А. Криптовалюта как экономико-правовая категория // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 26-30.
6. Информация Банка России от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // Вестник Банка России. – 2017. – № 80.
7. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://ras.arbitr.ru/
8. Федеральный закон от 10.07.2002 №86-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020).
9. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://spbvedomosti.ru/news/incident/v-peterburge-vymogateli-kriptovalyuty-poluchili-18-let-kolonii-na-dvoikh/
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
11. Кочанова Т. Закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций. Чего ожидать простым гражданам? // Жилищное право. – 2020. – №7. – С. 80-86.

COMPENSATION FOR CRIME DAMAGE WITH THE USE OF CRYPTOCURRENCY

A.V. Loshkarev, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
A.E. Krylova, *Graduate Student*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *This article explores the concept of cryptocurrency, and also examines the problems that may arise when compensating for damage caused by a crime using cryptocurrencies. This topic is relevant in connection with the increased level of cybercrime, which is happening in connection with the development of technology. Most transactions with cryptocurrencies are not regulated by the legislation of the Russian Federation and until recently there was no specific legal framework for the regulation of cryptocurrency. The article examines the judicial practice on the consideration of cases in arbitration and criminal proceedings on the recovery of cryptocurrency.*

Keywords: *harm, compensation for damage, cryptocurrency, currency, subject of crime.*

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА КРИПТОВАЛЮТУ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА

А.В. Лошкарев, *канд. юрид. наук, доцент*
Ю.В. Кузьмичева, *магистрант*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11181

Аннотация. *Статья посвящена проблеме обращения взыскания на электронные денежные средства и криптовалюту. Рассматривается правовое регулирование, правовой статус данных объектов, анализируется судебная практика по данной проблематике. Авторами делается вывод об отсутствии законодательно урегулированного механизма обращения взыскания на криптовалюту. Делаются предложения по введению специального правового регулирования по вопросам обращения взыскания на данные объекты.*

Ключевые слова: *электронные денежные средства, криптовалюта, имущество, исполнительное производство, цифровые права.*

В настоящее время развитие цифровой экономики в России становится все интенсивнее. Разрабатываются и активно используются в гражданском обороте электронные сервисы, платежные системы и электронные денежные средства, широко используются цифровые права. Однако до конца не решенным остается вопрос правового статуса и соответствующего правового регулирования данных институтов.

Первые попытки правового регулирования в отношении электронных платежных систем были предприняты российским законодателем еще в 2011 году. Так, 27 июня 2011 года был принят Федеральный закон «О национальной платежной системе» №161-ФЗ, который определил основы национальной платежной системы, статус участников данных правоотношений, порядок осуществления платежных операций и иные аспекты [1]. В связи с этим в настоящее время в России уже сформирована устойчивая судебная практика по обращению взыскания на денежные средства, которые обращаются с платежных системах «QIWI.Кошелек», «Яндекс.Деньги», «PayPal», «WebMoney», и пр. [2]. Тем не менее, российское законодательство об исполнительном производстве до сих пор не закрепляет надлежащие правовые инструменты для приведения таких актов в исполнение. Более того, сами судебные приставы-исполнители не владеют специальными знаниями и надлежащим техническим оснащением для осуществления принудительного взыскания на такие объекты [3].

Более сложным образом обстоит ситуация с правовым регулированием криптовалюты в Российской Федерации. Долгое время правовой статус данного объекта не был определен в российском праве. В связи с этим российская судебная практика по-разному подходила к решению этого вопроса. Первым признал криптовалюту в качестве имущества Девятый Арбитражный апелляционный суд при рассмотрении дела № 124668/2017 о банкротстве. Так, суд определил криптовалюту в качестве имущества должника и включил ее в конкурсную массу [4]. Однако практика такого признания не является единообразной. Как правило, суды ясно определяют, что исходя из толкования статьи 128 ГК РФ криптовалюта не может быть признана имуществом, и отказывают истцам в требованиях о ее возврате и о выплате неосновательного обогащения. Также судами указывается, что правам на криптовалюту не может быть предоставлена судебная защита, в том числе, потому что сама природа криптовалюты не может быть определена как актив, информация, имущество и пр. [5]. Также, уже Арбитражный суд Поволжского округа при рассмотрении дела № А57-21957/2017 в Постановлении

от 18.10.2018 года указал на то, что криптовалюта не только не является имуществом, но и невозможно достоверно определить ее принадлежность конкретному лицу [6]. В других же случаях, оценивая имущественное положение должника, судами принимается довод о платежеспособности лица на основании подтверждения факта владения последним криптовалютой [7].

Активный оборот криптовалюты, неопределенность ее правового статуса, неоднозначная судебная практика – все это лишний раз подтверждало необходимость в правовом регулировании данного института.

Последние несколько лет активно разрабатывался закон, посвященный вопросам правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. При этом изначально российский законодатель сознательно не удалял внимание правовому статусу криптовалюты на уровне данного нормативно-правового акта. Международная организация Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег – ФАВТ (Financial Action Task Force, FATF) в марте 2019 года предъявила к России особое предписание до конца 2019 года разработать и принять отдельный нормативно-правовой акт, посвященный правовому регулированию обращения криптовалюты в Российской Федерации [8]. Однако российский законодатель исполнил данное предписание лишь посредством включения отдельных положений о криптовалюте в итоговый Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259). Так, данный закон определяет цифровую валюту – криптовалюту – как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением отдельных случаев, прямо предусмотренных в ФЗ № 259 [9].

Согласно положениям данного закона, нормы которого вступают в силу с 1 января 2021 года, оборот криптовалюты в России будет иметь ограниченный характер. Так, положения части 5 статьи 14 данного закона накладывают на определенный круг лиц запрет по приему криптовалюты в качестве оплаты за передаваемые по договору товары, оказываемые услуги и выполняемые работы. К таким субъектам относятся российские юридические лица, филиалы, представительства, иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, а также организации и объединения, обладающие гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица, фактически находящиеся на территории Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Также судебная защита цифровых прав данных лиц гарантируется им лишь в случае предоставления информации об обладании цифровой валютой и совершении с ней гражданско-правовых сделок в порядке, установленном налоговом законодательством Российской Федерации.

При этом распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве средства платежа также запрещается, что устанавливается частью 7 статьи 14 ФЗ № 259. Не разрешенными остаются вопросы организации выпуска, выпуск и обращение цифровой валюты в Российской Федерации, поскольку согласно положениям данного закона их надлежит рассматривать в соответствии с будущим специально-правовым регулированием.

Важно отметь, что согласно положениям данного закона статус криптовалюты как имущества устанавливается лишь для антикоррупционного, исполнительного законодательства и законодательства о банкротстве.

По итогу анализа данных нововведений отметим, что Федеральный закон № 259-ФЗ вносит некую ясность в понятийно-категориальный аппарат, устанавливает основы правового регулирования данного института, однако этих положений недостаточно для определения осуществления взыскания на криптовалюту как на имущество. До настоящего времени российское законодательство не содержит норм, регулирующих осуществление принудительного взыскания на криптовалюту. Например, сложной представляется процедура обнаружения данного имущества судебными приставами-исполнтелями. В соответствии с положениями Федерального закона № 259-ФЗ устанавливается обязанность лица по декларированию данных о владении криптовалютой, однако даже при наличии таких сведений о ее наличии у должника механизм фактического обнаружения и изьятия данного имущества не разработан. Помимо этого, не определен порядок ареста, оценки и реализации такого имущества. Очевидным представляется и то, что для осуществления принудительного взыскания на криптовалюту необходимо не только специальное техническое оснащение, программное обеспечение, но также и определенный уровень специальной технической подготовки самих судебных приставов-исполнителей.

Несмотря на формирование неоднозначной судебной практики, в которой судами криптовалюта также и признается в качестве имущества должника, на которое возможно осуществление взыскания, в современном российском праве совершенно отсутствуют механизмы приведения таких актов в исполнение. Взыскателям остается надеяться лишь на добровольное исполнение должниками своих обязательств, в противном случае права взыскателей остаются незащищенными, что препятствует реализации их конституционного права на судебную защиту.

В связи с вышеизложенным возможно сделать вывод о том, что действующее российское законодательство об исполнительном производстве не способно определить процедуру обращения взыскания на криптовалюту как на имущество и обеспечить восстановление нарушенных прав должников. На наш взгляд, данную проблему возможно решить лишь путем разработки специального правового регулирования в рамках законодательства об исполнительном производстве и принятия отдельного нормативно-правового акта, посвященного обращению взыскания на электронные денежные средства и цифровые права. На уровне данного акта необходимо определить понятие и сущность данных институтов, адаптировать процедуру обращения взыскания на данные объекты с учетом их особенностей и специфики правового регулирования. Также особое внимание необходимо уделить вопросу принудительного обращения взыскания, разработать дополнительные механизмы обеспечительных мер для данных объектов. На наш взгляд, крайне важным является и разрешение кадрового вопроса о подготовке квалифицированных специалистов и предоставления им технического оснащения для таких исполнительных производств. В противном случае принимаемые судебные акты так и будут оставаться неисполенными, а существующие правовые нормы будут иметь лишь декларативный характер.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г. N 27 ст. 3872.

2. Волкова Н.А., Юскаев Р.Р. Проблемы обращения взыскания на денежные средства в электронном виде // В сборнике: Инновационные внедрения в области юриспруденции сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 25.

3. Ельчанинова Н.Б. Правовые проблемы обращения взыскания на электронные денежные средства должника // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 12 (102). – С. 76.

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017 // СПС Гарант.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. по делу № А40-164942/2019 // СПС Гарант.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 N Ф06-38270/2018 по делу N А57-21957/2017 // СПС Гарант.
7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 декабря 2019 г. по делу № А60-54471/2017 // СПС Гарант.
8. «Закон об использовании криптовалют в России должны принять до конца года» – интернет-портал РБК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/5c908a509a7947119e76825d (дата обращения 14.09.2020 г.).
9. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. N 31 (часть I) ст. 5018.

TO THE QUESTION OF FORECLOSURE ON CRYPTOCURRENCY AND ELECTRONIC MONEY

A.V. Loshkarev, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Y.V. Kuzmicheva, *Graduate Student*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *The article is devoted to the problem of foreclosure on electronic money and cryptocurrency. Are examines legal regulation, the legal status of these objects, analyzes judicial practice on this issue. The authors conclude that there is no legally regulated mechanism for levying foreclosure on cryptocurrency. Proposals are being made for the introduction of special legal regulation on the issues of foreclosure on these objects.*

Keywords: *electronic money, cryptocurrency, property, enforcement proceedings, digital rights.*

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ

А.Х. Маликова, *д-р юрид. наук, профессор*
О.Н. Гостева, *магистрант*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11183

Аннотация. *В статье изучена история трудовых отношений в России, исследован процесс становления трудового права в качестве самостоятельной отрасли в результате экономического развития, связанного с ростом промышленности и необходимости законодательного регулирования положения работников, занятых в промышленном производстве, рассмотрены основные этапы развития законодательства о труде, эволюция методов правового воздействия, обусловленных экономическими и политическими факторами, основополагающих начал (принципов), лежащих в основе правового регулирования трудовых отношений на современном этапе развития общества и государства, тенденции и перспективы отрасли в условиях глобализации мирового хозяйства. Методологической базой является аксиологический подход, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, принципы научности, объективности, анализ событий в их взаимосвязи и конкретно-исторической обусловленности.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, трудовое право, государственная служба, история, государство и право, принципы права, метод, источники трудового права, политические условия.*

Обращение к истории становления и развития трудового права в настоящее время вызвано рядом факторов:

– во-первых, перестройка, происходившая в России, внесла серьезные коррективы в экономику, социальные устои, политическую ситуацию в стране, что прямо сказалось на содержании трудового законодательства;

– во-вторых, в настоящее время усилилось влияние международного законодательства на внутригосударственное законодательство [1], наблюдается внедрение мировых стандартов в национальное право отдельных государств;

– в-третьих, вобрав в себя нормы советского трудового права, многие страны ушли вперед в законодательном регулировании трудовых отношений по сравнению с Россией и их опыт нуждается в рассмотрении;

– в-четвертых, в настоящее время возникла необходимость определиться каким должно быть российское трудовое право, как сделать так, что бы его нормы были не просто закрепленными в законодательстве, но и реально действовали в жизни, исходя из социальной значимости трудового права.

История государственной службы России берет начало с давних времен становления государственности на Руси, когда закладывались основы государственного управления и госслужбы. Она неразрывно связана с созданием русского централизованного государства, целостность и функционирование которого в сложных геополитических условиях во многом обусловливались службой всех социальных групп (сословий).

В истории государственной службы можно выделить четыре периода, хронологические границы которых приблизительно соответствуют рубежам веков:

XVII в. – завершение становления государственной службы как особой сферы профессиональной деятельности, создание и развитие приказной системы, превращение поручений «приказов» в более или менее устойчивые должности;

XVIII в. – кардинальное изменение принципов организации государственной службы на основе Табели о рангах;

XIX в. – расцвет бюрократического государства, совершенствование государственной машины;

XX в. – советский период, возникновение советской номенклатуры.

Киевская Русь не знала служебной повинности. Княжеская дружина состояла из лиц, добровольно поступивших на службу и остававшихся на ней, пока им это было выгодно. «Муж», явившийся к князю, не подчинился правилам служебной дисциплины. Его переход к другому князю был правом, признававшимся договорными грамотами князей. Еще дореволюционные юристы и историки отмечали, что дружина, составленная из таких лиц, ничем не напоминала дисциплинированного чиновничества позднейшего времени. Более того, по важным вопросам управления великий князь советовался с наиболее авторитетными дружинниками. Объединение княжеств Северо-Восточной Руси под властью московского князя оказало серьезное влияние на служилое сословие. Чем раньше владельцы уделов переходили на положение великокняжеских слуг, тем более почетные места на службе они получали. При распределении государственных должностей великий князь стремился гарантировать привилегированное положение и прямым потомкам своих слуг. При этом. правда, предполагалось безусловное подчинение московскому князю. Законы XVI–XVII вв. точно определяли, какую службу должен был нести каждый служилый человек. Уклонение от нее строго каралось. Например, в Соборном уложении 1649 г. сказано: за первый побег с государственной службы бить кнутом, за второй – то же с уменьшением в два раза поместного оклада.

С изменением юридического положения служилого сословия претерпевал изменение и характер службы. Она становилась повинностью, отбываемой государю и государству. Однако особой сферой профессиональной деятельности государственная служба стала в ходе реформ Петра Великого, прежде всего с появлением Генерального регламента (1720) и Табели о рангах (1722).

Конец XVII – начало XVIII в. характеризуется переходом от службы государю к государственной службе. В начале XVIII в. завершается продолжавшееся в течение предыдущего столетия превращение отдельных поручений – приказов верховной власти в постоянные должности. Эти перемены законодательно закреплены 24 января 1722 г. Табелью о рангах. Приняв Табель о рангах, законодатель почти на два века запустил механизм формирования личного состава государственного аппарата. Законодательный акт состоял из самой Табели и 19 пунктов. Табель делилась на 14 классов: в каждом классе выделялись воинские, статские и придворные чины, а воинские, в свою очередь, делились на сухопутные, гвардию, артиллерийские и морские. В первоначальном виде этот документ устанавливал не иерархию чинов (как впоследствии), а иерархию должностей. В течение второй четверти XVIII в. Табель о рангах выступала как регулятор государственной службы.

Россия вступила в XIX в. с такой организацией власти, которая уже не отвечала требованиям времени. Огромной империей невозможно было руководить из одной царской резиденции. Следует подчеркнуть, что инициаторы административных реформ начала XIX в. прекрасно отдавали себе отчет в том, что успехи в государственных преобразованиях будут прямо связаны с существенным улучшением организации государственной службы, качественными изменениями в составе российского чиновничества. Острая потребность в кадрах вынудила самодержавие Указом от 3 декабря 1808 г. допустить на канцелярские должности лиц «податных званий» (кроме крепостных); Указ от 14 августа 1811 г. открыл им дорогу в министерские департаменты, Указ от 12 января 1812 г. – на службу в учебные заведения. Незадолго до этого, в 1809 г. Александром I был подписан Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» (действовал до 1834 г.). В

преамбуле документа отмечалось, что главной причиной низкой образованности чиновников стала возможность «достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службы».

Наиболее серьезные изменения в организации государственной службы произошли в период царствования Николая I. Важным шагом в организации государственной службы стали кодификация соответствующего законодательства и подготовка Свода законов о службе гражданской, составившего 3-й том Свода законов Российской империи. Свод был подготовлен к 1832 г., а уже спустя два года в его развитие Николай I подписал «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе». Предусматривалось разделение лиц, имевших по закону право на работу в государственном аппарате, на три разряда:

1) окончившие курс наук в высших учебных заведениях;

2) окончившие курс наук в средних учебных заведениях;

3) «не имеющие аттестатов ни тех, ни других из означенных учебных заведений».

При этом подчеркивалось, что по всем ведомствам гражданской службы чиновники «определяются к местам не иначе, как сообразно чину каждого». К началу XX в. в России была сформирована правовая основа государственной службы.

После Октябрьской революции 1917 года складывающаяся веками русская государственная служба была практически уничтожена. Теоретические представления руководства победившей в России большевистской партии о судьбах старого государственного аппарата и чиновничества логически вытекали из марксистско-ленинского учения о государстве вообще и социалистическом в частности. Отличительной чертой последнего должно было стать самоуправление трудящихся. Первоначально предполагалось сломать старый буржуазный государственный аппарат «до основанья», в новый аппарат привлечь сначала большинство, а затем «поголовно» всех трудящихся. Как считал В.И. Ленин, чиновничество постепенно можно будет свести на нет, так как в государстве нового типа все трудящиеся смогут временно побывать в роли бюрократа, но никто не сможет «стать бюрократом»: все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял. Советская власть первыми же своими декретами разрушила дореволюционную правовую базу государственной службы. Слова «чиновник» и «бюрократ», перейдя в разряд ругательств, стали употребляться в одном контексте. В первое время служба регулировалась отдельными разрозненными актами, а 21 декабря 1922 года были приняты Временные правила о службе в государственных учреждениях и на предприятиях. Сначала они действовали на территории РФ, затем и всего государства. С приходом Советской власти начинается новый период регулирования отношений в сфере труда. На смену договорному определению условий труда приходит централизованное регулирование трудовых отношений путем издания декретов и законов. Именно, в этот период формируется трудовое право, как самостоятельная отрасль права.

Трудовое право, как и всякая отрасль права, имеет свою систему норм, то есть определенную их группировку, последовательность расположения в структуре отрасли. Предметом и целью системы отрасли является построение самого здания трудового законодательства, создание логической структуры расположения внутри отрасли его норм.

В теории права метод трудового права признается одним из основных дифференцирующих критериев обособления определенного комплекса общественных отношений и характеризуется следующими отличительными чертами:

– договорным характером труда и установления условий труда;

– своеобразием взаимодействия между субъектами трудовых отношений, действующих на началах юридического равенства и подчиненности;

– сочетанием централизованного и локального, государственного и договорного регулирования труда;

– особыми способами поддержания и обеспечения реализации трудоправовых связей, применением специфических средств согласования интересов и особых видов ответственности (санкций) работников и работодателей, их представителей.

Он представляет собой целенаправленное воздействие на трудовые отношения с помощью правовых (юридических) средств и выражается в следующих признаках:

– в характере выражения прав и обязанностей;

– в юридически общем положении участников трудовых правоотношений;

– в своеобразии возникновения, изменения и прекращения трудовых правоотношений;

– в способах защиты прав и средствах обеспечения обязанностей сторонами трудовых правоотношений.

Система отрасли трудового права делится на две части: общую и особенную. В общую входят нормы, распространяющиеся на все общественные отношения трудового права, нормы, определяющие основные принципы и задачи правового регулирования, основные трудовые права и обязанности работников, недействительность условий договора, ухудшающих положение работников, разграничение компетенции РФ, ее субъектов и органов местного самоуправления по правовому регулированию труда. К общей части трудового права относятся нормы Конституции РФ – определяющие основные права граждан по вопросам труда, нормы общих положений раздела 1 ТК РФ и других российских законов по названным вопросам. Особенная часть строится по институтам отрасли (однородным группам правовых норм) и касается регулирования правоотношений в сфере труда.

Система науки трудового права имеет предмет, который выходит за рамки российского законодательства. Наука изучает как российское, так и зарубежное законодательство, историю развития норм. В предмет науки также входит развитие методов регулирования, источников, субъектов, системы правоотношений трудового права и перспективы развития. Как предмет правового регулирования, государственная служба представляет собой комплекс служебных и организационных правоотношений. Эти правоотношения имеют сложный состав, не являются однородными, не совпадают по содержанию, различаются по субъектам и основаниям возникновения.

Правовая природа этих отношений также различна. В системе служебных правоотношений выделяются служебно-трудовые отношения, являющиеся по своей природе отношениями по поводу применения труда, которые складываются в процессе профессиональной деятельности государственных служащих, и государственно-служебные правоотношения, являющиеся публично-правовыми связями государственных служащих с государством, посредством которых определяется государственно-служебный статус служащих и их место в системе служебной иерархии, в государственном аппарате.

Социально-служебные правоотношения складываются по поводу распределения социальных благ и услуг, в связи с предоставлением государственным служащим социальных гарантий при прохождении службы. Организационные правоотношения в сфере государственной службы складываются в связи с необходимостью разделения и кооперации труда в государственном аппарате, управления трудом государственных служащих, по поводу организации совместной профессиональной деятельности государственных служащих, а также организации их социальной защиты.

Основные цели и задачи реформирования системы государственной службы Российской Федерации были сформулированы в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации в 2001 году (далее – Концепция).

В процессе реформирования государственной службы была сформирована государственная гражданская служба как вид государственной службы, выстроена система федеральной государственной гражданской службы и государственной граж-

данской службы субъектов Российской Федерации, закреплены принципы взаимосвязи государственной гражданской службы и муниципальной службы, начато преобразование военной службы, разработаны предложения по формированию правовых основ правоохранительной службы.

Важным этапом реформирования государственной службы стало принятие в 2003 году Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», в 2004 году Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В 2007 году принят Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации».

В целях реализации федеральных законов о государственной службе были изданы нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Определены новые подходы к формированию кадрового состава государственной гражданской службы, введен конкурсный отбор на вакантные должности государственной гражданской службы и конкретизированы квалификационные требования к государственным гражданским служащим, обеспечивается участие независимых экспертов в аттестационных, конкурсных комиссиях и в комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов на государственной гражданской службе.

В настоящее время трудовое право активно развивается в направлении исследования международных правовых стандартов в области труда. Выросшее в нашей стране, трудовое право шагнуло за ее пределы, развилось не только во внутригосударственном, но и в мировом масштабе. В современных условиях наблюдается унифицирующее воздействие международно-правового регулирования труда, международная трудовая миграция, универсализация механизмов признания и защиты трудовых прав и свобод, что привело к сближению национальных систем трудового права различных стран, имплементации в национальное право международных конвенций. Поэтому в современном трудовом праве появилось два новых направления – это международно-правовое регулирование труда и сравнительное правоведение. Они позволяют выявить мировые тенденции в развитии трудовых стандартов, положительный опыт зарубежных стран и оценить трудовое право России в свете международных стандартов и зарубежного опыта правового регулирования труда.

Трудовое право, как социально значимая отрасль права, прошло длительный процесс развития, обслуживая экономические и политические потребности нашей страны, формируя человеческое сознание от обязанности трудиться к свободе труда, помогая создавать фундамент для формирования бюджета и пенсионных накоплений, решая вопросы, прямо влияющие на стабильность государства и доверия власти.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги:

1. Социально ориентированное трудовое право начало активно развиваться после 1917 года, что было связано, прежде всего, со строительством государства, где основной ценностью объявлялся «трудящийся». Трудовое право, как молодая отрасль права, не могла не вобрать в себя самые передовые идеи в области защиты прав человека. Впервые в мире появился КЗоТ РСФСР в 1918 году в России.

2. В современном понимании трудовое право впервые в мире возникло в России. Опасения социальных потрясений вынудили западные государства и в своем законодательстве пойти на определенные уступки рабочему классу. В настоящее время наблюдается повышение авторитета международных трудовых стандартов, многие из которых вобрали в себя общепризнанные нормы и принципы, закрепившие цивилизационные ценности в области прав человека, выработанные человечеством и добытые им в нелегкой борьбе (например, в ходе Великой Французской буржуазной революции, Английской буржуазной революции, социалистической революции в России и т.д.).

3. Трудовое право, как социально значимая отрасль права, прошло длительный процесс развития, обслуживая экономиче-

ские и политические потребности нашей страны, формируя человеческое сознание от обязанности трудиться к свободе труда, помогая создавать фундамент для формирования бюджета и пенсионных накоплений, решая вопросы, прямо влияющие на стабильность государства и доверия власти. В целом следует выделить следующие этапы развития трудового права в России: досоветский, характеризующийся зарождением трудового права и формированием его отдельных институтов; советский, который следует назвать как этап становления кодифицированного трудового законодательства и эволюции институтов трудового права; третий этап постсоветский (период перестройки и современного состояния формирования рыночной экономики), на котором вместе с преемственностью сложившихся подходов к регулированию трудовых отношений, широко используются ратифицированные международные правовые акты и опыт зарубежных стран.

4. В настоящее время исследования в области трудовых отношений необходимы в силу возросшей значимости регулирования процесса труда. Трудовое право – социально значимая отрасль права. Стабильность власти напрямую зависит от стабильности трудовых норм и уровня контроля за их соблюдением. Любой перекос в трудовой политике может привести к социальному взрыву, особенно в экономически нестабильном обществе.

5. Выросшее в нашей стране, трудовое право шагнуло за ее пределы, развилось не только во внутригосударственном, но и в мировом масштабе. В современных условиях наблюдается унифицирующее воздействие международно-правового регулирования труда, международная трудовая миграция, универсализация механизмов признания и защиты трудовых прав и свобод, что привело к сближению национальных систем трудового права различных стран, имплементации в национальное право международных конвенций. Поэтому в современном трудовом праве появилось два новых направления – это международно-правовое регулирование труда и сравнительное правоведение. Они позволяют выявить мировые тенденции в развитии трудовых стандартов, положительный опыт зарубежных стран и оценить трудовое право России в свете международных стандартов и зарубежного опыта правового регулирования труда. Российскому трудовому праву есть к чему стремиться, ведь по числу ратифицированных Конвенций МОТ Россия занимает среднее место – 57. С одной стороны, Испания (105), Франция (97), Италия (91), Норвегия (89), Нидерланды (81), Финляндия (80), Польша (76), Уругвай (75), Швеция (75) и т.д., а с другой – Япония (39), Индия (37), Турция (36), США (12) и т.д.

6. Сравнительно-правовые исследования трудового права России и зарубежных стран позволяют увидеть своеобразие российской национальной системы регулирования труда, сопоставить ее с трудовым правом зарубежных стран, выделить сходства и различия, показать ее соотношение с международно-правовыми стандартами, разработанными человечеством в XX веке. В свете зарубежного опыта встает вопрос о необходимости, например, решения пробельных вопросов, как – то предотвращение сексуального домогательства в целях обеспечения равенства в сфере труда; разработка положений о профессиональном подборе при трудоустройстве в целях ограничения произвола работодателей; запрет понуждения работников работодателем к увольнению по собственному желанию и т.д. Восприятие отдельных норм современного законодательства, не противоречащих доктрине российского трудового законодательства и ратифицированным международным конвенциям, например, французского трудового законодательства, которое в настоящее время считается модельным, было бы полезным в современной рыночной модели экономики для развития современного социально ориентированного российского трудового права.

Изучение истории правового регулирования трудовых отношений в России позволяет сделать вывод, что сформировавшись на основе социалистических принципов всеобщности и обязательности труда, советское право оказало существенное влияние на зарубежное законодательство.

Сегодня российское право под влиянием либеральных ценностей провозгласило принцип свободы труда, наблюдается обратная тенденция, как то: унифицирующее воздействие международно-правового регулирования труда, международная трудовая миграция, универсализация механизмов признания и защиты трудовых прав и свобод, имплементации в национальное право международных конвенций.

Библиографический список

1. Маликова А.Х. Влияние пандемии на актуальность поправки о международных нормах в Конституцию Российской Федерации // Международная и межрегиональная интеграция в условиях пандемии: экономические, социокультурные и правовые проблемы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, 25 июня 2020 года / редколлегия: С.И. Ашмарина, А.В. Павлова (ответственные редакторы) [и др.]; Самарский государственный экономический университет. – Самара: Изд-во СГЭУ, 2020. – С. 497-500.

2. Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. – М., 1918. – 225 с.

3. Хрестоматия по истории СССР. – М., 1949. Т. 2. С. 629-631.

4. ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 5. № 3013.

5. Громан В. В. Устав о промышленном труде (Св. Зак. т. XI ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1-228 и 541-597). Петроград, издание юридического книжного склада «Право», 1915 г.

6. ПСЗ. Т. 26. № 27479.

7. Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. – М.: Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2006. – 240 с.

8. Рабочее движение в 1917 году. – М.; Л., 1926. – 371 с.

9. СУ РСФСР. 1923. № 24. ст. 288.

10. Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. – М, 2001. – С. 119-120.

11. СУ РСФСР. 1917. 2-е издание. № 1. ст. 10

12. СУ РСФСР. 1918. № 15. ст.215.

13. СУ РСФСР. 1920. № 8, ст. 49.

14. Популярный политический словарь. – Ленинград: Рабочее издательство «Прибой», 1925. – 432 с.

15. СУ РСФСР. 1922. № 70. ст. 903.

16. СЗ СССР. 1927. № 61. ст. 613.

17. Киселев И. Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. Учебник. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.

18. СП СССР. 1941. № 4. ст. 63.

19. Ведомости ВС СССР. 1945. №.37.

HISTORY AND METHODOLOGY OF LEGAL REGULATION OF LABOR IN THE CIVIL SERVICE IN RUSSIA

A.H. Malikova, *Doctor of Legal Sciences, Professor*
O.N. Gosteva, *Graduate Student*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *The article examines the history of labor relations in Russia, examines the process of formation of labor law as an independent industry as a result of economic development associated with the growth of industry and the need for legislative regulation of the situation of employees engaged in industrial production, examines the main stages of development of labor legislation, the evolution of methods of legal influence due to economic and political factors, underlying the legal regulation of labor relations at the present stage of development of society and the state, trends and prospects of the industry in the globalized world economy. The methodological basis is the axiological approach, comparative legal and historical-legal methods, the principles of science, objectivity, analysis of events in their relationship and specific historical conditionality.*

Keywords: *legal regulation, labor law, civil service, history, state and law, principles of law, method, sources of labor law, political conditions.*

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ СЕГОДНЯ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕЕ РАЗВИТИЯ В БУДУЩЕМ

А.Х. Маликова, *д-р юрид. наук, профессор*
Ю.А. Кавкаева, *магистрант*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11184

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается состояние юридической науки на сегодняшний день, анализируются причины и проявления кризисного состояния юридической науки, а также пути выхода из данного состояния.*

Ключевые слова: *юридическая наука, кризис юридической науки, перспективы развития юридической науки, субъективизм власти, механизм воздействия, Федеральное Собрание Российской Федерации.*

Для объективного осмысления правовых изменений в современных реалиях общественной жизни юридическая наука сегодня требует изучения системы теоретических представлений о ней, методологии научного познания права и правовых явлений, исследования прошлого, анализа настоящего, а также изучения перспектив развития в будущем. Являясь ярким примером сложности процесса становления, юридическая наука на сегодняшний день, по мнению одних ученых, находится в кризисном состоянии, по мнению других, не стоит на месте, разрабатывая новые идеи и отвечая общественно-политическим потребностям общества.

Так, сторонниками кризиса юридической науки являются следующие ученые-юристы: В.В. Лазарев, который указывает на то, что в настоящее время юридическая наука превращается в «служанку власть предержащих» [1], американский юрист Г.Д. Берман, отмечающий, что в развитии права общим для многих стран, включая Россию, является становление права субъективным, настроенным в большей степени на удобства, нежели чем на мораль [2], В.Д. Зорькин, который пишет: «Право рушится. Рушится стремительно» [3], Розин В.М. связывает кризис с тем, что российская юридическая наука настроена на устаревшую марксистскую философию и устаревшие методологию и знания [4].

Ключевым проявлением кризисного состояния юридической науки является субъективизм власти. В таких условиях создание правового государства видится весьма затруднительным, а зависимость правовой системы от власти и изменение законодательства, носящее политический или технический характер, как раз-таки понятны. Право все чаще рассматривается как специальный инструмент политической и экономической элиты, о котором уже нельзя сказать как о явлении, не привязанном к конкретному государству.

Отсутствие у юридической науки выраженных механизмов воздействия на практику, а как следствие отсутствие практической направленности юридической науки, выступают в роли еще одного фактора, указывающего на кризисное состояние юридической науки [5]. Однако, стоит отметить, что рассмотрение юридической науки через призму анализа лишь практических результатов не всегда видится верным, ведь любая наука имеет сложившиеся гипотезы и теории, а невостребованность результатов исследований и недоказанность каких-либо предположений текущей практикой, как показывает история, не может служить основанием для отказа в научном статусе [6].

Одним из главных аргументов, подтверждающих позицию вышеуказанных юристов, можно назвать застой и консервативность как юридической науки в целом, так и ее отраслей в частности. Действительно, в настоящее время юридическая наука характеризуется огромным количе-

ством научных исследований и работ, однако принципиально важным является то, что среди них практически отсутствуют новые изыскания, разработки и предложения по совершенствованию законодательства. В настоящий момент большая часть научных работ представляет собой изучение и комментирование уже существующих исследований и умозаключений. Так, П.П. Баранов в своих работах, изучая проблему недоброкачественных научных исследований, обращает внимание на то, что 90% всех диссертаций, написанных чиновниками, являются работами по юридическим наукам, а среди них зачастую встречаются низкокачественные диссертационные работы.

Следующим тезисом в пользу того, что юридическая наука переживает кризис, является высказывание экс-депутата Госдумы, экономиста, политического деятеля Виктора Шейниса, который в интервью сравнил Федеральное собрание с «печатным станком» [7]. Действительно, в последнее время Федеральное собрание стремительно принимает огромное количество законодательных актов, не затрачивая на это необходимое количество времени. В силу этого участились ситуации, когда по только что принятому Закону спустя небольшой промежуток времени вносятся изменения. Огромное количество вносимых поправок, изменений и дополнений – не столько показатель быстро меняющегося мира, сколько яркий пример отсутствия научно разработанных целей в стратегии развития законодательства и отсутствия продуманной работы по его реформированию.

Ряд ученых обращает внимание и на то, что юридическая наука уже на протяжении достаточно длительного времени не может принять конструктивное решение по вопросам, которые остро стоят в современной жизни людей. Например, в вопросе определения момента юридической смерти организма, смертной казни, клонирования, определения родительских прав при суррогатном материнстве, а также внедрении прогрессивного налогообложения [8], месте международного права в национальной правовой системе [9] и многие другие.

На сегодняшний день существует большое количество точек зрения по вопросу выхода юридической науки из кризиса. Обобщая плюрализм мнений, можно сказать, что в целом идея развития юридической науки в дальнейшем сводится к двум основным направлениям. Так, согласно первому – ее развитие может продолжаться в существующих границах, без изменения основных структурных элементов, согласно второму – юридическую науку необходимо реформировать путем смены основных парадигм и понятий, что возможно только в результате выдвижения новых идей [10]. Какой путь развития выберет юридическая наука покажет время.

Стоит отметить, что на сегодняшний день юридическая наука испытывает сложности в определении пути дальнейшего развития, не отвечает запросам современности, требует формирования объективной правовой методологии, научной доктрины, а также выбора базовых мировоззренческих ориентиров и принципов для осуществления выхода юридической науки из кризиса.

Библиографический список

1. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. – 2013. – №2. – С. 181-191.

2. Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – 624 с.

3. Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибает, то мир окажется у края бездны // Российская газета. 2014. 12 марта.

4. Розин В.М. Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ. – М., 2001. – 217 с.

5. Баранов П.П. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений // Гуманитарий юга России. – 2015. – С. 151.

6. Тарасов Н.Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотнесение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. – 2012. – №3. – С. 19-25.

7. Вандышева О. Плюсы и минусы российского парламента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://expert.ru/2013/12/12/plyusyi-i-minusyi-rossijskogo-parlamenta/ (дата обращения: 27.10.2020).

8. Маликова А.Х. Влияние бюджетно-финансовой политики на проблемы обеспечения достойной жизни // Развитие рынка труда на современном этапе социально-экономических преобразований: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции – Пенза: РИО ПГАУ, 2020. – С. 52-55.

9. Маликова А.Х. Влияние пандемии на актуальность поправки о международных нормах в Конституцию Российской Федерации // Международная и межрегиональная интеграция в условиях пандемии: экономические, социокультурные и правовые проблемы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, 25 июня 2020 года / редколлегия: С.И. Ашмарина, А.В. Павлова (ответственные редакторы) [и др.]; Самарский государственный экономический университет. – Самара: Изд-во СГЭУ, 2020. – С. 497-500.

10. Пучков О.А. Роль антропологического знания в оценке правовых теорий // Вестник Удмуртского ун-та. Экономика и право. – 2011. – Вып. 2. – С. 119-124.

TO THE QUESTION OF RUSSIAN JURIDICAL SCIENCE TODAY AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT IN THE FUTURE

A.Kh. Malikova, *Doctor of Legal Sciences, Professor*
Yu.A. Kavkaeva, *Graduate Student*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *This article examines the state of legal science today, analyzes the causes and manifestations of the crisis state of legal science, as well as the ways out of this state.*

Keywords: *legal science, crisis of legal science, prospects for the development of legal science, subjectivism of power, mechanism of influence, Federal Assembly of the Russian Federation.*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «САМОРЕГУЛИРУЕМАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А.Х. Маликова, *д-р юрид. наук, профессор*
В.Э. Мовсесян, *студент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11185

Аннотация. *В статье рассматриваются предпосылки возникновения понятия саморегулируемая организация. Рассмотрены основные подходы института саморегулируемых организаций. Приведена нормативно-правовая база и статус СРО в законодательстве Российской Федерации. Приведены основные признаки и черты, отличающие данный тип профессионального сообщества. Определена основная роль государства и его взаимосвязь с саморегулируемой организацией. Предложено определение СРО как объединение предпринимателей по интересам.*

Ключевые слова: *саморегулируемая организация, судебная реформа, статус СРО, предпринимательская деятельность, предпринимательское право, саморегулирование.*

Понятие саморегулирования в российской юридической науке можно рассматривать как основу принципа демократических реформ и трансформаций. Грамотное теоретико-правовое обеспечение саморегулирования, одним из свойств которого является самостоятельность в регулировании деятельности хозяйствующих субъектов, для успешной бюджетно-финансовой деятельности государства очевидно [1].

Международное академическое сообщество (преимущественно западное) использует термин «профессиональные ассоциации» для описания некоммерческих организаций, созданных группой профессионалов, которые самостоятельно регулируют свою деятельность. В этом контексте термин «профессиональная ассоциация» не может применяться к какой-либо организации, которая решит работать под этим именем. Это организация, которая служит для формального или неформального объединения людей определенной профессии, чтобы определить условия, при которых они могут работать в выбранной ими области [2].

Для сопоставления сущности СРО с международным принятым понятием, очень важно учитывать российские реалии, а именно то, что в нашей стране механизмы профессионального саморегулирования находятся на ранних стадиях развития.

Проблема определения саморегулируемых организаций возникла еще несколько лет назад. Саморегулирование на тот момент рассматривалось преимущественно как важный аспект правовых институтов, таких как адвокатура и объединение адвокатов. 1864 год был ознаменован годом проведения правовой реформы, где адвокатуру представили, как самоуправляющуюся организацию. Примером саморегулирующей организации можно назвать, организованную в 1870 году, Московскую биржу, роль которой состояла в отстаивании интересов биржевого общества перед государственными и социальными корпорациями [3].

В 20 веке вопрос о саморегулировании возник в конце 90-х, когда потребовалась законодательная трактовка принципов деятельности участников рынка ценных бумаг и оценщиков. В 2001 году был заложен указанный принцип в Федеральный закон «Об инвестиционных фондах». Здесь идет речь о разрешении ведения деятельности акционерных инвестиционных фондов (рассматриваемых как «саморегулируемые организации») на основе специальной лицензии [4].

Закон «О саморегулируемых организациях», вступивший в силу еще 1 декабря

2007 года трактует понятие саморегулирования как самостоятельную и инициативную деятельность, осуществляемую субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой является стандартизация процессов управления и регулирования указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований предъявляемых стандартов и правил [5].

Государство в данной модели предполагает делегирование некоторых функций контроля и отраслевого регулирования в пользу СРО, при этом сохраняя функцию надзора за поведением участников рынка.

Вопрос легитимного регулирования сфер деятельности экономических агентов и определенных рынков определяет роль государства как механизма, берущего на себя ответственность в сфере надзора и контроля за участниками процесса. Здесь же саморегулирование мы можем определить и как институт гражданского общества, ключевой ролью которого является ориентация стандартов на потребителя.

С одной стороны, СРО представляет собой производственную единицу, которая связывает трудящихся единой отрасли, то есть – независимый профессиональный союз, с другой стороны, осуществляет деятельность в полном соответствии с законодательными нормами, определенными государственными органами власти. Таким образом, возникает парадокс в определении сущности саморегулирования в юридической науке.

В 1995 году понятие саморегулируемая организация было закреплено в указе Федеральной комиссии ценных бумаг и рынка акционерного капитала. Данный документ определял СРО как добровольные некоммерческие предприятия, образованные профессиональными членами биржи ценных бумаг и работающие согласно законам Российской Федерации [6].

Саморегулируемые организации в российской юридической науке являются новым витком в профессиональном регулировании. Лишь небольшая их часть может играть значительную роль в обеспечении профессионального контроля (представление профессионального сообщества перед другими заинтересованными сторонами, принятие профессиональных стандартов, обеспечение закрытия рынка, защита преобладания профессиональной этики и т.д.). Частично это связано с отсутствием опыта саморегулирования в российской истории и резким вторжением на мировой рынок в 1990-е гг. Современная традиция преобладания государства в экономике и обществе влияет на развитие саморегулируемых организаций. В течение последних двух десятилетий в России возникло множество организаций, называющих себя СРО, акционерными обществами. Перед российской юридической наукой сегодня стоит вопрос определения статуса данного профессионального сообщества.

В настоящее время определяют, какие из российских профессиональных сообществ должны регулироваться государством. Это также верно для саморегулируемых институтов. В целом можно выделить две модели государственного регулирования, каждый из них имеет разные последствия:

1. Социально значимые виды профессиональной деятельности, сопряженные с повышенными рисками для общества, что, следовательно, должно быть предотвращено институциональными мерами, в частности, государственное лицензирование.

2. В рамках вида профессиональной деятельности возникают положительные условия для автономии как в экономической деятельности, так и в социальной ответственности, создавая тем самым экономическую и социальные условия превращения организации в СРО [2].

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», понятие «саморегулируемая организация» включает в себя некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъ-

ектов профессиональной деятельности определенного вида [7].

СРО можно определить, как бизнес-ассоциации с фиксированным членством, осуществляющие свою хозяйственную деятельность в рамках установленных правил и стандартов. В то же время нельзя утверждать, что любая бизнес-ассоциация является саморегулируемой организацией. Признаки, которые характерны для СРО – это процесс делегирования прав и полномочий, что является механизмом осуществления сделок внутри СРО.

Представительство и защита интересов предпринимателей – это основная цель такой организации. Можно выделить следующие отличительные черты саморегулируемых организаций:

– стандартизация процессов ведения бизнеса;

– мониторинг и контроль за соблюдением правил и стандартов;

– наличие системы санкций за нарушение правил;

– формирование собственно разработанной процедуры внесудебного разрешения споров между членами сообщества и потребителями.

Что касается классификации СРО, то можно их определить, как саморегулируемые организации, которые:

– наделяются государством полномочиями по лицензированию, некоторому контролю за участниками рынка, как, например, в сфере оценки недвижимости.

– не наделяемые государством публичными функциями, а созданные исключительно в рамках объединения участников рынка определенной сферы для лоббирования интересов, обмена опытом.

Тем самым, при определении статуса СРО, важно упомянуть, что главной задачей саморегулируемых организаций становится объединение субъектов экономики в лице юридических компаний и предпринимателей, которые действуют в той или иной отрасли экономики.

Мы считаем, что в юридической науке можно обозначить еще одно определение саморегулируемой организации – как объединение субъектов экономической деятельности, которые могут обмениваться опытом и знаниями, решать вопросы, связанные с профессиональной деятельностью и иметь некоторую автономию, при этом руководствуясь принципами государственного регулирования.

Библиографический список

1. Маликова А.Х. Влияние бюджетно-финансовой политики на проблемы обеспечения достойной жизни // Развитие рынка труда на современном этапе социально-экономических преобразований: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГАУ, 2020. – С. 52-55.

2. Development of Professional Associations in Russia: A Research into Institutional Framework, Self-Regulation Activity, and Barriers to Professionalization. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2357974 (дата обращения: 18.10.2020).

3. Верещагин Ю.А. Судебная реформа 1864 года и адвокатура. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/09/23/609828-sudebnaya-reforma-1864-advokatura (дата обращения: 18.10.2020).

4. Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. N 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» Система ГАРАНТ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.garant.ru/12124999/#ixzz6bF0OvqJx (дата обращения: 18.10.2020).

5. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» Система ГАРАНТ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.garant.ru/12157433/#ixzz6bF12zPfg (дата обращения: 18.10.2020).

6. История саморегулирования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://roswaste.ru/istoriya-samoregulirovaniya (дата обращения: 18.10.2020).

7. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ, 03.12.2007. № 49. Ст. 6076.

PROBLEMS OF DEFINING THE CONCEPT OF «SELF-REGULATORY ORGANIZATION» IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE

A.Kh. Malikova, *Doctor of Legal Sciences, Professor*
V.E. Movsesyan, *Student*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The article discusses the preconditions for the emergence of the concept of self-regulatory organization. The main approaches of the institute of self-regulatory organizations are considered. The regulatory framework and the status of SROs in the legislation of the Russian Federation are presented. The main features and features that distinguish this type of professional community are given. The main role of the state and its relationship with the self-regulatory organization are determined. The definition of SRO as an association of entrepreneurs by interests is proposed.*

Keywords: *self-regulatory organization, judicial reform, SRO status, entrepreneurial activity, business law, self-regulation.*

ЭЛЕКТРОННЫЙ НОТАРИАТ В РОССИИ

А.А. Малякова, *магистрант*
Е.Б. Калашникова, *канд. ист. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11186

Аннотация. *Концепция электронного нотариата в России является одним из проявлений тенденции к цифровизации и расширению применения инструментов электронного документооборота. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода в понимании и толковании термина «электронный нотариат», и наличие ряда проблем, осложняющих реализацию концепции в практической плоскости.*

В статье рассматривается содержание термина «электронный нотариат», оценивается текущее состояние реализации одноименной концепции в России и выявляются проблемы, сопутствующие реализации.

Автором сделаны выводы о том, что электронный нотариат следует рассматривать как обобщающее понятие и формой его практической реализации является единая информационная система нотариата (ЕИС). Ключевые проблемы реализации электронного нотариата, по мнению автора, связаны с обеспечением нотариальной тайны и соблюдения правил обработки персональных данных при использовании инструментов электронного документооборота.

Ключевые слова: *электронный нотариат, электронный документооборот, нотариат, нотариальная деятельность, единая информационная система нотариата.*

Процесс цифровизации охватывает в настоящее время практически все без исключения сферы жизнедеятельности общества. Не является исключением и деятельность таких общественно-правовых институтов, как нотариат. В правовой литературе в последние годы все чаще находит употребление термин «электронный нотариат». Оценка перспектив и существующих проблем развития электронного нотариата в России представляется актуальной задачей для исследования в рамках настоящей статьи.

Прежде всего, считаем необходимым рассмотреть понятие электронного нотариата и его содержание. Под электронным нотариатом следует рассматривать совокупность организационно-правовых и технических средств, обеспечивающих возможность ведения нотариусами документооборота в электронной форме – в частности, совершения нотариальных действий и фиксации носителей соответствующей информации в электронном виде. По аналогии с термином «электронное правительство» в данном случае речь не идет о существовании отдельного органа или учреждения, и содержание исследуемого понятия сводится исключительно к совокупности средств электронного документооборота. Исследователи отмечают, что данное понятие носит обобщающий характер (в некоторых источниках рассматривается как концепция), не находит выражения в качестве легально определенной дефиниции, и не применяется для целей регулирования общественных отношений [6].

При этом с реализацией электронного нотариата тесно связано понятие единой информационной системы нотариата (далее – ЕИС), которое, в отличие от исследуемого термина, имеет определение, закрепленное в законодательных нормах. Так, по смыслу ст. 34.1 Основ законодательства РФ о нотариате [1] (далее – Закон о нотариате) под указанным понятием подразумевается информационная система, целью функционирования которой выступает упорядочивание и автоматизация процессов, связанных с обработкой сведений, вытекающих из осуществления нотариальной деятельности, и обеспечение в последующем обмена такими сведениями.

По нашему мнению, ЕИС следует рассматривать как форму практического воплощения (реализации) концепции электронного нотариата, поскольку, как уже было ранее указано, электронный нотариат как термин носит обобщающий характер и выступает в качестве наименования определенной концепции, реализуемой с помощью совокупности организационно-правовых и технических средств. И ЕИС в данном случае выступает формой практического воплощения этой совокупности.

В структуру ЕИС, исходя из положений Закона о нотариате, в настоящий момент включается ряд реестров, ведение которых осуществляется в электронной форме. К числу таковых относятся реестры: нотариальных действий; наследственных дел; списков участников обществ с ограниченной ответственностью; уведомлений о залоге имущества, не относящегося к недвижимым вещам. Следует отметить, что законодатель своевременно реагирует на потребности, возникающие в обществе в части совершения нотариальных услуг: с 29 декабря 2020 года федеральным законом указанный перечень реестров будет расширен посредством включения в структуру ЕИС реестра нотариальных действий, совершенных удаленно, и сделок, в удостоверении которых приняли участие два и более нотариуса [2].

Статистические данные наглядно отражают потребность участников общественных отношений в тех возможностях, которые предоставляют средства электронного документооборота, применяемые в нотариате: по данным, приведенным в работе Д.В. Углицкого, возрастает актуальность ведения различных публичных реестров для обеспечения возможности граждан обезопасить себя от недобросовестных контрагентов. Так, в 2018 г. реестром доверенностей, размещенном на сайте Федеральной нотариальной палаты, граждане воспользовались 1,6 миллиона раз. Более 8 миллионов раз был проверен реестр уведомлений о залоге движимого имущества, при этом физических лиц в основном интересовали автомобили. Реестром наследственных дел воспользовались порядка 800 000 человек [6].

Вполне очевидно, что развитие электронного документооборота в нотариате имеет значительный потенциал для обеспечения доступности тех средств защиты прав и интересов участников общественных отношений, которые непосредственно связаны с совершением нотариальных действий. При этом, однако, существуют факторы, отрицательно влияющие на развитие электронного нотариата. В числе проблем, связанных с реализацией концепции электронного нотариата в России, исследователи отмечают:

1. Отсутствие организационно-правовых и технических условий для полноценного обеспечения нотариальной тайны при использовании электронного документооборота.

2. Наличие сложностей, связанных с обеспечением соблюдения требований законодательства об обработке персональных данных.

Полагаем необходимым для решения первой из указанных проблем уточнить в законодательстве о нотариате содержание понятия и пределы действия нотариальной тайны, поскольку в настоящее время действующие законодательные нормы не позволяют однозначно установить, что именно подразумевается под нотариальной тайной, и какие именно сведения следует относить к числу информации, в отношении которой действует соответствующий правовой режим. В числе мер, способствующих решению второй из названных проблем, представляется необходимым указать, в частности, дополнение и конкретизацию положений действующего Закона о нотариате в части регламентации ЕИС, а также Положения о ЕИС [3] с учетом положений действующего законодательства об обработке персональных данных.

Представляется очевидным, что формы воплощения концепции электронного нотариата будут и далее активно развиваться в условиях повсеместной цифровизации общества. Уже в 2018 году был осуществлен окончательный переход на электронный документооборот, вследствие чего можно говорить о наличии базиса для последующего развития электронного нотариата в России.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020) // СПС Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/10102426/
2. Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341788/
3. Положение «О единой информационной системе нотариата» (ЕИС) (утв. в новой редакции Правлением Федеральной нотариальной палаты (протокол N 03/16 от 28 марта 2016 г.) // СПС Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70225270/
4. Долгов С.Г. Предоставление нотариальных услуг с использованием электронных технологий (цифровой нотариат) // Нотариус. – 2019. – №3. – С. 38-41.
5. Кириллова Е.А. Тенденции развития электронного нотариата в России // Нотариус. – 2019. – № 8. – С. 44-46.
6. Углицких Д.В. К вопросу «электронного нотариата»: правовые аспекты регулирования и проблемы практики // Нотариус. – 2020. – №3. – С. 40-44.
7. Ярошенко Т.В. Применение информационных (электронных) технологий в нотариальной деятельности // Нотариус. – 2020. – № 1. – С. 38-41.

ELECTRONIC NOTARY IN RUSSIA

A.A. Malyakova, *Graduate Student*
E.B. Kalashnikova, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *This concept of electronic notaries in Russia is one of the manifestations of the trend towards digitalization and the expansion of the use of electronic document management tools. The relevance of the study is due to the lack of a uniform approach in understanding and interpreting the term "electronic notary", and the presence of a number of problems that complicate the implementation of the concept in a practical plane.*

The article examines the content of the term "electronic notary", evaluates the current state of implementation of the concept of the same name in Russia and identifies the problems associated with the implementation.

The author draws conclusions that electronic notary should be considered as a generalizing concept and the form of its practical implementation is a unified information system of notaries (EIS). Key problems in the implementation of electronic notaries, according to the author, are associated with ensuring notarial secrecy and compliance with the rules for processing personal data when using electronic document management tools.

Keywords: *electronic notary, electronic document circulation, notary, notarial activity, unified information system of notaries.*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

А.А. Малякова, *магистрант*
А.Х. Маликова, *д-р юрид. наук, профессор*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11187

Аннотация. *Актуальность исследования вопросов герменевтики как методологического подхода обусловлена тем, что в настоящее время в научном сообществе активно обсуждается вопрос о методологии юридической науки с учетом тенденций развития современного общества, и оценивается роль и значение герменевтики в системе существующих методов. В статье рассматривается сущность и содержание герменевтики как методологического подхода, оценивается роль и значение герменевтики в современной методологии юридической науки. Выделяются проблемные и противоречивые аспекты, связанные с оценкой данного метода в кругу исследователей-правоведов. Автор приходит к выводу о том, что герменевтика как метод познания обладает значительным потенциалом для юридической науки, и указывает на необходимость дальнейшего осмысления и разработки герменевтики в исследованиях, посвященных методологии юридической науки.*

Ключевые слова: *герменевтика, юридическая герменевтика, методология юридической науки, нормативно правовой акт, правоведение.*

В настоящее время, в условиях глобализации общества и размывании границ существующих правовых систем [1], значительно актуализировался вопрос о методологии современной юридической науки. Герменевтика как метод возникла в философии, и была заимствована правоведами, однако до сих пор не сложилось единого мнения о её роли в исследовании правовых явлений. Учитывая значительный потенциал данного метода для решения проблемы соотношения методологического, теоретического и прикладного знания в юриспруденции, представляется актуальным и целесообразным рассмотреть отдельные проблемы юридической (правовой) герменевтики в настоящей статье.

Герменевтика как метод юридической науки характеризуется рядом сущностных особенностей. Прежде всего, направленность этого метода обусловлена знаковой природой и функциональным назначением текстов – выступать в качестве носителя информации. Помимо этого, исследователями методологии справедливо отмечается, что в рамках герменевтики имеет место разделение объективного смысла текста и психологических аспектов, связанных с его формированием. Иными словами, текст, помимо наличия объективного смысла, имеет свойство чувственного восприятия объектов, которое передается создателем этого текста [3].

В практической плоскости данные особенности выражаются в том, что юристу в процессе исследования нормативного акта иного периода, либо иной правовой системы недостаточно уяснить буквальное значение текста, в котором сформулированы правовые нормы. Существует необходимость в уяснении содержания с учетом конкретных исторических, культурных, политических и иных особенностей, характеризующих общество, в котором возникли отношения, подлежащие регулированию данным нормативным актом.

В связи с этим рядом исследователей вполне обоснованно отмечается значительный методологический потенциал правовой герменевтики для решения задач сравнительного правоведения: применения соответствующего подхода может позволить установить не только истинный смысл нормативного правового акта, но и выявить связующую нить между историческим и современным этапами развития

правовой системы, а также определить характер функционирования и взаимодействия различных правовых систем в совокупности [4].

Сущность герменевтического метода обусловлена такими принципами (свойствами), как необходимость предварительного понимания, бесконечность интерпретации и герменевтический круг. Под первым свойством в литературе обозначается существование некоего предшествующего представления и восприятия исследуемого объекта: иными словами, любая попытка толкования основана на ранее существующем знании. В свою очередь, свойство бесконечности интерпретации подразумевает собой наличие множества подходов к толкованию конкретного взятого события, правовой нормы или нормативного акта в целом. Эти свойства не могут существовать в отдельности между собой и изолированно от принципа герменевтического круга, подразумевающего процесс толкования объекта исследования посредством соотношения части и целого, когда понимание части складывается из предшествующего ему понимания целого, а понимание целого невозможно без понимания частей исследуемого объекта.

Анализируя роль герменевтики в методологии юридической науки, отдельные авторы указывают, что право и политика вторичны по отношению к жизни общества, взаимодействию различных социальных групп и их интересам. И именно герменевтика, по мнению этих исследователей, способствует уяснению первичного, а не вторичного в механизме правового регулирования общественных отношений [3].

Другие авторы (в частности, Н.А. Власенко) отмечают, что ключевым фактором, обуславливающим актуальность применения герменевтического подхода в праве является то, что именно посредством инструментов герменевтики (толкование, интерпретация) происходит движение обязательного правила поведения, выраженного в норме права, от законодателя к правоприменителю, а от правоприменителя к воплощению в практической плоскости. Иными словами, инструменты герменевтики позволяют норме права получить реальное применение и воплощение в жизни общества [2].

Следует согласиться с указанной позицией, поскольку в условиях многозначности текста нормативного акта, когда он обусловлен рядом контекстов (историческим, духовным, экономическим, и др.), применения формальной юридического логики для понимания его значения явно недостаточно. Интерпретация, составляющая основу герменевтического метода, определяемая как толкование текста, и понимание, трактуемое в широком смысле как постижение знаков, составляют как бы две стороны одной медали. Ведь сама работа по интерпретации призвана преодолеть дистанцию, отделяющую читателя от чуждого от него текста, чтобы поставить его на один культурный (информационный) уровень с автором текста и таким образом включить смысл этого текста в понимание читателя.

В то же время далеко не все исследователи однозначно оценивают значение герменевтики как метода юридического исследования. Например, В.М. Сырых обосновывает в своей работе бесперспективность герменевтики как метода познания в праве. Доводы исследователя обусловлены следующим:

Во-первых, указывается на отсутствие чёткой методики анализируемого метода, т. е. совокупности взаимосвязанных этапов (стадий) и правил его применения. Любой метод предполагает известную последовательность действий на основе чёткого осознаваемого артикулируемого, контролируемого, идеального плана в самых различных видах познавательной и практической деятельности в обществе и культуре. Степень этой осознанности и контроля может быть различной, но так или иначе осуществление деятельности на основе того или иного метода, в принципе, предполагает сознательное соотнесение способов действия субъектов данной деятельности с реальной ситуацией.

Во-вторых, не просто дифференцировать герменевтический метод и методы толкования права, особенно исторический (историко-политический, историко-

целевой), применение которых направлено на выявление истинной воли законодателя, выраженной в том или ином юридическом источнике права. Поэтому не удивительно, что современные авторы, обращаясь к юридической герменевтике, плавно переходят к вопросам толкования права.

Отдельно следует упомянуть отсутствие единообразного подхода к пониманию толкования и интерпретации как составных элементов герменевтики, и их соотношения между собой. Данная проблематика также неоднократно затронута в исследованиях, посвященных вопросам юридической методологии [5].

В связи с этим, несмотря на значительный потенциал герменевтики в качестве метода исследования, в настоящий момент в юридической науке он не является общепризнанным, и в ряде источников рассматривается как нетрадиционный [4]. Тем не менее, представляется очевидным, что при дальнейшем методологическом осмыслении и разработке этот подход может справедливо занять одну из ключевых позиций в современной методологии юридической науки.

Библиографический список

1. Маликова А.Х. Сравнительное правоведение. Краткий учебный курс // Отв. ред. акад. АН РТ, д.ю.н., проф. Ф.Т. Тахиров. – Душанбе, 2008. – 112 с.
2. Власенко Н. А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 5-19.
3. Кожевников В.В. О герменевтическом методе в правоведении // Вестник Омского университета. – 2020. – № 1. – С. 15-26.
4. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Методологические проблемы юридической герменевтики // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – №1 (52). – С. 60-67.
5. Гаврилова Ю.А. Толковать нельзя интерпретировать // Legal Concept. – 2018. – № 3. – С. 83-90.

SEPARATE PROBLEMS OF LEGAL HERMENEUTICS

A.A. Malyakova, *Graduate Student*
A.Kh. Malikova, *Doctor of Legal Sciences, Professor*
Samara State University of Economic
(Russia, Samara)

Abstract. *This relevance of studying the issues of hermeneutics as a methodological approach is due to the fact that the scientific community is currently actively discussing the methodology of legal science, taking into account the development trends of modern society, and the role and significance of hermeneutics in the system of existing methods is assessed. The article examines the essence and content of hermeneutics as a methodological approach, evaluates the role and importance of hermeneutics in the modern methodology of legal science. The problematic and contradictory aspects associated with the assessment of this method in the circle of legal researchers are highlighted. The author comes to the conclusion that hermeneutics as a method of cognition has significant potential for legal science, and points out the need for further understanding and development of hermeneutics in research devoted to the methodology of legal science.*

Keywords: *hermeneutics, legal hermeneutics, methodology of legal science, legal act, jurisprudence.*

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СОХРАНЕНИЯ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

А.А. Малякова, *магистрант*
Т.С. Черевиченко, *канд. юрид. наук, доцент*
Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11188

Аннотация. *Актуальность темы настоящего исследования обусловлена трансформацией правовых систем, происходящей под воздействием глобализации. В статье рассматривается вопрос о возможности сохранения правовой идентичности субъектов общественных отношений в условиях трансформации национальных правовых систем, и перспективах формирования единой глобальной правовой системы. Автор анализирует понятие правовой идентичности и выделяет факторы, сопутствующие глобализации и оказывающие влияние на правовую идентичность личности. Сделан вывод об обоснованности и целесообразности установления на уровне национального законодательства рамок, обеспечивающих баланс интересов между установлением всеобщих (внеюрисдикционных) прав и свобод человека, и сохранением целостности правовых систем.*

Ключевые слова: *глобализация, законодательство, право, правовая система, правовая идентичность.*

Интеграционные процессы, происходящие в мировом сообществе в последние годы в рамках общей тенденции к глобализации, оказывают значительное влияние на все без исключения сферы жизни общества: экономическую, культурную, политическую, правовую и др. В этих обстоятельствах актуализировался вопрос о том, смогут ли сохраниться сложившиеся к настоящему моменту национальные правовые системы в качестве самостоятельных, или же произойдет формирование единой глобальной правовой системы – или, как её именуют в некоторых исследованиях, «суперсистемы» [1]. Одновременно с этим возникает и вопрос о том, насколько возможно сохранение правовой идентичности граждан современных государств в условиях размывания границ между правовыми системами и государствами в целом. Учитывая возможный потенциал таких масштабных изменений, предполагается актуальным рассмотреть и проанализировать обозначенный вопрос в рамках настоящей статьи.

Глобализация как явление исследуется с позиции различных наук, в силу чего наделяется различными формами воплощения: как процесс, как форма взаимодействия, и др. В контексте правовой науки некоторыми авторами глобализация рассматривается как форма взаимодействия национальных правовых систем, и этот подход также имеет достаточные основания для своего существования. На наш взгляд, глобализацию следует рассматривать как тенденцию развития всей человеческой цивилизации, выраженную как в частных, так и в общих проявлениях. Иными словами, глобализация есть явление всеобъемлющее, охватывающее всю жизнь современного общества, вследствие чего можно говорить о наличии проявлений глобализации и в праве, и в культуре, и в любой иной сфере жизни общества.

Необходимо также внести ясность в отношении того, что подразумевается под правовой идентичностью. В литературе существует множество подходов к определению этого понятия, однако в данном случае предполагается целесообразным избежать сопоставления этих подходов, и сразу перейти к определению, которое, на наш взгляд, является наиболее точным и содержательным для описания сущности правовой идентичности.

Указанное определение сформулировано в работах Н.В. Исаевой: по мнению ис-

следователя, правовая идентичность есть не что иное, как свойство, присущее субъекту права, и выраженное в форме самоопределения им в категориях прав, свобод, обязанностей и ответственности, которые этот субъект воспринимает как правовые ценности, вследствие чего демонстрирует в своем поведении положительное правосознание [3]. Иными словами, это ощущение принадлежности субъекта к сложившемуся правопорядку, и желание следовать правилам поведения, заложенным этим правопорядком.

С учетом приведенного определения возникает вопрос о том, каким образом может влиять глобализация (как объективно сложившаяся тенденция развития права) на правовую идентичность. Необходимо отметить следующие проявления глобализации, происходящее в рамках правовых систем:

1. Экстерриториальность права.

В настоящее время уровень развития информационных сетей (прежде всего, сети «Интернет») позволяет субъектам общественных отношений вести свою деятельность не только на территории их местонахождения, но и по всему миру – в особенности, это касается сферы электронной коммерции. В этих условиях государство, на территории которого находится тот или иной субъект, не способно в полной мере контролировать его деятельность, а потому получается, что глобальная электронная среда выходит за рамки отдельной правовой системы, и существует вне государств [2].

В связи с этим, к примеру, разрешение споров между субъектами электронной коммерции обуславливает необходимость участия нескольких национальных юрисдикций, в одной из которых органом правосудия разрешается возникший правовой конфликт по существу дела выносится решение, а в другой (уже иностранным по отношению к первой юрисдикции органом правосудия) это решение приводится в исполнение в отношении подпадающего под юрисдикцию участника общественных отношений.

2. Взаимная рецепция правовых конструкций правовыми системами.

Анализ и обобщение практики правового регулирования разных стран предоставляют возможность заимствования наиболее успешных практик в свою национальную правовую систему. Вполне очевидно, что этот процесс не является односторонним, и в настоящее время значительная часть существующих правовых систем включает в себя некогда заимствованные из других правовых систем элементы.

В условиях глобализации, как представляется, количество заимствований отдельных элементов между правовыми системами будет возрастать.

3. Усиление роли норм и принципов международного права.

За последние десятилетия значительно возросло количество актов международного права, определяющих принципы и правила регулирования на национальном уровне. В особенности, это касается стран Европейского союза, фактически (во многих отношениях) выступающих в качестве единого экономического, социального и правового пространства.

Указанные факторы, на наш взгляд, коренным образом влияют на правовую идентичность субъектов права, поскольку юридическое самоопределение в условиях размывания границ государства и общества становится все более сложной задачей. При этом обостряется противоречие поколений субъектов общественных отношений, поскольку у предшествующих идентичность сформировалась в условиях, когда названные факторы не существовали или не имели такой степени влияния на общества, а последующие уже целиком и полностью попали под воздействие этих факторов.

Среди негативных последствий следует в данном случае отметить отсутствие культурной и исторической обусловленности норм, возникающих в национальных правовых системах вследствие глобализации. Исходя из позиций герменевтического подхода к познанию, для уяснения сущности закрепленных в законе правил поведения необходимо учитывать не только формальное содержание, но и исторический, культурный и иные контексты, выступающие предпосылками для обоснова-

ния и закрепления правил поведения в тексте закона. И в условиях глобализации и повсеместного заимствования правовых конструкций уровень восприятия обществом новых правовых ценностей едва ли будет высоким.

В связи с этим, на наш взгляд, обосновано и целесообразно установление на уровне национального законодательства четких рамок и правил, посредством которых будет обеспечиваться разумный баланс между установлением удобных для всех правопорядков механизмами взаимодействия и обеспечения прав и свобод каждого человека, вне зависимости от юрисдикции, и сохранением целостности правовых систем – поскольку в условиях, когда отдельную правовые системы трансформируются в единую глобальную суперсистему, возникнут новые проблемы, к решению которых современное общество пока еще не готово.

Библиографический список

1. Азнагулова Г.М. Глобальная правовая система: перспективы формирования // Новый университет. Серия «Экономика и право». – 2012. – №3 (13). – С. 51-52.
2. Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – №1 (102). – С. 115-124.
3. Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2014.

ON THE PROBLEM OF PRESERVING LEGAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF LEGAL SYSTEMS

A.A. Malyakova, *Graduate Student*
T.S. Cherevichenko, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Samara State Economic University
(Russia, Samara)

Abstract. *The relevance of the topic of this study is due to the transformation of legal systems taking place under the influence of globalization. The article discusses the issue of the possibility of preserving the legal identity of subjects of public relations in the context of the transformation of national legal systems, and the prospects for the formation of a single global legal system. The author analyzes the concept of legal identity and highlights the factors accompanying globalization and influencing the legal identity of an individual. The conclusion is made about the validity and expediency of establishing a framework at the level of national legislation that ensures a balance of interests between the establishment of universal (extrajurisdictional) human rights and freedoms, and the preservation of the integrity of legal systems.*

Keywords: *globalization, legislation, law, legal system, legal identity.*

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

В.А. Меренкова, *студент*
Научный руководитель: *И.А. Подройкина, д-р юрид. наук, доцент*
Российская таможенная академия, Ростовский филиал
(Россия, г. Ростов-на-Дону)

DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11189

Аннотация. *В данной статье рассматривается вопрос о введении в Уголовный кодекс такого понятия, как «Уголовный проступок». Внимание обращается на Законопроект, закрепляющий рассматриваемое понятие, приводятся различные точки зрения авторов и специалистов в области уголовного права, а также автор выделяет собственную позицию по этому поводу.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс, уголовный проступок, уголовное законодательство, Верховный суд РФ, административное право.*

В последнее время законодатель стремится все больше гуманизировать и либерализовать уголовное законодательство, тем самым сокращая меру уголовной «репрессии». В 2015 году В.В. Путин, обращаясь в очередной раз к Федеральному собранию, высказал следующее «закон должен быть суров к тем, кто осознанно пошел на тяжкое преступление….и гуманен к тем, кто оступился», указывая на то, что «пребывание в местах лишения свободы, а в последующем судимость, которая негативно сказывается на личности человека, служит неким препятствием для адаптации к нормальной жизни в обществе» [1].

31 октября 2017 года Верховный суд РФ выступил с законотворческой инициативой о внесении в Уголовный кодекс РФ такой категории как «уголовный проступок» [2]. Данный законопроект имеет свою предысторию, еще в начале 1960-х годов, Н.Ф. Кузнецова и ряд других авторов и ученых (М.Д. Шаргородский, Н.Д. Дурманов и т.д.) предлагали дифференциацию преступлений по степени их тяжести, объединив небольшой и средней тяжести преступления в одну группу, и именовать их уголовными проступками [3]. Опыт зарубежных стран, демонстрирует нам эффективность анализируемого института. Уголовный кодекс Латвии классифицирует преступные деяния на преступления и проступки, определяя последние как «деяния запрещенные настоящим кодексом, лишение свободы за которые не превышает двух лет, либо предусмотрено более мягкое наказание» [4].

Верховный суд предлагает своим законопроектом из всего числа преступлений небольшой тяжести выделить те деяния, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы и назвать их уголовными проступками, закрепив это в ч. 2 ст. 15 УК РФ. Освобождением же, от впервые совершенного уголовного проступка является применение к лицу одной из мер уголовно-правового характера. Также, в законопроекте предусматривается обязательное освобождение несовершеннолетних, впервые совершивших уголовный проступок, от уголовной ответственности с применением одной из указанных мер. К тому же предлагается сократить срок давности, он будет составлять один год после совершения уголовного проступка. Данная гуманизация уголовного законодательства породит и ряд новых процедур, в УПК РФ предполагается внести изменения в статьи 25.1, 29, 427, 431, 432, а также в статьи главы 51.1. Однако прекращение уголовного преследования в отношении лица, совершившего уголовный проступок, не исключает право потерпевшего на возмещение причиненного ему вреда, только уже в рамках искового производства.

Предлагаемое нововведение вызвало большие дискуссии у многих ученых и специалистов в области уголовного права. Забегая вперед, хочется отметить, что Правительство РФ, дало отрицательное решение по этому поводу, аргументируя тем, что:

– во-первых, пострадавшая сторона не сможет рассчитывать на возмещение вреда;

– во-вторых, такие изменения дадут еще больше нагрузку на уголовно-исправительную систему;

– в-третьих, реализация данного введения потребует дополнительные расходы из бюджета страны.

Анализируя, предложенный Верховным Судом РФ законопроект, ряд авторов и теоретиков разделились во мнениях. Одни утверждают, что сама идея проступка хороша, аргументируя тем, что, переводя преступления в разряд проступков, расследование последних будет происходить проще, тем самым снизятся сроки и процессуальные требования. Такой позиции придерживается заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Илья Кучеров. Однако другие же эксперты видят в этом нововведении больше минусов, чем плюсов. Предлагается остановиться на них и раскрыть подробней.

Во-первых, возникает сомнение в выводах Верховного Суда об отсутствии факта судимости. Не секрет, она является неким «клеймом» на личности, но, как и все деяния, уголовный проступок, запрещен УК РФ и при наличии приговора суда, должен влечь судимость. Как отмечает Л.В Головко «Что имеют в виду создатели законопроекта, заявляя подобное? Что лицо будет сколько угодно часто умышленно совершать уголовные проступки, а суд не будет вправе учитывать этот факт при определении вида или размера наказания. Так сказать, ничего не было?» [6].

Вторым минусом введения категории «уголовный проступок» является то, что он займет некую промежуточную «стезю» между административным и уголовным правом, тем самым, как считает Л.В. Иногамова-Хегай «границы данных отраслей могут окончательно размыться» [7].

Третьим и последним в данной работе, но не в реальной жизни, минусом является тот факт, какие же именно деяния Верховный Суд хочет перевести в разряд проступков, поскольку от того, какие преступления законодатель отнесет к уголовным проступкам, будет зависеть вектор уголовной политики государства в борьбе с преступностью на ближайшую перспективу.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что предложенный законопроект в таком виде, который был заявлен, является непроработанным с позиции теории уголовного права, он содержит ряд пробелов, поэтому его реализация на практике не является возможной.

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2015 года. Официальный сайт Президента РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/50864

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 N 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Интернет портал СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB001&n=517495 #07405680393833716

3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во Московского университета, 1969.

4. Уголовный кодекс Латвийской республики

5. Конституция Российской Федерации 1993 года // Интернет портал СПС «КонсультантПлюс»
6. Головко Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплёка // Закон. – 2018. – №1. – С. 128-136.
7. Иногамова-Хегай Л.В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. – 2017. – №4. – С. 53-58.

ON THE INTRODUCTION OF A CRIMINAL OFFENSE INTO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.A. Merenkova, *Student*
Supervisor: *I.A. Podroikina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor*
Russian Customs Academy, Rostov branch
(Russia, Rostov-on-Don)

Abstract. *This article discusses the introduction of the concept of "criminal misconduct" in the criminal code. Attention is drawn to the Draft law that establishes the concept under consideration, various points of view of authors and specialists in the field of criminal law are given, and the author also highlights his own position on this issue.*

Keywords*: criminal code, criminal misdemeanor, criminal law, Supreme court of the Russian Federation, administrative law.*

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 10-3 (49), октябрь 2020 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:
E-mail: info@intjournal.ru
Сайт: http://intjournal.ru/
Телефон: +7-903-997-73-15
Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.11.2020 г.
Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 8,1 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Медиа центр»
г. Новосибирск, Кр. проспект, 220, корпус 2, офис 109.
Тел. 8(383)263-32-11, print@mcholding.ru

Цена печатного экземпляра: 490 руб.